

ПОПРОСИ МЕНЯ

МАТРИАРХАТ
ПУТЬ ВОСХОЖДЕНИЯ
НИЗОСТЬ И ВЕРШИНА ПРИРОДЫ СТУПЕНЧАТОСТИ
И СТУПЕНЬ КАК АКСИОМА СУЩЕСТВОВАНИЯ ЦАРСТВА
СВОБОДЫ

КНИГА 2

18+

Александр Васильевич Атрошенко

Попроси меня. Т. II

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72243580

SelfPub; 2025

Аннотация

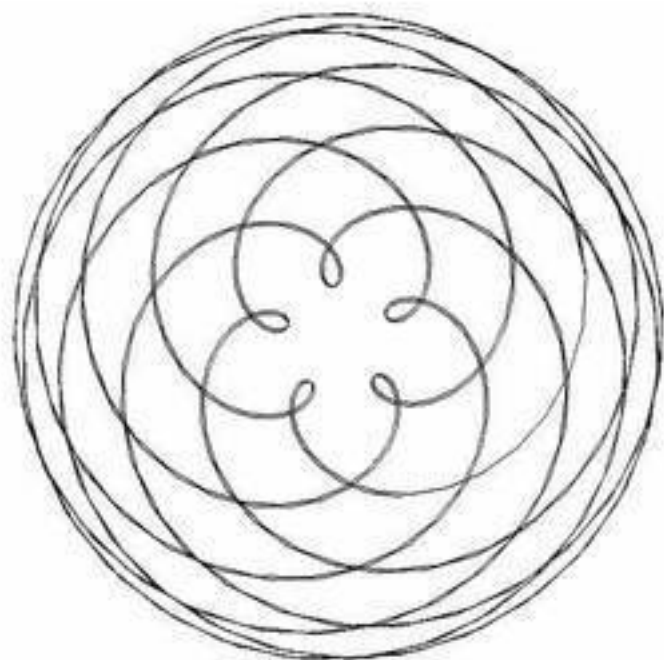
Книга повествует о царствованиях Ивана III, Василия III, Ивана IV, Фёдора, Бориса Годунова, Фёдора II, Лжедмитрия I и Лжедмитрия II. Рассматривается состояние «гармонии» с точки зрения обычной логики вещей. Раскладывается герметизм, демонстрируя его предтечность классической философии.

Содержание

ИВАН III ВАСИЛЬЕВИЧ	10
БЫТ. УПРАВЛЕНИЕ. ЦЕРКОВЬ. БОРЬБА С ЕРЕТИКАМИ. КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ. ПАДЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ	63
ВАСИЛИЙ III ИВАНОВИЧ	87
ГАРМОНИЯ	150
Конец ознакомительного фрагмента.	226

Александр Атрошенко
Попроси меня. Т. II

ПУТЬ РОССИИ

Повествование разворачивает события истории России с позиции взаимоотношений человека с Богом. Автор поднимает исторические факты, которые до сих пор не были раскрыты академической школой, анализирует их с точки зрения христианской философии. Например, образование Руси, имеющей два основания – духовное и политическое, крещение, произошедшее далеко не в привычной интерпретации современной исторической наукой, которое следует правильнее обозначить крещением в омоложение, чем в спасение, в справедливость, чем в милость, «сумасшествие» Ивана IV Грозного, который всей своей силой олицетворял это русское крещение, вылившееся затем все это в сумасшествие Смутного времени, реформатор Никон, искавший не новых начал, а старых взаимоотношений. Показывается, как русская система сопротивляется силе ее цивилизующей, впадая тем в состояние, точно сказанное классиком – «шаг вперед, и два назад» – в свою молодость, чему яркое подтверждение служит деспотичное и в то же время реформаторское правление Петра I, а затем развернувшаяся морально-политическая эпопея трилогии в лице Петра III, Екатерины II и Павла I. В представленной публикации приводится разбор появления материализма как закономерный итог увлечения сверхъестественным и анализ марксистского «Капитала», ставшее основанием наступившей в XX в. в Во-

сточной Европе (России) «новой» эры – необычайной молодости высшей фазы общественной справедливости в идеальном воплощении состояния высокого достоинства кристаллизованного матриархата.

Вторая книга повествует о царствованиях Ивана III, Василия III, Ивана IV, Фёдора, Бориса Годунова, Фёдора II, Лжедмитрия и Лжедмитрия II. Приводится характеристика русского мироустройства глазами иностранцев. Рассматривается состояние «гармонии» с точки зрения обычной логики вещей. Раскладывается герметизм, демонстрируя его предтечность классической философии.

ПОПРОСИ МЕНЯ

2

ИСТОРИЯ РОССИИ И МИРА

В ФАКТОРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

МИРОВОЗЗРЕНИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ

ПРИРОДЫ БЫТИЯ, И ВМЕШАТЕЛЬСТВО

В ЭТОТ МИР ИЗОЛЯЦИОНИЗМА

БОГА-ТВОРЦА

Я Господь, от начала до конца Я,
Я первый и последний. Я — Бог
ревнитель. Я скажу, Я определю, и
не раскаяюсь в том, и не отступлю
от того. Слово — закон. Я Господь,
и это мое имя.

Я основал мир, Своим помыслом,
распростер небеса, создал землю, сот-
ворил человека, ввел в ложь, и опре-
делил ей меру. Я, Господь сделал это.

Я творю свет и произвожу тьму,
даю и отнимаю, питаю и насыщаю,
устраиваю и разрушаю, предсказываю
и исполняю. Я делаю это, Я — Господь,
и нет Господа кроме меня.

Ты отступила от меня, блуждаешь
во тьме. Мелы пугаешься, как свет не
идешь. Разбился лоб, во укорствуешь.

Долго ли скитаться тебе? На что
надеешься? Страхнись меня подобно
блуднице, сходяживавшей свою мерзость.
Чего же ты боишься? Законов ли Моих?
Я кто Я запрещаю? Меня лишь чтят.
Ты уповаешь на себя, на силы рук своих.
Вот Я говорю не тайно немощным
посвященным, не на ухо пустынникам,
но открыто и во всеулышание, что от
века Я спасаю и благословляю, на-
полняю мир святым, Я, и никто

ИВАН III ВАСИЛЬЕВИЧ

ПОХОДЫ НА КАЗАНЬ.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ РУССКИХ ГОРОДОВ.

ОРДА. СТОЯНИЕ НА УГРЕ.

«МОСКВА – ТРЕТИЙ РИМ».

ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛ

Василий II еще в 1449 г. объявил наследником престола своего старшего сына Ивана (д. р. 22 января 1440 г.) Желая приобщить его к государственному управлению, в котором военное дело стояло на первом месте, уже в январе 1452 г. Иван возглавляет походы против Дмитрия Шемяки. Женильба наследника на Тверской княжне Марии Борисовне, 4 июля 1452 г., несмотря на юный возраст, означало признание его совершеннолетия.

Иван Васильевич уже в детстве был свидетелем княжеской междоусобицы. На его глазах произошло свержение от-

ца Дмитрием Шемякой и Иваном Можайским. В дальнейшем, усваивая в качестве соправителя опыт своего отца, Иван Васильевич приобрел такие черты характера, благодаря которым сформировалась его «холодная жестокость», отмеченная впоследствии декабристом Н.М. Муравьевым. Иван был свидетелем как в 1456 г. Василий Темный арестовал в Москве своего троюродного брата серпуховского князя Василия Ярославовича, не остановившись перед нарушением данного серпуховскому князю «крестного целования». Василий Ярославович поддерживал великого князя Московского в его борьбе с Дмитрием Шемякой, но политический расчет оказался сильнее памяти о былых заслугах: владения Василия Ярославовича располагались вблизи литовского рубежа, с которым в случае чего могло произойти их совместное объединение. А весной 1462 г. в Москве был раскрыт заговор некоторых детей боярских и дворян с целью освобождения Василия Ярославовича. Заговорщики были казнены, несмотря на Великий пост. «Множество же народа, видяще сия, от бояр и от купец великих, и от священников и от простых людей, во мнозе быша ужасе и удивлении, и жалостно ирение, яко всех убо очеса бяху слез исполнеши, яко николиже тиковая не слышаша, ниже видеша в Русских князех бываемо, понеже бо и недостоин бяше православному великому осподарю, по всеи подсолнечной сущю, и такими казми казнити, и кровь проливати во святыи великий пост»¹.

¹ Полное Собрание Русских Летописей. Том двадцать третий. Ермолинская ле-

Процесс становления единовластия был растянут на многие поколения, и Василий Темный, стремясь укрепить положение на престоле своего сына и наследника, в то же время не мог игнорировать старинного традиционного воззрения на свое княжение как на вотчину – имущество, подлежащее разделу между сыновьями. Поэтому в своей духовной (завещании) он предусмотрел выделение уделов для других своих сыновей – Юрия, Андрея Большого, Бориса и Андрея Меньшого, а также по обычаю – для своей жены Марии Ярославны. Но в то же время Василий Темный продолжал общую тенденцию, которая наблюдается при сопоставлении великокняжеских завещаний XIV-XV вв. Так, если Иван Калита оставил своим сыновьям примерно равное наследство, а Дмитрий Донской отдал старшему из пяти сыновей – Василию – треть владений, то Василий Темный завещал Ивану Васильевичу 16 крупных городов, тогда как четверем его братьям вместе – 12, что должно было послужить серьезной гарантией от новых усобиц. Таким образом, к концу правления Василия II были созданы важные предпосылки для преодоления удельной раздробленности и создания единого государства.

Вокняжение Ивана III произошло 28 марта 1462 г., к этому моменту ему исполнилось 22 года, он был женат и имел 4-летнего наследника. Несмотря на то, что летописи не говорят о получении Иваном ярлыка на великое княжение, но

осторожный Московский князь вряд ли стал нарушать традицию и, скорее всего, принял ярлык из рук ханского посла, оставался его улусником и данником.

Начало княжения Ивана III ознаменовалось выпуском золотых монет, на которых были отчеканены имена великого князя Московского и его сына, наследника престола Ивана Молодого. Выпуск монет продолжался недолго, и был прекращен спустя непродолжительное время.

Историк Н.И. Костомаров характеризует Ивана Васильевича следующим образом: «Иван был человек крутого нрава, холодный, разсудительный, с черствым сердцем, властолюбивый, неуклонный в преследовании избранной цели, скрытный, чрезвычайно осторожный; во всех его действиях видна постепенность, даже медлительность; он не отличался ни отвагою, ни храбростью, зато умел превосходно пользоваться обстоятельствами; он никогда не увлекался, зато поступал решительно, когда видел, что дело созрело до того, что успех несомненен. Забирание земель и возможно-прочное присоединение их к Московскому государству было заветною целью политической деятельности, следуя в этом деле за своими прародителями, он превзошел всех их и оставил пример подражания потомкам на долгие времена. Рядом с расширением государства Иван хотел дать этому государству строго самодержавный строй, подавить в нем древние признаки земской раздельности и свободы, как политической, так и частной, поставить власть монарха единым са-

мостоятельным двигателем всех сил государства и обратить всех подвластных в рабов своих, начиная от близких родственников до последнего земледельца. И в этом Иван Васильевич положил твердые основы; его приемникам оставалось дополнять и вести далее его дело»².

Вступив на престол, одной из особых забот Ивана было отношение с Казанским ханством, которое препятствовало волжской торговле, грабило приграничные волжские города. В 1467 г. Иван решил выступить против Казани. Но татары, узнав об этом, заранее приготовились к бою. Русское войско не стало давать сражение и вернулось ни с чем. Через несколько месяцев была предпринята другая попытка вторгнуться в Казанские земли. Воины дошли почти до самой Казани, нагнали страх на местное население и возвратились с добычей. В 1468 г. и в 1469 г. Иван предпринял попытки нанести удар по Казани. В 1469 г. большая рать сосредоточилась в Нижнем Новгороде, откуда двинулась по реке на Казань. Приплыв на судах к татарской столице, русские воины ударили по посадку и под звуки труб к утру ворвались в город и сожгли его. Но татары быстро опомнились и дали бой. Победителя не оказалось, Ивана III приказал войскам возвращаться в Москву. Осенью того же года вновь бы предпринят пятый по счету поход на Казань. На этот раз властитель го-

² Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Книга первая. Господство Дома Св. Владимира. X-XVI-ое столетия. Шестое издание. Литературный Фонд, СПб, 1912, стр. 201-202.

рода Ибрагим вынужден был заключить мир «на всей воле государя Московского».

В 1478 г. Казанский хан, нарушив клятвенные обеты, захватил Вятскую землю. Весной следующего года устюжане и вятичи выжгли селения по Каме, а московский воевода – по берегам Волги. Казанский хан Ибрагим запросил мира, однако вскоре он умер, оставив от разных жен много детей. После братоубийственной стычек князем Казани стал Алегам, недруг Руси. Стороннику московской ориентации Мухаммед-Эмину пришлось бежать в Москву. Он бил великому князю челом и назвал его отцом, т. е. совершил акт феодальной коммэндации, признав свою зависимость от русского государства. Взамен беглец просил у великого князя «силы на брата своего».

12 апреля 1487 г. под предводительством князя Даниила Дмитриевича Холмского начался поход русских войск на Казань – последний поход XV века. 18 мая конная и судовая рати оказалась под стенами ханской столицы. Али-хан сделал попытку отрезать русских, но был обращен в бегство. Началась осада Казани. Вокруг города для полной блокировки был построен непрерывный острог – контрвзвешивающая линия.

Осажденные казанцы не были едины. Их волю к сопротивлению ослабляли сторонники русских, которые, в конце концов, свергли хана Али, открыли 9 июля ворота Казани и выдали хана и всю его семью русским военачальникам. Рус-

ские войска вступили в Казань и начали ее разграбление.

На престол хана Казанского вновь был возведен Мухамед-Эмин, окруженный русскими советниками. Хана Али и его семью отправили в ссылку.

Мусульманские государства – соседи Казанского ханства – Ногайская Орда и Сибирское ханство были шокированы расправой, учиненной Московским князем в независимом Казанском ханстве. Они сделали дипломатическое представление Москве, потребовали освобождения хана Али и его семьи и передать их, хотя бы за выкуп, в мусульманские страны. Однако Иван III отклонил подобные предложения. Вместе с тем, великий князь не решился идти на полное присоединение к Москве Казанского ханства, ограничившись тем, что к своему титулу он добавил слова «государь Булгарии».

Трамплином для ведения своей политики в северо-восточной части Европы, т. е. Новгорода, был Псков, поэтому Иван III при всем желании лишать города своего права голоса и подчинить их полностью Москве, должен был проявить здесь большую деликатность. Еще в 1461 г. Василий II прислал в Псков князя Владимира, которого не просили и не хотели. По сути дела, это был уже московский наместник. Псковичам пришлось мириться и принять неугодного им князя, но в 1462 г., когда умер Василий II, Владимир был немедленно изгнан. «Выгнаша псковичи князя Володимира Ондреевича изо Пскова, а иные люди на вечи с степени съпхнули его; и он поехал на Москву с бесчестьем к велико-

му князю Ивану Васильевичу жаловаться на Псков»³.

Псковский летописец сообщает, что на вече «некоторые невежественные люди» даже спихнули его со ступени.

После изгнания неугодного Владимира псковичам пришлось вновь обратиться за князем к Москве, поскольку существовать без поддержки Москвы Псков не мог. К новому великому князю Ивану III были отправлены послами псковские посадники. Тот, желая наказать псковичей за непокорность, три дня продержал послов в сенях великокняжеского дворца, отказываясь их принять. Но ссориться с Псковом в то время ему было не выгодно: Москве предстояла долгая и трудная борьба с боярским Новгородом. Поэтому Иван III дал псковичам того князя, кого они просили. Но отношения между Псковом и Москвой с этого времени стали меняться. Московские наместники забирали себе все большую власть, что привело к восстанию в 1483 г. На этот раз восставшие не решились выгнать князя, но отправили послов к Ивану III с просьбой восстановить «старину», дать им другого князя, не нарушавшего прав вече. Иван III на эти просьбы ответил отказом и требовал, чтобы псковичи признали свою вину и подчинялись московскому наместнику. Восставшим не удалось добиться успеха. Но и Иван III принял к сведению сопротивление псковичей и не настаивал до поры до времени на дальнейшем увеличении своей власти в Пскове.

³ Полное Собрание Русских Летописей. Том пятый. Псковская и Софийская летопись. Тип. Эдуарда Праца, СПб, 1951, стр. 34.

Напряженно складывались отношения у Ивана III с Господином Великим Новгородом. Его городская верхушка стала проявлять активное сближение с Западом. Великий князь отправлял в Новгород послов с требованием: «Исправитися ко мне, моя отчина, нас и знайте; а в земли и в воды мои великаго князя не вступайтеса, а имя мое держите великаго князя честно и грозно по старине, а ко мне к великому князю посылайте бити челом по dokonчанию; и аз, свою отчину, жаловати хошу вас и в старине держати»⁴. Они не желали подчиняться Московскому князю, говоря-де Новгород не отчина великого князя, Новгород сам себе господин, и склонились под патронаж Польского короля и великого князя Литовского Казимира IV. В 1470 г. ситуация обострилась, новгородцы пригласили к себе на службу Литовского князя Михаила Олельковича (Александровича) с дружиной.

По поручению Ивана в Новгород прибыл митрополит Филипп, пытавшийся внушить горожанам, что переход под власть государя «латинской веры» есть измена православию. Однако посланцев РПЦ выдворили из Новгорода. После ухода князя Олельковича послы Новгородцев, во главе с вдовой бывшего посадника Марфой Борецкой, заключили с Казимиром договор, по которому Новгород отдавался под власть короля Польского и великого князя Литовского при сохранении новгородских обычаев и привилегий. Этого Иван вы-

⁴ Полное Собрание Русских Летописей. Том третий. Новгородская вторая и третья летопись. Тип. Импер. Акад. Наук, СПб, 1879, стр. 279-280.

нести уже не мог.

Решающая кровопролитная битва произошла 14 июля 1471 г. на р. Шелонь, где новгородское войско было разгромлено, вся боярская верхушка попала в плен. В руки Ивана попала грамота, подготовленная для Казимира, с точки зрения Московского князя она стала свидетельством измены новгородцев своему отечеству. За свою вину новгородцы должны были выплатить сумму в 16 тыс. рублей, четверо главных зачинщиков были публично казнены, остальных отправили в коломенскую тюрьму. Дальнейшее прикрепление Новгорода к Москве послужили внутренние раздоры, жители, недовольные на самоуправство посадника Ананьина, обратились с мольбами на него к Ивану III. В конце октября 1475 г. Иван выехал из Москвы в Новгород для разбора дела, а 26 октября в Городище состоялся княжеский суд. Подобная ситуация в корне меняло народное сознание, поскольку здесь на лицо происходило пренебрежение традицией, по которой должностных лиц судили только вече и совет господ. Произведя суд, Московский князь демонстрировал усиление своей власти, и то, что только князь способен защитить народ. Иван счел обвинения в сторону посадника и его сторонников правильными, арестовал их и отправил в Москву. Кроме того, взял с них штраф на сумму 1500 руб.

Несмотря на все, новгородцам понравился справедливый суд и теперь многие стали искать правду в Москве, а Иван III вызывать жителей Новгорода для суда в Москву, чего

прежде никогда не было. Хитрая политика великого князя, настраивающая новгородцев на главенство Москвы, вызывало неудовольствие бояр, у них по-прежнему были сильны польские настроения.

В мае 1477 г. они подняли мятеж против великого князя и убили его сторонников. Новгородские события вновь заставили Ивана III отправиться с войском наводить порядок. 27 ноября московские полки, расположились на льду озера Ильмень. В ходе многодневных переговоров Иван III проявил твердость, – ни на какие уступки согласия не дал и объявил, что в Новгороде не будет ни вече, ни посадника, а вечевой колокол, древний символ «Господина Великого Новгорода» будет снят и отправлен в Москву. Однако Иван пошел на уступки, обещая новгородцам оставить ряд привилегий: право сношений с соседней Швецией. Обещал не выселять новгородских бояр из города и не привлекать новгородцев к московской службе.

Твердая позиция Ивана III совпала с изменой внутри Новгорода. Глава новгородской рати В.В. Шуйский перешел на сторону великого князя и теперь новгородцам ничего не оставалось, как принять условия Ивана III. 15 января князь И.Ю. Патрикеев с четырьмя московскими боярами получил от новгородцев грамоту с 58 печатями о том, что они обязываются верно служить Ивану III, и стал приводить новгородцев к крестному целованию, затем были поставлены новые наместники. Однако все эти действия не возымели должного

результата, менее чем через два года наместники стали доносить, что сам владыка Феофил и некоторые знатные новгородцы ссылаются с Польским королем Казимиром и хотят восстановить прежние вольности. Ситуация осложнялась тем, что Польский король вошел в союзнические отношения с Золотой Ордой и планировал совместный поход на Москву, кроме того, политикой централизации стали недовольны его братья Андрей Большой и Борис Волоцкий они отправились в Псков для дальнейшего отъезда в Литву. Однако все эти события не остановили Ивана III. В октябре 1479 г. он с небольшим отрядом, якобы с миром, подошли к городу, но горожане отказались открыть ему ворота, тогда стало все очевидно. Вслед за ним подошло и основное войско. Только после того, как пушки стали обстреливать город, владыка города, новый посадник, тысяцкий и другие важные лица Новгорода вышли к Ивану. Заняв город, Иван начал методическую расправу. Архиепископ Феофил был сведен с кафедры и отправлен в Чудов монастырь в Московском Кремле, вместо него был поставлен старец Троице-Сергиева монастыря Сергей. Были выявлены и казнены 100 человек заговорщиков, другие 100 знатных семейств были разостланы по городам бывшего Московского княжества. В 1480 г. 50 наиболее богатых новгородских купцов были отправлены во Владимир, в 1482 г. более 7000 новгородцев были переведены в различные города, на их место приехали жители Москвы и других центральных городов. Политика переселения оказа-

лась более эффективной, нежели аресты и казни.

Большое сопротивление по присоединению к Москве оказал некогда Новгородский город Вятка. В 1489 г. против вятчан выступило войско во главе с Даниилом Щеней и Григорий Морозовым. Город сдался, главные противники Москвы были повешены, остальных представителей знати с женами и имуществом разослали по разным центральным городам.

Рязанский князь Василий еще во времена Василия Темного был взят в Москву и там воспитан. В 1464 г. Ивана III отпустил его на родину, а, поскольку, он был женат на сестре великого князя, Анне, связь с ним не прерывалась. В 1483 г. князь Василий умер, оставив свои владения старшему сыну Ивану. Тот предпочел сразу заключить договор с великим князем, по которому значился младшим братом и имел права удельного князя, а после смерти Ивана Рязанского в 1500 г. его сын попал еще в большую зависимость от великого князя.

С Тверским князем Михаилом Борисовичем отношения складывались дружественные, пока была жива первая жена Ивана III Мария. С 1484 г. Михаил стал отдаляться в сторону Литвы и даже вступил в родственные отношения с Казимиром. Наконец, был заключен договор, по которому Тверской князь обязывался помогать своему новому родственнику и явно имел антимосковскую направленность. Это понял Иван III и он сразу направил свое войско в Тверскую землю.

Казимир не пришел на помощь, и Михаилу пришлось признать главенство Москвы. Через некоторое время Тверской князь опять попытался сблизиться с Литвой и отправил к Казимиру гонца, но тот был перехвачен и доставлен в Москву. 8 сентября 1485 г. московское войско окружило Тверь. После того, как посады были сожжены, тверская знать в массовом порядке стала переходить на сторону Ивана III. Сам Михаил под покровом ночи бежал в Литву, а его владения перешли в собственность великого князя. В Твери он оставил наместником старшего сына Ивана.

Верейский князь Михаил Андреевич долго сохранял независимость. Он был союзником Ивана III и активно помогал ему в борьбе с ордынцами. Породнился с великим князем, женив своего сына Василия на племяннице второй жены Ивана III, Софье Палеолог. Через некоторое время между ними произошла семейная ссора (вероятно, не случайно) и Иван III обрушился на Верейского князя. Василий бежал в Литву, а его отец лишился своего удела.

В 1474 г. после смерти Юрия Дмитровского, Иван III без всякого совета с остальными братьями присоединил его владения к своим. В борьбе с ордынцами братья Ивана III Андрей Угличский и Борис Волоцкий, смогли выторговать у него некоторые территории за оказанную им помощь. После смерти младшего брата, Андрея Меньшого, великий князь по завещанию получил все его владения. Через некоторое время Иван III обновил договора со средними братьями, те-

перь они должны были поддерживать его во всем. В 1491 г. Иван III приказал братьям послать войска на помощь своему союзнику – Крымскому хану Менгли-Гирею. Андрей не подчинился. Тогда по приказу великого князя его схватили и бросили в тюрьму. В конце 1494 г. он умер в заточении. Борис Волоцкий умер своей смертью и передал удел сыну. Но тот уже никакой самостоятельной роли не играл.

Русские князья, проживавшие на Литовских землях и подчинявшиеся Казимиру, с симпатией смотрели на успехи великого князя и вскоре стали иметь желание перейти к нему на службу. В 1483 г. на службу к Ивану III прибыли князья Воротынские, Иван и Семён, вместе со своими отчинами и захваченными городами Серпейск и Мещовск. В это же время великокняжеские воеводы Денис Щеня и Василий Патрикеев взяли Вязму, приехал служить и князь М.Р. Мезецкий, приведя с собой пленными двух родных братьев, которых сослали в Ярославль. Сын Казимира, Александр, став великим князем Литовским, решил упрочить положение своего таявшего государства браком с дочерью Ивана III, Еленой. Однако этот брак не улучшил отношения между соседями. Вскоре начался массовый переход князей на сторону Ивана III. Вместе с собой они забирали свои волости, так Чернигов, Стародуб, Галич, Любеч, Рыльск, Новгород Северский вскоре стали за Московское княжество. Александр решил выступить в поход. Решающая битва произошла 14 июля 1500 г. на р. Ведроша. Литовцы были разбиты, а сам гетман К. Острож-

ский попал в плен. Вместе с тем другие воеводы взяли Торопец, Оршу, Мстиславль.

В 1492 г. на берегу р. Наровы, напротив крепости Нарва, возводится русское укрепление – Ивангород. Этим Иван III закрепил на северо-западе границу Руси. Вместе с тем земли Русского государства расширялись и на восток. С 1487 г. Казанское ханство считало себя вассалом Москвы, одновременно с этим началось присоединение поволжских народов: чувашей, мордовцев, марийцев.

Отношения с Ордой, и без того бывшие напряженными, к концу 1470-х г. окончательно испортились. Орда продолжала распадаться: на территории прежней Золотой Орды, помимо непосредственно приемника – Большой Орды, образовались также Астраханская, Казанская, Крымская, Ногайская и Сибирская Орды. При Иване III, если принять во внимание насколько выросли силы Москвы, объединившей большую часть русских земель, и насколько ослабла Орда, зависимость от нее становилась анахронизмом.

Используя все более осложнявшиеся отношения хана Большой Орды Ахмата с Крымским ханом Менгли-Гиреем и турецким султаном, Иван III стал выплачивать дань хану не регулярно. В 1471 г. Ахмет вступил в союзнические отношения с великим князем Литовским и Польским королем Казимиром, а в 1472 г. с войском подошел к Алексино, сжег город и остановился у Оки. Вскоре сюда же стали подходить и основные силы великого князя.

Узнав о приближении новых войск, Ахмет поспешно ушел в степь. После истории с Алексиным Иван III полностью прекращает выплату дани Орде. Однако хан делает вид, как будто ничего не произошло. В 1476 г. в Москву прибыло новое посольство от Ахмата. Оно, как рассказывает «Казанская летопись», опираясь на давний обычай, потребовала дани и предъявило, при этом, Ивану III ханское изображение или «басму» с тем, чтобы он ей поклонился. «Великий же князь, – говорит летописец, – ни мало, ни мало не убоясь страха царева, но, приим басму, лице (е)го, и плевав на ню, и излама ея, на землю поверже и потопта ногами своима»⁵, после чего приказал послов убить, а «единого же отпусти жива, носяще весть ко царю, глаголя: "да яко же сотворих послом твоих, тако же имам тебе сотворите, да престанеши, беззаконниче, от злаго начинания своего, еже стужати нам"»⁶.

Существует известие, что Иван III поступил так решительно под влиянием Софьи Фоминичны, гордость которой не могла переносить унижительной зависимости от татар.

Карамзин отмечает влияние великой княгини Софьи Палеолог, часто говорившей Ивану III: «Долго ли мне быть рабынею Ханскою?»⁷. Еще ранее она, послав дары жене хана,

⁵ Полное Собрание Русских Летописей. Том девятнадцатый. История о Казанском царстве. Тип. И.Н. Скороходова, СПб, 1903, стр. 200.

⁶ Там же, стр. 200-201.

⁷ Карамзин Н.М. История государства Российскаго. Том VI. Издание второе. Тип. Н. Греча, СПб, 1819, стр. 91.

писала ей, что имела видение, и потому желает создать храм на Ордынском подворье (где сооружена была церковь Николы Гостунского); просит его себе и дает вместо него другое. Царица согласилась, татары остались без пристанища в Кремле, чего и домогалась Софья. Она же убедила Ивана III не встречать ордынских послов, которые обыкновенно привозили с собой басму или болван хана. Древние князья Московские всегда лично должны были встречать их далеко за городом, слезать с коня, тогда как они сидели на лошадях, и принимать их с большим почетом. На том месте, где бывала эта встреча, впоследствии во время Ивана III был создан храм.

Поступок великого князя означал полный уход Русской династической зависимости. Это было уже фактом, поскольку хан ничего не мог сделать, ему оставалось только ждать подходящего момента, который, по его мнению, вскоре и замаячил на горизонте. В феврале 1480 г. младшие братья Ивана III Андрей Большой Угличский и Борис Волоцкий, подняли мятеж, к которому присоединился и митрополит Феофил. Причина недовольства состояла в том: что, после кончины второго по возрасту брата Юрия Васильевича, в 1474 г., его владения полностью перешли к Московскому княжеству, т. е. к Ивану III, а не были разделены между всеми братьями, что также ничего не досталось братьям великого князя и после завоевания Новгородской земли, и что Иван III объявил старшего своего сына Ивана «великим князем»,

соправителем, на деле означающее быть его наследником.

По существу, в отношениях братьев столкнулись противоречия, когда одна сторона не желала своего ущемления и требовала «старины», другая – проводила политику возвеличивания Москвы, ее властного рода, от отца к сыну, постепенно ограничивая, выдавливая конкурентов – братьев из политической жизни Руси. К этому времени моральное положение Москвы достигло предела, когда ее князь стал называть царем, например, по исковой грамоте 1477 г. – «Господину государю великому князю Ивану Васильевичу царю вся Руси».

Иван III находился в Новгороде, когда к нему пришло сообщение о начинающейся усобице, что Андрей и Борис со своими удельными полками подались в Тверскую область. Великий князь поспешил в Москву и тотчас отправил к братьям уговаривать их кончить дело миром, но те не послушали и, в 20-х числах июля, рать их двинулась к Новгородским волостям. Тогда Иван III вторично послал к мятежникам уговаривать, Ростовского архиепископа и духовника великого князя, Вассиана Рыло. Ему удалось склонить Андрея и Бориса послать своих бояр для переговоров в Москву, но сами они направились к Литовскому рубежу и, остановившись в Великих Луках, стали пересылаться с Казимиром, прося помощи против старшего брата. Казимир в непосредственной помощи их войскам отказал, проявив осторожность, но дал город Витебск на прокормление, и вместе с тем сам по-

спешил известить Ахмата об усобице в Московском государстве, обещая, в походе на Москву, присоединится к нему со своим войском.

В разгар этого конфликта пришло известие о выступлении хана Ахмета на Русь. В надвигающемся столкновении с Ордой разрешение внутривосточного кризиса стало для Ивана III первоочередной задачей. Московский князь пошел на уступки. Он объявил о готовности уступить братьям Алексин и Калугу. Компромисс был найден и осенью, в канун решающего столкновения, удельные полки братьев стояли рядом с великокняжескими ратями, что послужило определенной ролью в нерешительности действий Ахмата.

О намерениях Казимира и Орды совершить поход на Русь в Москве знали. Еще весной монголы произвели разведку, появившись на правом берегу Оки. Весной же Иван III заключил договор о взаимопомощи с Крымским ханом Менгли-Гиреем, который обещал нейтрализовать Казимира угрозой нападения на Литву.

Летом 1480 г. Ахмет с войском вторгся в русские пределы. Как только Иван Васильевич узнал о наступлении монгола, тотчас, кроме выдвижения главной рати к Оке, приказал воеводе Звенигородскому, князю Василию Ноздреватому, сесть с небольшим отрядом и с войсками крымского царевича Нур-Девлет-Гирея на суда и спуститься вниз Волгою, чтобы разгромить беззащитную Золотую Орду, зная, что Ахмат, по обыкновению, как все ханы, оставит в ней только

жен, детей и старцев; великий князь был уверен, что как только хан узнает об этом нападении, так тот час же кинется назад защищать свои улусы.

Против подходившей Орды Ахмета Иван III во главе русских войск стал у переправы через Оку у Коломны. Младшего своего брата Андрея он послал в Тарусу, а сына Ивана – сначала в Серпухов, а затем в Калугу, поскольку хан, убедившись в надежности обороны, в начале сентября направился к левому притоку Оки, р. Угре. Маневр преследовал две цели: соединение с войском Казимира и переправу во фланг русских войск через мелководную Угру. Благодаря распорядительности московских воевод великокняжеские полки раньше татар вышли на берег реки и воспрепятствовали переправе. Началось «великое стояние на Угре».

В Москве готовились к обороне города. Великая княгиня Софья, вторая жена Ивана III, с детьми и казною была отправлена в Белоозеро. Князь предполагал отправить туда и инокиню-мать, но митрополит и архиепископ отговорили его от подобного поступка, т. к. москвичи могли воспринять это как массовое бегство (московский летописный свод и ряд других летописей осуждают даже поступок княгини Софьи). Сам Иван III долгое время был в нерешительности. Одни приближенные уверяли, что сражаться ему не стоит, т. к. он может или погибнуть или попасть в плен и держава будет обезглавлена, другие считали, что личный пример может побудить других воинов к невероятным подвигам. Дело кончи-

лось тем, что великий князь покинул полки и 30 сентября вернулся в Москву. Но не успел он въехать в Кремль, как встретившие его митрополит и Ростовский владыка Вассиан, стали упрекать за уход от войска, поэтому прожив две недели в Красном Селе, Иван III отправился назад.

Тем временем, расположившись на Угре, Ахмат дожидался войска своего союзника Казимира, которого все не было. Польский король, в это время, сам отражал атаки крымского хана Менгли-Гирея на Подолию, и идти воевать против Москвы не мог. В летописи отмечено, что Крымский хан делал это «служба великому князю», т. е. выполняя достигнутые ранее между Москвой и Крымом договоренностей.

Прибыв к своим войскам, Иван III не спешил вступать в сражение всеми силами с монголами, а стал тянуть время, начав переговоры с Ахматом, отправив к нему посла с челобитьем и дарами. Хан обрадовался этому и ответил: «Жалую его добре, чтобы сам приехал бил челом, как отци его к нашим отцем ездили в орду»⁸. Но Иван III не поехал. Тогда Ахмат послал ему сказать: «А сам не хочешь ехати, и ты сына пришли, или брата»⁹. Не получивши ответа, хан послал опять сказать: «А сына и брата не пришлешь, и ты Микифора пришли Басенкова»¹⁰, окольничего вел. князя и ездивше-

⁸ Полное Собрание Русских Летописей. Том шестой. Софийская летопись. Тип. Эдуарда Праца, СПб, 1853, стр. 231.

⁹ Там же, стр. 231.

¹⁰ Там же, стр. 231.

го в качестве посла к хану, его очень уважали в Орде. Однако Иван и Басенкова не послал. Как передает летописец, Ахмат все говорил: «Даст Бог зиму на вас и реки все станут, ино много дорог будет на Русь»¹¹.

Между тем, среди московского воинства стали роптать на Ивана III в его нерешительности дать решающее сражение, причем обвиняли близких ему бояр Ощера и Мамона, которые советовали не вступать в бой с монголами.

Волновалась и Москва, а старец Вассиан, узнав о переговорах с ханом, прислал Ивану III красноречивое послание: «Ныне же слышахом, яко же бесерменину Ахмату уже приближающуся и христианство погубляющу, наипаче же на тебе хваляшеся и на твое отечество, тебе же пред ними смиряющуся и о мире молящущуся, и к нему пославшу. Ему же оказанному одинако гневом дышущу и твоего моления не послушающу, но хотя до конца разорити христианство... Не послушай убо, государю, таковых, хотящих твою честь в безчестие и твою славу в беславие преложити, и бегуну явитися и предателю хретьанскому именоватися... Изыде убо скоро, в сретение ему изыде, взем Бога на помощь и пречистую Богородицю...»¹².

В конце октября стали крепкие морозы и реки покрылись льдом. Положение Орды становилось все более сложным.

¹¹ Там же, стр. 231.

¹² Библиотека литературы Древней Руси. Том 7. Наука, СПб, 1999, стр. 388-390.

Она оказалась не готовой вести войну в зимних условиях, т. к. по словам летописца «бяху бо Татарове наги и босы, ободрались»¹³, кроме того, при выпадении снега монгольские лошади лишались корма. Когда Угра перестала служить преградой, и Иван III приказал войскам отойти назад к Кременцу, где в случае надобности можно было биться соединенными силами, это было встречено печалью и с унынием в русских войсках, считавших постыдным такое отступление перед монголами. Конец этому противостоянию положил рейд русско-монгольского отряда воеводы Ноздреватого и Нур-Девлет-Гирея в Поволжье, по тылам Большой Орды. Получив такое сообщение Ахмату ничего не оставалось, как поспешить обратно в свои владения.

Интересно описывал события свержение монгольского ига К. Маркс в оценке культурно – исторического наследия России: «Когда Иван вступил на престол, Золотая Орда уже давно была ослаблена: изнутри – жестокими междоусобицами, извне – отделением от нее ногайских татар, вторжениями Тимура-Тамерлана, появлением казачества и враждебными действиями крымских татар. Московия, напротив, неуклонно следуя политике, начертанной Иваном Калитой, стала необъятной громадой, стиснутой татарскими цепями, но вместе с тем крепко сплоченной ими. Хань, словно под воздействием каких-то чар, продолжали служить орудием

¹³ Полное Собрание Русских Летописей. Том шестой. Софийская летопись. Тип. Эдуарда Праца, СПб, 1853, стр. 231.

расширения и сплочения Московии. Они намеренно усиливали могущество православной церкви, которая в руках московитских великих князей оказалась опаснейшим оружием против них самих.

Чтобы восстать против Орды, москвиту не надо было изобретать ничего нового, а только подражать самим татарам. Но Иван не восставал. Он смиренно признавал себя рабом Золотой Орды. Через подкупленную татарскую женщину он склонил хана к тому, чтобы тот приказал отозвать из Московии монгольских наместников. Подобными незаметными и скрытыми действиями он хитростью выманил у хана одну за другой такие уступки, которые все были губительными для ханской власти. Таким образом, могущество было им не завоевано, а украдено. Он не выбил врага из его крепости, а хитростью заставил его уйти отсюда. Все еще продолжая падать ниц перед послами хана и называть себя его данником, он уклонялся от уплаты дани под вымышленными предложениями, пускаясь на все уловки беглого раба, который не осмеливается предстать перед лицом своего хозяина, а старается только улизнуть за пределы досягаемости. Наконец, монголы пробудились от своего оцепенения и пробил час битвы... Золотая Орда была вынуждена отступить вследствие нападения на ее столицу крымского хана. При отступлении она была разбита казаками и ногайскими татарами. Таким образом, поражение превратилось в успех. Иван победил Золотую Орду, не вступая сам в битву с нею. Бросив ей вызов и

сделав вид, что желает битвы, он побудил Орду к наступлению, которое истощило последние остатки ее жизненных сил и поставило ее под смертельные удары со стороны племен ее же собственной расы, которые ему удалось превратить в своих союзников. Одного татарина он перехитрил с помощью другого...

Казалось, Иван сорвал цепи, в которые монголы заковали Московию только для того, чтобы опутать ими русские республики. Казалось, он поработил эти республики только для того, чтобы поступить так же с русскими князьями. В течение двадцати трех лет он признавал их независимость, терпел дерзости и сносил даже их оскорбления. Теперь благодаря низвержению Золотой Орды и падению республик он стал настолько сильным, а князья, с другой стороны, такими слабыми в результате влияния московского князя на их бояр, что Ивану достаточно было лишь продемонстрировать свою силу, чтобы исход борьбы был решен...

Между политикой Ивана III и политикой современной России существует не сходство, а тождество – это докажет простая замена имен и дат. Иван III, в свою очередь, лишь усовершенствовал традиционную политику Московии, завещанную ему Иваном I Калитой. Иван Калита, раб монголов, достиг величия, имея в руках силу самого крупного своего врага – татар, которую он использовал против более мелких своих врагов – русских князей. Он мог использовать силу татар лишь под вымышленными предлогами. Вынужденный

скрывать от своих господ силу, которую в действительности накопил, он вместе с тем должен был ослеплять своих братьев-рабов властью, которой не обладал. Чтобы решить эту проблему, он должен был превратить в систему все уловки самого низкого рабства и применять эту систему с терпеливым упорством раба. Открытая сила сама могла входить в систему интриг, подкупа и скрытых узурпации лишь в качестве интриги. Он не мог ударить, не дав предварительно яда. Цель у него была одна, а пути ее достижения многочисленны. Вторгаться, используя обманным путем враждебную силу, ослаблять эту силу именно этим использованием и, в конце концов, ниспровергнуть ее с помощью средств, созданных ею же самой, – эта политика была продиктована Ивану Калите специфическим характером как господствующей, так и поработанной расы. Его политика стала также политикой Ивана III. Такова же политика и Петра Великого, и современной России, как бы ни менялись название, местопребывание и характер используемой враждебной силы... Подведем итог. Московия была воспитана и выросла в ужасной и гнусной школе монгольского рабства. Она усилилась только благодаря тому, что стала virtuoso [LXXXVIII] в искусстве рабства. Даже после своего освобождения Московия продолжала играть свою традиционную роль раба, ставшего господином. Впоследствии Петр Великий сочетал политическое искусство монгольского раба с гордыми стремлениями монгольского властелина, которому Чингисхан завещал осуще-

ствить свой план завоевания мира...»¹⁴.

В своей оценке Маркс неправ только в том, что не монголы воспитали русских, и как бы передали Москве эстафетную палочку алчного раба-победителя, но русские сами выбрали систему ценностей монголов, поскольку они отражали настроения русского народа в общем. Русская система ценностей отставания, «старины держати», что значит «свободу и достоинство искать», станет диктовать российскому миру «царственности» наипростейший способ достижения устойчивой прогрессивности, в которой заложена одна цель – существование не по милостивой мудрости, а по условию справедливого достоинства. Поэтому фактор алчности (мира ограниченной ущербности) будет прописан здесь фундаментально, сильнее разжигая огонь непримиримого противостояния позиций противоположностей (структуры справедливости), высоты достоинства – низости упадка, продолжая инерционно двигаться по тысячелетней накатанной колее пути яростного восхождения эволюционной лестнице от условия червя до эффекта бога.

11 сентября хан двинулся назад через земли своего союзника Казимира, в отместку за нарушение договора грабя его территории. Нагруженный добычей Ахмат зазимовал в устье Донца, прислал Московскому князю грузное послание вер-

¹⁴ Библиотека Гумер – история. Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века. Электронный ресурс. URL: https://www.gumer.info/bibliotek/Buks/History/diplomat_history/01.php (дата обращения: 09. 06. 2021).

нутья после зимы. «Ведомо да есть: кто нам был недруг, что стал на моем царстве копытом, и яз на его царстве стал всеми четырьмя копытами; [и] того Бог убил своем копьем... А нынеча есми от берега пошел, потому что у меня люди без одежд, а кони без попон. А минет сердце зимы девяносто дней, и яз опять у тебя буду, а пити ти у меня вода мутная»¹⁵. Однако 6 января 1481 г. сонного Ахмата убил в степи его противник Ибак, хан Тюменской (Ногайской) Орды. В 1491 г. Иван III оказал поддержку Менгли-Гирею в борьбе с детьми хана Ахмата, вследствие чего произошло окончательное крушение Большой Орды, а в 1502 г. Крымский хан одержал полную победу над Шихматом, последним царем Большой Орды.

Так пало монгольско-татарское иго над Русью, явившееся предвестником падения большой Орды. Москва с этого времени становится столицей нового крупного суверенного европейского государства. Немалую роль в свержении ига в последнем решающем противостоянии, сыграл сам Иван III, который в сложной обстановке 1480 г. не наделал политических ошибок, проявил разумную сдержанность и дипломатическое мастерство, позволившее объединить русские силы и оставить Ахмата без союзников.

Усиление польского влияния и католической пропаганды создало в Литве много недовольных православных людей. Они стали уходить в Московское подданство вместе со сво-

¹⁵ Горский А.А. Москва и Орда. Ломоносовъ, Москва, 2016, стр. 197-198.

ими вотчинами. Это еще более умоляло литовские силы и делало для Литвы очень рискованным открытое столкновение с Москвой. Однако оно стало неизбежным по смерти Казимира (7 июня 1492 г.), когда Литва избрала себе великого князя особо от Польши. В то время как королем Польши стал сын Казимира Ян Альбрехт, в Литве вокняжился его брат Александр Казимирович. Воспользовавшись этим разделением, Иван III начал переговоры с Александром и в январе 1494 г. добился того, что Литва формально уступила ему земли князей, перешедших в Москву (Вяземских, Новосильских, Одоевских, Воротынских), и, кроме того, признала за ним титул «государя всея Руси» в обмен на то, что Иван III не будет требовать Киев. В том же году Московский князь дал согласие выдать свою дочь Елену замуж за Александра с условием сохранения православной веры. Литовский князь, видимо, питал надежды возможности объединить всех славян через династические браки, под эгидой Литвы; эту же надежду, не мудрено понять, имел и Московский князь, только под рукою Москвы.

В течение 1495 и 1496 гг. произошли военные столкновения Москвы и Стокгольма. Три месяца русские войска осаждали Выборг, но шведов одолеть не удалось. Воеводы удовлетворились опустошением шведских сел на расстоянии 30-40 верст от границ. Иван с сыном Юрием и внуком, прибыв в Новгород, пытался повлиять на ход войны со Швецией. Состоялся поход на Гамскую землю (Финляндию). Русские

войска разбили 7 тыс. шведов. Главные силы шведов ждали неприятеля в поле, однако русские не стали давать сражения, а совершив маневр, с добычей и пленниками благополучно возвратились в Москву. В отместку шведы с 2 тыс. войском взяли Ивангород, разорили его и ушли. Война окончилась, когда Датский король, друг Ивана, в 1496 г. стал Шведским королем. В результате переговоров в 1501 г. Швеция пошла на некоторые территориальные уступки России.

Сдержать обещанное Литовскому князю Александру под воздействием католических соратников было трудно, и судьба великой княгини Елены Ивановны была печальна. Это обижало великого князя. С другой стороны, к Ивану на службу продолжали проситься православные князья из Литвы. Так, Иван III принял к себе князя Бельского и князей Новгород-Северского и Черниговского с громадными вотчинами по Днепру и Десне. Поэтому взаимное недовольство скоро вылилось в войну, которая проходила с 1499 по 1503 год, причем сторону Литвы принял Ливонский орден, а сторону Москвы – Крымский хан.

Крупная победа русских войск у реки Ведроши привело вражду к перемирию, по которому Иван III удержал за собой все приобретенные им княжества. Было очевидно, что Москва в ту пору была сильнее Литвы, точно так же как она была сильнее Ордена. Орден, несмотря на отдельные военные удачи, тоже заключил с Москвой не особо почетное перемирие.

Воюя со всеми более цивилизованными западными и северными соседями, Иван III стремился налаживать контакты в Европе. Москва при нем вступила в дипломатические отношения с Данией, Венгрией, Венецией. Окрепшее Русское государство входило понемногу в круг европейских международных отношений и начало свое общение со странами запада.

От первого брака с Марией Тверской у Ивана III был только один сын – Иван Молодой, родившийся в 1458 г. Он был верным помощником отца в его делах и даже звался великим князем. Но в апреле 1465 г. Мария умерла, и Иван III женился во второй раз на дочери Фомы Палеолог, бежавшего с семьей в Италию от осаждавшей Царьград армии султана Мехмеда II, племяннице последнего Византийского императора Константина XI Палеолога, убитого турками при взятии Константинополя в 1453 г., Софьи (Зои) Фоминичны Палеолог.

Второй брак Ивана III стал возможен в значительной мере благодаря дипломатической активности папского престола. В Риме были серьезно обеспечены усилениями могущества Османской империи, которая после падения Византии захватила Балканы и оказалось на границах Германской империи. Папа выступил с идеей создания антиосманской лиги христианских государей. Большие надежды возлагались на Ивана III, предполагалось, что одновременно с привлечением Московского князя решится вопрос об унии православ-

ной церкви с католической, признать которую отказался Василий II.

В 1469 г. папа Павел II направил в Москву грека Юрия Траханиота с предложением великому князю взять в жены Софью Палеолог. В папском письме сообщалось, что она уже отказала таким женихам, как король Французский и герцог Миланский, не желая выходить за государя латинской веры. Посоветовавшись с матерью и боярами, Иван III дал согласие на вступление в новый брак. Осенью 1472 г. Софья прибыла в Москву, а 12 ноября состоялся обряд обручения.

Брак Ивана III с Софьей Палеолог не дал Риму желаемых результатов. В условиях, когда главной внешней политики Ивана III на востоке являлось ликвидация зависимости от Большой Орды, не могло быть и речи об участии его в антиосманских акциях. Борьба с сильнейшей военной державой Европы того времени, могла лишь обескровить Русь. Более того, для борьбы с Ахматовой Ордой Иван III заключил союз с Крымским ханством, находившимся с 1475 г. в зависимости от турецкого султана.

Фактически Иван III от своего брака выиграл больше, чем организатор его – Римская курия. Отторгая Рим, избегая какой-либо зависимости от него, политической или церковной, русское духовенство обратило внимание на одну интересную римскую мысль. В стремлении склонить Ивана III к участию в антитурецкой лиге, итальянские дипломаты сформулировали идею о том, что Москва должна стать преемницей Кон-

стантинополя. В 1473 г. сенат Венеции обратился к великому князю Московскому со словами: «Восточная империя, захваченная Оттоманом, должна, за прекращением императорского рода в мужском колене, принадлежать вашей сиятельной власти в силу вашего благополучного брака»¹⁶.

Идея, выраженная в послании сенаторов, пала на благодатную почву, форсировала закрепление двух идей, витавшие до этого времени в воздухе: Москва – оплот православия и всего христианства, и Москва, как продолжение древнего Рима – «Москва – третий Рим». Эта идея впервые упоминается митрополитом Зосимой в 1492 г. при составлении пасхалии на восьмую тысячу лет. Окончательно сформулирована эта идея в 1510-1511 гг. псковским монахом Филофеем: «Понеж убо ветхий Рим падесея Аполиinarieвою ересью; вторый же Рим, иже есть Константинополь, Агарянскими внуцы, от безбожных Турок, обладаем; твое же, о блгочтивый Црю, великое Росииское Црствие, третей Рим, блгочтием всех превзыде, и вся блгочтивая Црствие в твое въ едино собрася, и ты един под нбсем Хртыанский Црь именуеши въ всеи вселенней, во всех Хртианех»¹⁷. Так уже совершенно откровенно выражает свои идеалистические стремления старец Елеазарова монастыря. Под углом зрения равно-

¹⁶ Зайцев И.В. Между Москвою и Стамбулом. Очерки. Рудомино, Москва, 2004, стр. 90.

¹⁷ Собрание Государственных Грамот и Договоров. Часть вторая, служащая дополнением к первой. Тип. Селивановского, Москва, 1819, стр. 97.

значности Москвы Риму теперь начинает рассматриваться и великокняжеская генеалогия, как бы ее изначальному истоку от римского корня. Апологетом такого «научного» труда является несостоявшийся, рукоположенный в Константинополе, но не принятый на родине, митрополит Спиридон – Савва. В своих трудах (которые подобно «Повести временных лет» начинаются с рассказа о разделении земли между сыновьями Ноя) он выделяет «царя вселенной» Римского императора Октавиана Августа. Август определил своего брата «Пруса – на берегах реки Вислы, в град, называемый Марборок, и Торунь, и в Хвойницу, и в преславный Гданьс, и во многие грады до реки, называемой Неман, впадающей в море. И поселился здесь Прус на долгие годы, пожил же до четвертого колена рода своего; и до сего времени по его имени зовется Прусская земля»¹⁸ (в первой половине XVI в. герцогство Пруссии находилась в этих границах). От рода Пруса, по Спиридону, происходил и Рюрик, которого новгородцы призвали по совету Гостомысла. Впоследствии, уже доработанную другими сказателями, Иван IV будет безоговорочно верить этой версии происхождения рода Рюриковичей, приписывая себя к потомкам Августа Цезаря. Д. Флетчер в своем «О государстве Русском» описывает историю, как однажды Иван IV заметил одному английскому ювелиру: «Русские мои все воры». Английский мастер улыбнулся и

¹⁸ Русская социальная политическая мысль XI-XVII века. Хрестоматия. Моск. универ., 2011, стр. 178.

сказал: «Ваше Величество изволили сказать, что Русские все воры, а между тем забыли, что сам Русский». На что Иван IV ответила: «Я так и думал (отвечал Царь), но ты ошибся: я не Русский, предки мои Германцы»¹⁹ – намекая тем, что он наследник не только Священной Римской империи, но и древнего Рима.

В переписке Иван IV с Польшей и Литвой, по поводу возможности избрания его в короли, он открыто выразил мысль, что русские самодержцы являются таковыми не в отдельных своих представителях, а в отчином родовом преемстве этого титула и его значения и это, в свою очередь, являлось превосходством русского самодержавия перед другими подобными ему видами автократии. «Кроме нас да Турецкого султана, – писал Грозный, – ни в одном государстве нет государя, котораго бы род царствовал непрерывно чрез двести лет, – потому они и выпрашивают себе почести; а мы от государства господари, начавши от Августа кесаря из начала веков, и всем людям это известно»²⁰.

В XV в. оформляется теория происхождения русских государей от римского императора Августа, которая логично доходит до своего апофеоза в идеи культурно-политического наследия, – Москва – третий Рим. Эти теории отвечали

¹⁹ Д. Флетчер. О государстве Русском. Издание третье. Тип. А.С. Суворина, СПб, 1906, стр. 19.

²⁰ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга вторая. Том VI-X. Второе издание. Общественная польза, СПб, 1896, стр. 241.

новой политической ситуации: выход России на международную арену и превращения ее в одну из ведущих стран Европы, и требовали уравнивания русского государя с другими европейскими государями. Вероятно, Ивану III хотелось встать в один ряд с императорами Священной Римской империи, чьим символом был двуглавый орел, а также быть наследником римского величия. Поэтому вслед за теорией Москва – третий Рим, в 1497 г. появляется серьезное новаторство в геральдике: Большую печать Ивана III украсил двуглавый орел. До этого официальная геральдика ограничивалась изображениями Креста, Спаса, Богородицы, Георгия Победоносца и других святых. Таким образом, двуглавый орел стал первым на Руси «нехристианским» плюс анималистическим символом, который в последующей истории использовался в качестве официального государственного знака.

История появления двуглавого орла уходит в глубокую древность и изначально была связана с мировоззрением древних людей о гармонии мира. Двуглавие в те времена была символом небесного свода, солнечного рассвета и заката. Двуликий Янус изначально почитался римлянами как бог солнца и небосвода. В «Ригведе» ту же роль играли близнецы-всадники Ашвины, в греческой мифологии – братья Диоскуры: Кастор и Полидевк. Поэтому самую видную птицу не могло обойти внимание людей, в своем искусстве отображавшие характерные черты как лидеров, так и в целом всего

общества.

Свойство орла летать выше всех птиц и захватывать добычу очень удачно тогда совпало с природой общества и ее власти быть выше и непобедимой, т. е. достойней. Поэтому орел становится солярным символом – образом солнца, которое над всеми, и которое, в мистицизме, т. е. в гармонии, дает миру все необходимое, а вследствие этого становится божественным, а уже затем и царским знаком, параллельно приобретая свойства гармонии в образе второй головы. Фактически двуглавый орел собою дополнил матриархальные символы гармонии мира, и что показательно, уродство природы стало ее отражающим элементом.

Символ двуглавого орла был широко распространен в культуре Шумерской цивилизации. Шумеры наносили его на печати, на стены, на сосуды и другие изделия и сооружения. Иногда орла изображали с жертвой в когтях (обычно с зайцем). Шумерологи считают, что двуглавый орел символизировал шумерского бога грозы и ливней Нинурту. Благодаря своей булаве, которая была увенчана орлом, Нинурт побеждал и в войнах, и укрощал непокорных. Дальше исследователи находили двуглавого орла в культуре индоевропейского народа хеттов, которые увенчали орла царской короной. Царь у хеттов именовался «солнцем», а двуглавый орел, таким образом, становился символом обожествляемой власти. У хеттов орел изображался с зайцами в когтях, символизирующие сумерки, тьму, зло. Орел, схвативший зайца,

олицетворял победу царя над его врагами, света над тьмой, добра над злом. От хеттов двуглавого орла заимствовали мидийцы, персы, арабы, армяне, турки-сельджуки, монголы, византийцы, в общем, весь свет гармонии.

В Древнем Риме полководцы имели изображение орла на своих доспехах, это был символ главенства над войсками. Позднее орел стал исключительно императорским знаком, символизирующий верховную власть, так, символ Римской империи со времени Юлия Цезаря был императорский жезл с фигурой орла – священной птицы Юпитера. Появление второй головы произошло в 330 г. вследствие деления империи на части – восточную и западную. В 326 г. император Константин Великий делает своим символом двуглавого орла (или, по другим источникам, Юстиниан I), и с этого времени двуглавый орел – государственный герб, несущий основной смысл «единения противоположностей», единства двух частей империи.

Рим, вообще, мало заботит божественное, но модель странства для столь значимой империи непременно должна существовать. Этого требует веяние времени и сама складывающаяся внутривосточная ситуация. Но будучи превосходящими практиками-прикладниками римляне с недоумением воспринимали идею обобщения и оформление своих достижений в науке. Зачем, раз греки уже все придумали, надо учить у них богатых детей и получать от них модные доспехи, этого достаточно. Поэтому только Боэция (ок. 500

г.), повторяя греков, осторожно сформулировал мысли эллинистической философии: «Всё, слагающееся из противоположностей, объединяется и сочетается некой гармонией. Ибо гармония есть единение многого и согласие разногласного»²¹.

После распада Римской империи двуглавый орел прописался в эллинистической среде Византийской империи, фактически стал символом, но негласным, он не был гербом Византии, не изображался на печатях и монетах, но был на знаменах, одежде, разных предметах императоров, а также на вещах связанных с патриархом и митрополитом, т. е. собою отображал духовное мировоззрение византийского общества о гармонии-симметрии мира, его обновление (спасение в христианской интерпретации) посредством этой симметрии, и которое греками было старательно втиснуто в христианство. Однако золотой двуглавый орел на красном фоне был личным символом последней византийской династии – Палеологов (1261-1453). Племянница последнего императора Константина XI Софья привезла его с собой в Москву в 1472 г., но на государственной печати ее мужа Ивана III он появился лишь с 1497 г., а Генрих Штаден в своих «Записках о Московии» времен Ивана IV указал деталь, что цвет двуглавого орла на опричненном дворце был черный,

²¹ Памятники музыкально-эстетической мысли. Музыкальная эстетика западноевропейского средневековья и возрождения. Перевод В. Зубова. Музыка, Москва, 1966, стих 166.

как в то время изображался орел Священной Римской империи или орел Болгарии. По всему, складывается впечатление, что Софья в большей степени привезла с собой не орла, а новое к нему отношение – орлиная символика была весьма распространена в Западной Европе и потому она не вызвала сильного интереса, поскольку Москва рассматривала себя отдельным миром, но теперь появлялась легальная возможность оформления этого символа, в принципе указывающее на величественность, и которой на Руси не спеша воспользовались уже впоследствии, поскольку непосредственно к Софьиному орлу в Москве было двойственное отношение, с одной стороны, как законной преемственности от Византии, поскольку Москва очень ревниво относится к законности вообще, с другой, всем действием притом старательно подчеркивая именно непреемственность российского орла от византийского, этой неполноценной демократическо-подобной формации, выстраивая тем мостик преемственности в Рим, к Августу Цезарю, или, на худой конец, к германцам, к Прусу, и в то же время, в вертлявой позиции быть выше и независимым и вообще сравниваемым с Богом на небе, ни к тому и ни к другому, ни к кому, поскольку все они (и Рим, и Священная Римская империя, и Византия) неполноценны... В конечном итоге, взятие двуглавого орла Москвой было закономерным шагом и финалом прослеживающийся тогда общей тенденции, когда русские княжества стремились морально возвыситься, уравняться с европейскими ко-

ролями, и некоторые из них даже брали имперскую символику, как, например, Черниговское княжество XIII столетия, или, в «Хронике Констанцкого собора» Ульриха фон Рихсенталя еще от 1416 г. герб Руси изображен в виде двуглавого орла (герб Ruthenia), символика, принадлежавшая тогда Галицко-Волынскому княжеству. Таким образом, хищническим уродцем симметрия стала символом духовно-политической чистоты Московии, которая своею погружённостью в состояние собственного достоинства, величественности и независимости, была настолько умственно приторможена, что символ симметрии у нее оказался чуть ли не в самую последнюю очередь всего мира гармонии (точнее сказать, прогармонии), причем в стремлении к высоте «Небес» след появления этого символа запутывался так ловко, своей отстраненностью от т. с. недостойных, неполноценных передовых стран этой символики, что создает впечатление, будто он вырос буквально из неё самой... – достойными были «божественные» азиаты, и если бы они проявили себя в истории этого периода несколько цивилизованней, Москва непременно вывела бы от них (к примеру, от Персии) и свою генеалогию, и все царские символы.

Первыми детьми Софьи и Ивана были девочки, но в марте 1479 г. родился сын, носивший два имени – Гавриил и Василий, а затем и еще несколько сыновей. Отношения между Иваном Молодым и Софьей сразу приобрели враждебный характер, каждый намечал свою сторону быть в наследниках

великого князя. В связи с этим в противовес Софье и ее сыну Василию московская сторона стала использовать идею, которая, несмотря на византийскую интерпретацию, исключала какую-либо роль второй жены Ивана III в принятии Русью ее наследия. Так, в «Изложении пасхалии» митрополита Зосимы 1492 г. подчеркивалась идея восприятия Москвой той роле, которую играл ранее Царьград, а Иван III сравнивался с «царем Константином», но вне всякой связи с Софьей. Представление о том, что Руси еще задолго до Софьи было предназначено принять на себя византийское наследие, а Москве стать новым Царьградом, выразилось в «Сказании и князьях Владимирских» Спиридона-Саввы, написанном уже при Василии III, когда автору было 91 год. В нем говорилось, как император Константин IX Мономах передал своему внуку Владимиру Мономаху, будущему великому князю Киевскому знаки царского достоинства: «от своей главы венец царский», сердоликовую коробку, владельцем которой был «Август, царь римский», и иные драгоценности. Тем самым в произведении Спиридона-Саввы выражалась идея принятия Русью византийско-римского наследия задолго до женитьбы Ивана III на Софье, и, соответственно, законности передачи власти от деда к внуку, т. е. от Ивана III к Дмитрию Ивановичу.

Еще до своей второй женитьбы Иван III, следуя примеру своего отца, сделал своим сопровождающим сына Ивана Ивановича (Молодого), которому передал великокняжеский ти-

тул и, уходя в 1471 г. в поход на Новгород, оставлял его за себя в Москве. Как соправитель княжич Иван Молодой подавал немалые надежды и хорошо проявил себя во времени стояния на Угре, вместе с князем Даниилом Холмским не позволил хану Ахмату переправиться через реку.

В 1482 г. Иван Молодой женился на Елене Волошанке, дочери молдавского «господаря» Стефана Великого. Этот брак был выгоден обеим сторонам, так как укреплял позиции Молдавского княжества перед лицом как Казимира IV, стремившего поглотить его, так и Менгли-Гирея, наследника Ивана III, постоянно угрожавшего Молдавии. Для Ивана III брак его сына представлен собой случай признания за ним роли защитника православия, поскольку Молдавия являлась православной страной.

В октябре 1483 г. у молодых родился сын Дмитрий. Московская сторона все больше набирала вес перед Софьиной. Однако в 1490 г. Иван Молодой разболелся «комчагою в ногах» – подагрой. Для его лечения Софья пригласила прибывшего из Венеции в составе группы итальянских специалистов – архитекторов, инженеров, ювелиров, призванных Иваном III к Московскому двору, лекаря Леона, прозванного «московитами» Леоном Жидовином. С соизволения Ивана III Леон начал лечить Ивана Молодого: «Лекарь же дасть ему зелии пити и жеци нача стьякляницами по телу, вливая горячую воду; и от того ему бысть тяжчая»²². Сегодня труд-

²² Полное Собрание Русских Летописей. Том шестой. Софийская летопись.

но сказать был ли он повинен в злых замыслах, но 7 марта 1490 г. Иван Молодой умер. Иван III был в горе. Вспомнив, что лекарь головой своей ручался за жизнь его сына, князь казнил итальянского врача. Слухи же о причастности Софьи к смерти наследника ещё очень долгое время бродили в верхах. История передачи Софьи семейных драгоценностей, принадлежавшие Иван III еще от первой жены, своей племяннице, слухи о причастности ее к смерти Ивана Молодого, а также возможности возвышения греческих родственников, чуждые русского боярству, главной опоре престола, все это послужило тому, что в 1497 г. Иван III принял решение передать престол своему внуку Дмитрию, притом особым способом – чином церковного венчания.

Возвышение власти Московского князя нашло выражение в такой «новации», как венчание на великое княжение. Церемония венчания была наделена большим смыслом: источником великокняжеской власти вновь становится происхождение, а не воля Золотоордынского хана; утверждалась наследственная монархия, поддерживаемая духовными силами, отраженная в гордой фразе Ивана III: «Мы Божьей милостью государя на своей земли изначала от Бога».

Несмотря на решение Ивана III передать престол Дмитрию сторона Софьи не желала сдаваться. Что бы собрать силы, они склоняли на свою сторону служивших при великокняжеском дворе боярских детей. Были приглашены баб-

ки-ворожеи для приготовления отравы. Зародившуюся смуту Ивана III удалось пресечь в самом начале. Опираясь на поддержку Боярской думы, а также московского наместника князя И.Ю. Патрикеева и воеводы князя С.И. Ряполовского, он расправился с заговорщиками. Василий был взят под стражу, Софья удалена от двора, многих казнили и посадили в тюрьму. После этого началось приготовление к церемонии венчания на великое княжение внука Дмитрия. Оно состоялось 4 февраля 1498 г. в Успенском соборе Кремля.

На церемонии венчания Иван III благословил 15-летнего будущего князя, возложив на него шапку «Мономаха», а митрополит осветил происходящее и произнес поучение юному князю. Затем Дмитрий посетил Архангельский собор, где находится кладбище-усыпальница его предков и молился им об их (сказать, мистическом) заступничестве. После Архангельского собора он побывал в Благовещенском.

Однако, несмотря на все происшедшее, вскоре Дмитрий попал в немилость Ивану III. Династическая внутренняя борьба продолжалась и после его венчания, где любой промах наследника выставлялся его противниками великим преступлением. В 1498 г. Василий получил титул великого князя, что вызвало недовольство Боярской думы. Бояре видели за всем этим происки Софьи и ее сторонников, которые грозили не только выделением нового крупного удела, но и возможной повторения внутренней смуты, которая была при Василии Темном, а также устранение законного на-

следника – Дмитрия Ивановича. Но Иван III твердо решил осуществить задуманное: передать Василию Новгород, тем самым ослабить Боярскую думу, лишив бояр тех колоссальных новгородских вотчин, которые они получили в результате присоединения Новгорода.

Иван III сломил сопротивление бояр в 1499 г., приказав казнить Патрикеева и Ряполовского, а также двух сыновей московского наместника – Василия и Ивана. Эти казни наглядно показали, что для Ивана III ничего не значили ни знатность рода, ни служба, ни родственные связи. Так, Патрикеев был правнуком великого князя Литовского Ольгерда Гедиминовича и сыном дочери великого князя Московского Василия Дмитриевича, Марии, следовательно, двоюродным братом самого Ивана III, которому всегда верно служил. Ряполовский был зятем Патрикеев и имел за личные заслуги титул «слуги и боярина».

Расправившись с видными членами Боярской думы, Иван III провел конфискацию вотчин в Новгородской земле. Земли были розданы на пометном праве детям московских бояр, что позволило усилить новгородское ополчение и укрепить в бывшей республике власть великого князя.

В апреле 1502 г. Дмитрий вместе с матерью оказался уже в полной опале, его лишили титула и посадили «за приставы». Иван III пошел на такой тяжелый шаг даже несмотря на то, что это грозило натяжкой отношений с Молдавией. Вскоре официальным наследником был провозглашен Василий. За

ним Иван III, осознавая основную причину распада земель от ее деления наследникам, оставил почти все свои владения. Василий получил всю Москву с окрестностями, Тверское и Новгородское княжества. Вятскую, Псковскую земли и часть Рязанской. По данным С. Соловьева Иван III завещал Василию 66 городов. Его же братья получили разбросанные по разным местам города в количестве всего 30. Кроме того, они не имели право чеканить монету, собирать торговые пошлины и вершить суд.

С 1503 г. Иван III сильно болел, всеми делами занимался Василий. В апреле 1503 г. умерла Софья, а в январе 1505 г. в заточении умерла Елена Волошанка. Невесту Василию сначала искали в соседних странах, но наиболее подходящая кандидатура, дочь Датского короля Елизавета, предпочла стать женою бранденбургского курфюрста. Тогда поиски претендентки перенесли на русскую почву среди знатных фамилий, тем более что для сына нелюбимой всеми гречанки была необходима опора в русском обществе. Согласно сведениям С. Герберштейна (вероятно, преувеличенным) к Василию во дворец было доставлено 1500 знатных девиц, которых на нормальность проверили повивальные бабки. Из них выбрали 500, затем их этих – 100, а затем – 10, и из этой десятки Василий выбрал себе Соломию, дочь Юрия Константиновича Сабурова, представителя древнего разветвленного и многочисленного костромского боярского рода, в который входили Годуновы и Вельяминовы – Зерно-

вы, и потому могущий стать мощной поддержкой Василию (возможно, эти выборы невесты были профанацией, а выбранная изначально была у Василия на примете).

Свадьба Василия Ивановича с Соломией Сабуровой состоялась 4 сентября 1505 г. Вскоре после этого 2 октября умер Иван III. Перед кончиной старый князь лежал парализованный и думал только о спасении души. Он даже распорядился освободить внука – Дмитрия, у которого сразу же появились сторонники среди знати. Но как только Иван III скончался, его тут же опять бросили в теплицу, где через три года умер, по слухам, дошедшим до С. Герберштейна, то ли от голода и холода, то ли задохнувшись в дыму.

Иван III был дважды женат, на Марии Борисовне, дочери Тверского князя Бориса Александровича, и византийской царевне Софья Фоминичне Палеолог, племяннице последнего императора Византии, Константина XI. После себя он оставил 5 сыновей и 4 дочери.

Годы правления Ивана III ознаменовались успехами во внутренней и внешней политике. В его правление Московское княжество территориально расширилось – когда в 1462 г. он принял престол, то государство составляло 400 тыс. км², а после его смерти в 1505 г., оно составляло более 2 млн км². Объединение ранее раздробленных русских земель в единое государство требовало единства правовой системы. В сентябре 1497 г. в действие был введен Судебник – единый законодательный кодекс, в котором отразились нормы таких

документов, как Русская Правда, Уставные грамоты (Двинская и Белоозерская), Псковская судная грамота, ряд указов и распоряжений Московских князей.

Время правления Ивана III также охарактеризовалось масштабным строительством и приглашением в Россию иностранных специалистов, итальянцев, греков, меньше немцев, возведением храмов, развитием зодчества, расцветом летописания. Так, были возведены Успенский собор (1479), Грановитая палата (1491), Благовещенский собор (1489), построены 25 церквей, интенсивное строительство Московского и Новгородского Кремля. Построены крепости Ивангород (1492), в Белоозере (1486), в Великих Луках (1493).

Сохранилось описание внешности Ивана III, сделанное венецианцем А. Контарини, в 1476 г. посетивший Москву и удостоившийся встречи с великим князем. По его словам, Иван был «высок, но худощав; вообще не очень красивый человек». Холмогорский летописец упомянул прозвище Ивана – Горбатый, что возможно, говорит о сутулости великого князя. Одно прозвище, данное современниками – «Великий» – в настоящее время используются наиболее часто. Помимо этих двух прозвищ, сохранились еще два прозвища Ивана III: «Грозный» и «Правосуд».

О характере и привычках Ивана Васильевича С. Герберштейн, побывавший в Москве уже при Василии III, писал следующее: «Женщинам он был до того страшен, что если какая случайно попадалась ему навстречу, то от его взгляда

только что не лишилась жизни»²³. О нуждах простолюдин он не сильно задумывался: «Не было к нему доступа для бедных, обиженных и притесненных сильными»²⁴. Не обошел Иван вниманием и традиционный порок русских князей – пьянство: «За обедом он большею частью до того напивался, что засыпал, а все приглашенные между тем от страха молчали; проснувшись, он протирает глаза, и только тогда начинал шутить и был весел к гостям»²⁵. «Великий Стефан, воевода Молдавский, – пишет Герберштейн, – часто вспоминал о нем на пиршествах, говаривал: "Иоанн, сидя дома и покоясь, увеличивает свое царство, а я, ежедневно сражаясь, едва могу защитить границы"»²⁶. Известно, что Иван III прислушивался к советам Боярской думы; дворянин И.Н. Берсень-Беклемишев (казнен при Василии III) писал, что великий князь «против себя стречю [возражения] любил и тех жаловал, которые против его говаривали»²⁷. Андрей Курбский тоже отмечал любовь монарха к боярским советам; впрочем, судя по словам оппонента Курбского по переписке, Ивана IV, отношения Ивана III с боярами были отнюдь не идеалистически-

²³ Записки о Московии барона Герберштейна. Перевод И. Анонимов. Тип. В. Безобразова и комп., СПб, 1866, стр. 21.

²⁴ Там же, стр. 21-22.

²⁵ Там же, стр. 22.

²⁶ Там же, стр. 21.

²⁷ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедициею Императорской Академии Наук. Том первый. 1294-1598. Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, СПб, 1836, стр. 144.

ми. С татарами Иван III вел политику покорности: «Хотя он и был весьма могущественным, однако принужден был повиноваться татарам. Когда приближались татарские послы, он выходил к ним на встречу за город и выслушивал их стоя, тогда как они сидели. Его супруга, которая была родом из Греции, очень досадовала на это, и ежедневно говорила, что она вышла замуж за раба татар; потом она убедила супруга притвориться больным при приближении татар для того, чтобы наконец когданибудь уничтожить этот рабский обряд»²⁸.

Иван III правил 43 г., его смерть наступила ночью 27 октября 1505 г. Во время правления Ивана Васильевича раздробленная Русь начала превращаться в Россию, причем само слово – Россия – стало официальным наименованием государства, в повседневность входит титулование Московского князя «государем всея Руси», определение, «самодержец».

Иван III управлял территориально возросшим государством с неограниченной властью над подданными, имел большое сходство со своим внуком-царем. В его время в официальных документах закрепляется формула обращения к государю, которая распространяется на все категории служащих людей: «Се яз, холоп твой...» На государственной печати великого государя был изображен всадник, сражающийся с драконом, а по краю шла надпись: «Иоанн Божи-

²⁸ Записки о Московии барона Герберштейна. Перевод И. Анонимов. Тип. В. Безобразова и комп., СПб, 1866, стр. 22.

ей милостью государь всея Руси и великий князь». В годы правления Ивана III за малейшее ослушание лишались жизни представители знатнейших и славнейших княжеских и барских фамилий. Обычным явлением стала доселе на Руси неизвестная унижительная «торговая казнь» – публичное наказание кнутом. Не случайно отдельные историки сохранили сведения о том, что его иногда называли Грозным, как и внука. Такая аналогия между двумя государями – дедом и внуком – имела глубокое основание связи с тем, что Иван III, как и Иван IV, был крут на расправу, представлял свою власть ничем не ограниченную в отношении своих подданных, за которым не признавал никаких прав, был типичным тираном и деспотом, которыми так богата эпоха позднего средневековья, когда действие мистицизма, потерпевшего сильный удар от христианства, особенно в период его настоящего действия от проповедования и изучения в образовательных школах, еще открыто проявляло злобную природу своего духа.

БЫТ. УПРАВЛЕНИЕ. ЦЕРКОВЬ. БОРЬБА С ЕРЕТИКАМИ. КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ. ПАДЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Монголо-татарское нашествие нанесло тяжелый удар по всем сторонам жизни русского народа. Только с середины XIV в. города и села начинают восстанавливаться из руин, в особенности, более опустошаемые центральные районы. Основная застройка оставалась деревянной, хотя каменное строительство постепенно начинает присутствовать с XIII в. В XIV в. быстрыми темпами развивается монастырское строительство. В развитии художественного искусства в это время значительную роль сыграл византийский мастер Феофан Грек. Он расписывает храмы Новгорода, Нижнего Новгорода, Серпухова, Коломны. Молодая Москва свои архитектур-

ные идеи черпала во владимиро-суздальском наследии. С XIV в. живописи Москвы развивается в самостоятельном направлении, большая роль которого принадлежит митрополиту Петру, бывшему иконописцу. Взлет московской живописи начинается после Куликовской битвы. Феофан Грек, Андрей Рублев, Прохор из Городца, Даниил Черный – выдающиеся мастера росписи. XV век называют «золотым веком» московской живописи.

С конца XIV в. начинается возрождение ремесел – художественное литье из металла, ювелирное дело, чеканщики, резчики-скульпторы, художественное шитье. По мере возвышения Москвы при дворе ее князей все больше появляются иностранные мастера. Так, Дмитрий Донской интересовался огнестрельным оружием и приглашал немецких мастеров для его изготовления.

При Василии I стали делать порох, а в XV веке начали чеканить свою серебряную монету. В 1404 г. на Великокняжеском дворе были установлены часы с боем, которые сделал Афонский монах, серб Лазарь. Образование и наука на Руси было в диковинку и данные часы для москвичей стали своеобразной местной достопримечательностью.

Русь жила за счет земледелия, в котором широко применялись различные методы, как подсека, перелог, трехполье. Развивалось скотоводство, рыболовство и охота. Более совершенной стала обработка земли, когда землепашцы начали применять соху с железным наконечником и плугом.

Для получения хороших урожаев почву удобряли навозом. Сельскохозяйственный труд пахаря обеспечивал жизнь господ всех уровней. Земля превратилась в предмет пожалования, дарения или торговли. Великие или удельные князья, бояре и дети боярские, монастыри – все богатели землями, на которых жили и работали земледельцы. В разных областях Руси этих земледельцев называли по-разному, но чаще стало встречаться общее для всех название «христиане», выражавшее культурную особенность данного народа, затем это слово трансформировалось в слово «крестьяне», в русском сознании отображавшее аскетическое действие креста (нести свой крест), но не евангельское – спасающее.

Бытовая сторона жизни русских князей менялась слабо. Внутреннее убранство домов на Руси оставалось очень простым: в центре стояла большая печь, дом топился по-черному, находились полати, стол, лавки. У богатых людей они покрывались коврами, шелковыми скатертями, шкурами. Все наиболее ценные вещи, от пожаров и лихих людей, хранились в погребах. В 1492 г. Иван III принял решение Новый год исчислять не 1 марта, а 1 сентября, т. к. это гораздо удобнее для народного хозяйства: подводились итоги урожая, готовились к зиме, играли свадьбы – а кроме того это совпадало с византийским празднованием.

Грубые имена и прозвища стали вытесняться цивилизованными христианскими, появляются фамилии, указывающие на род и предков. Обряд венчания постепенно транс-

формируется из языческого благословения духов местности в церковный, христианский, благословения Бога. Духовенство запрещает браки до 12 лет, пить вино до обеда, сквернословить, пользоваться услугами бабками-ведуньями. Знатные юноши проводили время в рыцарских боях, ценилось искусство владения луком, мечом и копьем. Возникшие ссоры иногда решались поединком. Знать старалась обзавестись хорошими конями, во время парадных выездов их украшали богатой сбруей. Среди знатных людей были распространены большие пиры, употреблялось много пива, меда, жареной дичи, и различных пирогов. Одежда знатных людей шилась из суконного материала, привозимого из Европы, восточного шелка и мехов. Украшалась кожей и драгоценными камнями. Простые люди носили летнюю одежду из льна, а домашнюю из овчины.

Литература XIII-XIV веков развивалась на основе традиций киевского периода. Важным явлением общественной церковной мысли второй половины XIV века стало появление стригольников, расцененной РПЦ первой ересью на Руси, созданная под влиянием караимамов (предположительно иудеи). Стригольники стали отрицать роль церкви как посредницы между Богом и человеком, по их мнению, Бог слышит человека в любом месте. Они собирались в общины, выбирали учителя из числа наиболее достойной и хорошо знавшие писания людей. Церковные догматы, божественность Христа, всю обрядовую сторону и само духовен-

ство они отвергали, считая, что церковные иерархи стремятся лишь к личному обогащению, ведут недостойный образ жизни. По предположению исследователя М.М. Елизаровой, слово «стригольник» отражает еврейское словосочетание, основанное на словах «делать тайным», «скрывать» и «открывать», «обнажать», «быть изгнанным». Таким образом, в переводе с еврейского языка слово «стригольник» означало «хранящий откровение» или «тайный изгнанник» – понятие близкое лексике тайных обществ гностиков и манихеев. На Руси же символами стригольничества стало выстрижение волос на верху головы, на темени. Открытым основателем ее, производивший такие «художества», стал псковский дьякон Карп, книжный по своему времени, гордившейся своею начитанностью, впечатлительный, самоуверенный и энергичный. В своих речах он, вероятно, вооружался, главным образом, против ставленнических пошлин, против «поставления на мзде».

Официальная церковь сочла критику в свой адрес крамольной. Отрицание божественности И. Христа стало удобным предлогом начать преследование. В 1375 г. в Новгороде состоялась публичная казнь лидеров раскольников. Однако даже после этого стригольничество продолжало существовать в Новгороде и Пскове. Антираскольнические послания вынуждены были писать Константинопольский патриарх Нил, известный просветитель Стефан Пермский и Московский митрополит Фотий. На появление стригольничества

официальная церковь все же отреагировала – была отменена симония – плата за получение церковной должности.

С XI по XV вв. социальная структура русского народа регулировалась «Русской правдой». Но присоединение к Московскому княжеству новых земель привело к тому, что под властью Ивана III оказались территории с различными способами управления, временными владельцами, вече и посадниками, литовской знатью и т. д. Одной из основных потребностей власти в этот период являлось приведение разнопланового общества к большей централизации, другая идея всех реформ – найти необходимый элемент поддержки самой власти. Централизация привела к тому, что если еще при отце Ивана III даже боярские дети могли служить тому, кому хотели, то теперь никто не имел право покидать по своему усмотрению великокняжескую службу. С 1474 г. ввелась практика крестоцелования, т. е. обязательство служить великому князю до самой своей смерти, а в случае измены его поручник должны были заплатить крупный штраф. Главным совещательным органом при Иване III оставалась Боярская дума (наименование «боярская дума» не встречается в древних памятниках и образованно искусственно на основании сходных терминов «бояре думающие»), где число бояр увеличилось за счет присоединения земель. Главные воеводы назначались наместниками в крупные города. Непосредственно при Иване III находился совещательный круг людей, состоящий из 4 бояр, звавшийся Ближняя дума. При Иване

III появились первые прототипы будущих приказов: Разрядного, Холопьяго, Житного, но пока это были определенные лица, занимающиеся сборами продовольствия и формированием войска.

Иерархия пронизывала все общество. На высшей ступени стоял великий князь и его ближайшие родственники, удельные князья, которые получали собственные уделы, двор, войско, администрацию по наследству. Ниже их шли служилые князья, это представители древних знатных родов, которые поступали на службу к великому князю. Свои родовые имения, как правило, они сохраняли по наследству, назначались на высшие посты в войске. Почти равное с ними положение занимали ближние бояре. Затем шли введенные и чуть ниже путные бояре, это те, кто сравнительно недавно перешел на службу в Москву. Далее шли окольниковичие, в обязанность которых входило сопровождение князя в поездках. Они также со всеми боярами входили в думу. Сама дума являлась совещательным органом при великом князе. Боярские дети, будучи вассалами или рыцарями, стояли еще ниже, за свою службу они получали земельное владение лишь во временное пользование. Среди слуг княжеского двора была своя иерархия. Старшим стоял дворецкий, ведавший всем дворцовым хозяйством, затем шел казначей, конюший, стольники, спальники и т. д.

В крупных торговых независимых городах тоже была своя иерархия. На высшей ступени находились житные люди, т.

е. наиболее богатые, имевшие свой дом, хозяйство, множество слуг. Из их числа выбирались посадники и члены городского самоуправления. За ними «гости», т. е. наиболее богатые купцы. Далее находились торговые люди. Все остальные горожане, занимающиеся мелкой торговлей или ремеслом, имевшие лишь собственный дом, назывались земскими людьми, либо числяками, и находились на низшей ступени городской иерархии.

Гарантом силы и могущества Московского князя была его дружина. Она еще делилась на старшую – боярская, и младшую – дворянскую. В свою очередь, боярская дружина состояла из ступеней. Главными считались ближние бояре, это те, кто издавна служили Московскому князю и имели свои земельные владения близ Москвы. После них шли введенные бояре, это те, кто переселялся из других княжеств и за свою службу получал в кормление города, и путные бояре, получавшие доходы для себя и для князя. Ближние бояре входили в княжескую думу, введенные и путные бояре осуществляли управленческие функции княжеских чиновников на местах, также они являлись и сборщиками налогов. Младшая дружина не входила в думу, но в битвах составляла основу княжеского войска – конницу, а ее полководцами обычно назначались представители старшей дружины.

При Дмитрии Донском в Москве, как и в других крупных городах, произошло упразднение должности тысяцкого, и вместо него стал назначаться наместник. Но в некоторых

независимых городах, например, Псков и Новгород, оставалось самоуправление в лице посадника и вече. В этих городах наместник был лишь представителем князя и его функции строго оговаривались в договорных грамотах. В Московском княжестве административными единицами управляли княжеские чиновники: волостями – волостели, станами – становщики, селами – посольские.

Посадская часть городского населения была самой многочисленной и больше всего платила дань. Власть предпринимала все, чтобы она не уменьшалась. Так было запрещено городским жителям переезжать с места на место и продавать свои земли не тяглецам. Ремесленников нельзя было брать на службу ни боярам, ни духовенству. Бремя налогов было столь тяжело, что горожане пытались сбросить его любым путем и наняться на службу к богатому и влиятельному человеку. Их жизнь становилась легче, но свой изначальный статус они понижали, превращаясь в холопов. Условия их службы обычно оговаривались договором – кабалой. По истечению срока холоп мог вновь стать свободным. Особый специальный статус имели «ордынцы» – выкупленные в Орде пленные. По княжескому указу они селились в особых слободах и занимались той деятельностью, которая нужна была великим князьям. Они были полусвободными людьми, брать их на другую службу запрещалось. На низшей ступени находилось самое многочисленное сельское население. Они делились на черных людей и пашенных. Чер-

ные люди жили на землях великого князя, имели свободу в выборе занятия, главное, что от них требовалось – вовремя заплатить налог. Пашенные люди нанимались на работу владельцем земель. За свой труд они получали деньгами, имели личную свободу и могли менять хозяев. Самой бесправной части населения были пленные холопы. Это были люди, купленные на невольничьем рынке или оказавшиеся в кабале за крупные долги.

Для того чтобы власти быть всегда уверенной в своих силах, в противовес «капризному» феодально-вотчинному строю, стала появляться поместная система. Теперь земля выдавалась за службу, тем самым укрепляя власть и подрывая интересы вотчинников, искавшие в службе лишь личную выгоду. На военную службу стали приниматься различные люди – представители купеческого класса, казаков, и даже татар. Поместная система создала служилое сословие, напрямую зависящее от великого князя, вместе с тем она стала подрывать дружинное родовое начало, которое защищало лишь род, теперь же войско становилось защитником интересов всего государства.

При Иване III Московское княжество превратилось в государство. Иерархическая, но пока еще вполне разветвленная социальная структура русского общества XIV–XV вв. свидетельствует о том, что власть еще не окрепла и сама варьирует на поддержке различных групп населения, между простыми людьми, церковниками, сильными людьми, Бояр-

ской думой. В конце XV столетия в обществе стали формироваться такие взгляды, как крестьянский монархизм – когда центральная, великокняжеская власть, выступала защитником «земли», т. е. простолюдина. Наконец осознав «меньшую значимость для себя «земли», власть предпочла отдать свою поддержку имущему сословию.

Положение усиления централизации выразилось в судебнике 1497 г., который еще не мог являться общегосударственным законом, по причине невозможности перебороть местные традиции, но все же носил в себе общий рекомендательный характер. Теперь спорные и уголовные дела должны были рассматривать великокняжеские наместники и волостели вместе с дьяками. Очень сложные дела, касающиеся высоких персон, выносились на суд самого государя. Судебник за целый ряд преступлений, как убийство, крамола, воровство церковного имущества, похищение людей, позже многократное воровство и другие тяжкие преступления, предусматривал смертную казнь. Для доказательства вины использовались: свидетельские показания, арест с поличным, судебный поединок («поле») и клятва (крестоцелование). Новым по сравнению с «Русской правдой» стало то, что месть и самосуд не допускались, истец вознаграждался за свои потери из имущества обвиняемого, новизной явилось и само «поле» – силовой поединок истца и ответчика». «Поле» также присутствует и в «Белозерской уставной грамоте». Христианская Европа этот древний обычай к этому времени

осуждала, а на Руси он вошел в Судебник 1497 г. и сохранился в судебнике 1550 г. (лишь с некоторыми ограничениями, как то, что сражаться должны равные по силам, а монахи и женщины могли нанимать других бойцов вместо себя).

Во время Ивана III на гербе Московского государства появилось изображение императорской власти – двуглавого орла. Сам Иван III принял титул «государя и великого князя всея Руси», и при переписке внутри страны все должны были обращаться к нему в такой форме. На приглашение быть поставленным от императора Священной Римской империи Иван III уклонился, усматривая в этом принижение своей значимости, т. к. император Римской империи избирался на совете духовных и светских лиц, а значит, не имел всей полноты власти. Иван же III утверждал, что его род «Божиею милостию Государи на своей земле изначально, от первых своих прародителей и поставление имеем от Бога», тем ставил себя и свой род выше всех на земле.

В материальном отношении церковь считалась независимой от великокняжеской власти. До XV в. ей подчинялись многие земли бывшей Киевской Руси, а сам митрополит считался в первую очередь Киевским, а уже потом Владимирским и Московским. Церковные же доходы складывались из средств, получаемых от земельных владений, из пожертвований верующих, платы за отправление церковных обрядов и судебное разбирательство по духовным вопросам.

В грамоте Белозерско-Вере́йского князя Михаила Андре-

евича 1450 г. впервые появляются ограничения права перехода крестьянина. Причем грамота была выдана по жалобе игумена Кириллова монастыря, который осуждал практику переманивания «серебряников и половников и слободных людей» в разгар летних работ. Таким образом, сама инициатива православной церкви символично оказалась идейным толчком к дальнейшей практике закрепощения народа. Отображая свое внутреннее духовное состояние отторжения Бога с аскетическим ориентиром закрепощения РПЦ постепенно проецирует свой идейный принцип монастырства в светскую жизнь, в преломлении напоминая тюремное закабаление или приказную военную систему более позднего периода. По грамоте Михаила Андреевича начинались устанавливаться монастырские ограничения, теперь переход людей мог осуществляться только после завершения всех сельскохозяйственных работ, «Юрьев день осенний» – 26 ноября. А в одной из жалованных грамот Троице-Сергиеву монастырю (1455-1462 гг.) разрешалось вообще не выпускать крестьян из некоторых владений. P.S. Дух магии, благословение природы, упорный труд, аскетизм, начинал выстраивать волшебную систему миропорядка, сильнее окутывая божественную Русь.

Взяв за основу Белозерскую грамоту, судебник 1497 г. зафиксировал первое общее ограничение перехода крестьян. Теперь переходить от одного владельца земли к другому можно было один раз в год: за неделю до Юрьева дня (празд-

ника в честь святого Георгия) и неделю после, заплатив при этом «пожилое», сумма, зависящая от числа, прожитого у данного хозяина лет.

Золотоордынское иго заставило многих церковных мыслителей задуматься о причинах несчастий, обрушившихся на Русь. Но вместо того, чтобы обратиться к Священному Писанию и проявить хоть немного движение «извилины» в своих мозгах, мудрость восточного славянина не выходила за пределы представления о мире, как о законченной целостности, и ущербная природа преобразования стала доминировать в настроениях русских людей, вследствие чего они пошли искать Бога там, где Его нет, поэтому в церковной среде еще больше стала преподноситься идея о всеобщей греховности и возможности ее искупления путем личного иноческого подвига; арианские корни лишь одели русское невежество в христианскую оболочку, продолжая поддерживать тем мистическую связь с северным богом «0».

Воплощать свое и народное искупление в жизнь стали монахи-пустынники, которые отправились в глухие места с тем, чтобы, как они понимали, в тишине и безмолвии служить Богу в тяжких трудах и самоистязаниях добывать себе и пропитание и спасение. С. Соловьев так описывает будни монастырей: «В стенах монастыря – один ест через день провиант, носит власяницу, никогда не ляжет спать, но вздремнет иногда сидя, не выходит на свет из пещеры; другой не ест по целым неделям, надел вериги и закопался по плечи в

землю...»²⁹.

Идею аскетизма всецело пронизывала православную церковь, не обращая внимания на то, что сам Бог к этому никогда нигде не призывал, а, наоборот, являл пример нахождения с Ним в легком труде и радости, нежели скорби и физическом надрыве. В сущности, эти монахи не только отрицали спасительное действие Христа, но, с духовных позиций, были теми колдунами, которые двигали народ в перевоплощение, в спасающих героев-богов, становились ориентиром движения русского общества через аскетическое трудовое себяобожествление... P.S. Уже слышится гимн «страны героев» – «добьемся мы освобожденья своею собственной рукой» ...

В годы ордынской зависимости на Руси появляется множество монастырей. Первыми подвижниками были Сергей Радонежский, Кирилл Белозерский, Ферапонт, Дмитрий Прилуцкий, Антоний Сийский и др. Однако все духовенство плохо удовлетворяло своему просветительскому призванию, а митрополит Киприан, как отмечает Знаменский, прямо обвинял низшее духовенство в невежестве, указывая при этом на толстые сельские сборники, наполненные неподобающими молитвами и суеверными сказаниями.

Бурная дискуссия возникла по поводу земельных владений церкви. Это было вызвано появлением в Новгороде тече-

²⁹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга первая. Том I-V. Второе издание. Общественная польза, СПб, 1896, стр. 735.

ния стригольников, отрицавшие необходимость церковной иерархии, считая, что священником может быть каждый образованный и праведный человек. Иван III долго относился терпимо к стригольникам, т. к. был не прочь изъять у церкви их обширные земельные владения, но в 1375 г. стригольники были казнены. В церкви по вопросу землевладения существовало два течения: нестяжатели во главе с Нилом Сорским отказывали церкви в праве владеть деревнями с крестьянами; и иосифляне, их противники, сторонники игумена Иосифа Волоцкого, настаивали на праве церкви владеть землями с крестьянами для того, чтобы церковь могла вести широкую благотворительность. Иосифляне выдвинули идею превосходства церковной власти над светской, посвятив этому «Повесть о белом клубке». В свою очередь, нестяжатели создали «Сказание о князьях владимирских», провозглашавшие происхождение великокняжеского рода от самого Августа-кесаря.

С середины XV в. положение православной церкви меняется. После взятия турками в 1453 г. Константинополя, Московская митрополия становится независимой. Свои внутренние дела она начинает решать самостоятельно на совместном соборе. Однако став самостоятельной, Московская митрополия потеряла часть своих владений. В 1459 г. Казимир IV поставил в Киеве своего митрополита, и теперь церковь южнорусских земель, входившие в территорию Великого княжества Литовского, перестала подчиняться Москов-

скому митрополиту.

Новгородская церковь с давних лет имела тесные связи с Западной Европой, поддерживаемые общеторговыми отношениями. Эти контакты имели последствия на кругозор новгородцев, на смысл их веры и на церковное устройство. В целом новгородская община была намного образованнее, чем московская. После присоединения Новгорода к Москве Иван III многих образованных духовных представителей взял к своему двору. В Новгород же был отправлен чудовский архимандрит Геннадий Гонзов. Обосновавшись на новом месте, Геннадий обнаружил здесь «ересь жидовствующих». Основателем ее считается киевский еврей Схария, появившийся в 1470 г. в Новгороде. Здесь он увел в свою сторону двух священников, Дионисия и Алексия, а затем и протопопа Софийского собора Гавриила. Дионисий и Алексий готовы были даже обрезаться. Алексий принял имя Авраама, а жене дал имя Сарра.

Этот период совпал со временем, когда Иван III боролся с «жизыми людьми» и в плановом порядке переселял их в центральные районы. Используя момент, Геннадий решил искоренить церковную крамолу и тем помочь великому князю в наведении общего порядка, как в политическом, так и в церковном мире. В 1488 г. Геннадий написал Ивану III о попах, которые не почитают иконы и весьма скептически отзывались о существующей церковной организации. Однако великий князь отнесся к доносу очень прохладно, и да-

же объявленные еретиками попы Алексей и Денис были взяты в Москву, и поставлены служить в Кремлевском храме. Дело в том, что эти еретики выступали против церковных богатств и ее земельных владений, которые представлялись самому Ивану III желанным приобретением. Взгляды еретиков также нашли понимание и поддержку среди образованнейшей верхушки московского общества. Однако Геннадий продолжал отстаивать свою точку зрения и добился в 1490 г. созыва собора «на еретика». Во время разбирательства духовные судьи пришли к мнению, что еретики отрицают троицу, божественную сущность Христа и его матери, иконы, крест и все связанные с ними догматы, также отрицали и институт церкви, поскольку сам человек – Церковь. Получалось, что новые еретики были последователи стригольников, собор осудил новое течение и отдал их для наказания в руки Геннадия. Тот повторил обряд инквизиции: осужденных одели в шутовские одежды, посадили на лошадей задом наперед, надели на головы колпаки из бересты с надписью: «Се есть сатанино воинство», а затем их подожгли, после чего многие священнослужители умерли. Несмотря на осуждение новгородские «просветители» в Москве продолжали действовать. Они говорили о важности грамотности и образовании, осуждали суеверия и мирослужение, под которым подразумевал сребролюбие и низменные человеческие чувства.

Из всей этой истории для себя Иван III понял, что кон-

фликт с официальной церковью может существенно подорвать его авторитет, что для него было дороже. Охладев к «просветителям», Иван III вернулся в ортодоксальную церковь, отличающуюся своей малограмотностью, леностью и сребролюбием. Такое положение вещей на протяжении всей истории будет достаточно сильно выражено в русском обществе, когда грамотные люди (но отвергающие Бога Христа, т. е. арианские по духу) будут пренебрегать церковной (по духу арианомонастырской) темнотой, что в конечном итоге выразится приходом «светлого времени» человеческого разума (в постройке все того же по духу суперарианского монастыря).

В конце 1504 г. в Москве состоялся новый церковный собор против очередных еретиков. Церковники во главе с новым митрополитом Симоном и Волоцким игуменом Иосифом потребовали им смертную казнь. На льду Москва реки поставили клетку, в нее заключили Фёдора Курицына с двумя единомышленниками и их сожгли.

Во времена Ивана III произошло важное событие в церковной сфере Руси. В 1499 г. новгородским владыкой Геннадием была «собрана» полная Библия. История этого собрания показывает, что Священное Писание до того времени было распространено только в отрывках и отдельных книгах. Последующая Острожская Библия (печатная, 1581 г.) за небольшим исключением стала почти копией рукописного собрания библейских книг XV в.

В древней Руси не было потребности в переводе Священного Писания на народный язык, т. к. язык старославянский был всем вполне понятен. Но с того времени, как под влиянием различных исторических условий народный язык стал постепенно удаляться от своего первоисточника – древнеславянского языка, появилась необходимость дать населению Библию на понятном ему языке. В XVI в. эта идея стала приводиться в исполнение, главным образом, в Юго-западной Руси, где первым переводчиком Библии был доктор Франциск Скорина, родом из Полоцка. Он предпринял ряд изданий библейских книг под общим заглавием: «Библия Руска выложена доктором Франциском Скориною из славнаго града Полоцька, богу ко чти и людям посполитым к доброму научению». Всего им было переведено и издано 22 книги, причем печатались они в Праге (в Богемии, 1517-1519), а затем в Вильне (1525). Общераспространённо убеждение, что Скорина переводил Библию на современный ему живой язык, т. е. на западнорусское наречие, и преимущественно с Вульгаты, пользуясь, вместе с тем, текстами греческим и еврейским. Но против мнения употребления Скориной латинской Вульгаты высказались И. Первольф и П. Владимиров, а против предположения, что Скорина перевел Библию на живой народный язык, А.И. Соболевский, доказавший, что язык его вовсе не народный, а славянский, только несколько неправильный. Несомненные же переводы Библии на живой народный язык появляются в Юго-западной Руси со второй

половины XVI в.

На Западе, в течение XII-XIII вв. по мере того, как города росли, власть сеньоров начинала тяготить горожан. Там города возникали на землях близ крепостей того или иного сеньора с целью защиты населения в случае опасности. Сеньор судил горожан, взимал с них платежи и, если город подвергался нападению, оказывая ему защиту. Теперь окрепшие города начали борьбу за независимость. Одни города обрели ее за денежный выкуп, другие добились этого военной силой. В этой борьбе короли, стремившиеся ослабить власть крупных феодалов, были на стороне горожан. Город, добившийся самоуправления во Франции и Северной Италии, назывался коммуной (франц. commune, от лат. communis – общий). Большинство коммун находились в зависимости от короля и платили ему налоги, но некоторые – города сумели стать полностью самостоятельными и распространить свою власть на пригороды. Вся власть в коммунах принадлежала городскому совету, который ведал судом, казной и войском, создавал законы и устанавливал налоги. Глава совета в Англии и Франции именовался мэром, в Германии – бургомистром.

С 1096 по 1270 гг. Западом предпринято было восемь походов на Ближний Восток, вызываемые могуществом пап и католической церкви в XI-XIII вв., имевшие стремление распространить христианство и влияние католичества. В 1055 г. папа Урбан II призвал освободить от неверных Иеру-

салим. На его призыв откликнулись рыцари (от нем. «риттер», т. е. всадник; рыцарь имел шлем с забралом и кольчугу, которую позже сменили кованые латы – щит, длинное копье и меч), для которых война ради наживы была привычным и главным занятием, крестьяне, мечтавшие вырваться из нищеты (папа дал отсрочку от платежей до возвращения из похода), городские бедняки, которым нечего было терять. Не малым стимулом оказалось и объявление папой о прощении вооруженному паломничеству грехов. Зачисленные в войско люди стали нашивать кресты из материи в знак того, что они отправляются в Святую Землю, отсюда появилось историческое наименование походов на Восток – крестовые походы.

Первыми в Святую Землю двинулись отряды крестьян, т. н. «поход бедноты». По пути они занимались грабежом населения, считая, что все это Божье, т. е., соответственно, принадлежит им. Вопреки совету Византийского императора, который предлагал дожидаться основных, хорошо вооруженных сил рыцарей, они переправились в Малую Азию, где почти все были уничтожены турками-сельджуками.

В 1096-1099 гг. состоялся первый крестовый поход. Иерусалим был взят, на завоеванных землях создали Иерусалимское королевство. Значительная часть крестоносцев, забрав добычу, вернулась в Европу. Постоянной военной силой, защищающей Святую Землю, стали духовно-рыцарские ордена – Тамплиеров (с франц. – «храмовники») и Тевтон-

ский (по известному древнему племени тевтон, считающимся немецким, поскольку большинство членов ордена было из Германии). Однако мусульмане создали сильное государство, объединившее Египет и Сирию, во главе которого встал Салах-ад-Дин. Он объявил крестоносцам джихад и в 1187 г. сумел отбить Иерусалим. Второй (1147-1149 гг., повод – взятие в 1144 г. сельджуками Эдессы) и третий (1189-1192 гг., вызван завоеванием в 1187 г. Иерусалима Салах-ад-Дином) походы были безрезультатными. Организованные разными европейскими королями с целью вернуть Иерусалим они превращались в грабительские предприятия европейских феодалов, направленные на захват новых земель и богатств. Четвертый поход, 1202-1204 гг., организованный по инициативе папы Иннокентия III, был направлен против его конкурента – Византии, которая в это время переживала глубокий кризис: усилилась феодальная раздробленность, пришли в упадок города, ослабли армия и флот, вместе с тем она по-прежнему представляла собой исторический культурный центр, финансовое сосредоточение мира. Крестоносцы вмешались в распри между членами Византийской императорской семьи, взяли штурмом Константинополь (13 апреля), притом ничтожными силами, по-варварски, разграбили его, включая храм Святой Софии, и избили множества народа. Один из руководителей крестового похода Жоффруа де Виллардуэн позднее напишет «что не было такого храбреца, чье сердце не дрогнуло бы, и казалось чу-

дом, что столь великое дело совершенно таким числом людей, меньше которого трудно и вообразить». Соотношение сил осаждавших византийскую столицу и осажденных в ней он рассчитывает в пропорции 1 : 200, замечая, что еще никогда такая горстка воинов не осаждала стольких людей в каком-либо городе. Изумляло, что когда крестоносцы вошли (с запада) в город и приготовились к сильному сопротивлению горожан, они не встретили никого, кто бы дал им отпор; население православного города-царства было равнодушно.

Завладев Константинополем, крестоносцы в Палестину не пошли, а на землях Византии создали Латинскую империю. На не завоеванных же территориях образовалось несколько греческих государств – Никейское, Трапезундской империи, Эпирского государства. Византийская империя была вновь восстановлена Михаилом VIII в 1261 г. Взятие в 1453 г. Константинополя турецкими войсками положило конец Византии. Последние походы – пятый (1217-1221 гг.), шестой (1228-1229 гг.), седьмой (1248-1254 гг.) и восьмой (1270 г.) существенной роли не играли. Крестоносцы постепенно теряли свои завоевания. С переходом к мусульманам Акры, в 1291 г., крестоносцы полностью утратили свои владения на Востоке. В итоге закрепиться в восточных странах европейцам не удалось, но военные походы в дальнейшем способствовали развитию торговли между Западом и Востоком.

ВАСИЛИЙ III ИВАНОВИЧ

*ЛИТВА. ПОХОДЫ НА КАЗАНЬ.
ПРИСОЕДИНЕНИЕ РУССКИХ ГОРОДОВ.
КРЫМСКОЕ ХАНСТВО.
«МОСКВА – ТРЕТИЙ РИМ»*

Василий III вступил на престол без особых церемоний, получив только благословение. Обряд венчания он проигнорировал, поскольку венчан был его соперник Дмитрий. Вскоре оказалось, что Дмитрий имел сторонников и вне государства. Казанский хан Мухаммед-Эмин заявил, что клялся быть в любви и дружбе с великим князем Дмитрием Ивановичем и не желает иметь ничего общего с Василием, который обманным путем арестовал Дмитрия (умер в заключение в 1509 г.)

Отношения с Казанью обострились уже в конце княжества Ивана III. Хан Мухаммед-Эмин, возведенный на пре-

стол в 1487 г. русскими войнами, тяготился зависимостью от Москвы, вызывавшей большое недовольство казанской знати. Пользуясь болезнью Ивана III, хан открыто выступил против Москвы. В июне 1505 г. он схватил русского посла и купцов, торговавших на ярмарке. Одних из них казанцы убили, других ограбили. Затем казанцы осадили Нижний Новгород, но взять города не смогли и отошли обратно.

Осознал, что предстоит серьезная борьба за восстановление московских позиций в Казани, Василий III воспользовался тем, что брат Мухаммед-Эмина царевич Абдул-Латиф, проживавший в Ростове, пожелал креститься. Одобрив это стремление, и после того как царевич крестился, приняв при крещении имя Петр, Василий III женил его на своей сестре Евдокии и дал ему удел. Теперь царевич с православной основной и русской женой должен был сыграть роль нового претендента на казанский трон.

В 1506 г. начался поход русских войск на Казань. Во главе войска были назначены удельные князья Д.И. Углицкий и Ф.Б. Волоцкий. В помощь им были приданы многие известные полководцы: Ф.И. Бельский, А.В. Ростовский, Д.Ф. Курбский, Д. Щеня и др. 28 июня начался штурм Казани. Однако он оказался неудачным. Казанский хан заманил воевод в ловушку. Несколько тысяч русских воинов было перебиты, остальные бежали. Мухаммед-Эмин устоял, но, сознавая, что Москва располагает несравненно большими силами, чем Казанское ханство, он к концу 1506 г., поспешил

уладить свои отношения с Василием III и признал свою зависимость от Москвы.

За время обострения отношений с Казанью появились изменения в Литве. 20 августа 1506 г. умер великий князь Литовский и король Польский Александр Каземирович, не оставив после себя детей. Это обстоятельство навеяло Василию III на мысль, что в своем лице он мог бы соединить как Восточную, так и Западную Руси, притом совершенно мирным путем, избранием на Литовский великокняжеский престол, ведь родная сестра Василия III Елена была женою, а теперь вдовою Александра. Рассчитывал он и на поддержку влиятельной литовско-русской партии православных магнатов. Вместе с тем, глава литовско-русской партии князь Михаил Львович Глинский сам пытался стать великим князем Литовским. Однако всем этим задумкам не суждено было сбыться, католицизм уже налицо преобладал в Литве. Новым великим князем был выбран брат Александра, Сигизмунд, которого короновали 20 января 1507 г.

В марте 1507 г. в Москву прибыла депутация послов из Литвы, которая в ультимативной форме потребовала вернуть земли, отнятые у Великого княжества Литовского. Вступив на великокняжеский стол, Сигизмунд, поставил перед собой цель вернуть все утраченные Александром северные город. Для этого он вступил в союзнические отношения с Крымским ханом Менгли-Гиреем.

Василий III не принял литовского ультиматума и в апреле

1507 г. первый выступил в поход против западного соседа. Военные столкновения начались в марте, а летом литовские союзники крымцы стали разорять Беляев, Удоев, Козельск. Против них направились русские воеводы, разбили и далеко отогнали их в степи.

Значительно обострилось положение в Литве после того, как в феврале 1508 г. против Сигизмунда выступил князь Михаил Глинский, который не мог смириться с тем, что не был избран на Литовский великокняжеский престол. Узнав о восстании Глинских, Василий III предложил им московское покровительство и в мае 1508 г. Глинские присягнули русскому государю. Военные действия продолжались до осени, наконец, обе стороны поняли их бесперспективность и 8 октября 1508 г. между ними был подписан «вечный мир», который официально подтвердил нахождение северных городов за Москвой.

Война с Литвой 1507-1508 года показала, что продолжение борьбы за западные русские земли со Смоленском требовало присоединения Псковской республики. Псков интересовал Василия III и как богатый торговый город. Несомненно, что решение ликвидировать псковскую независимость диктовались также обидой на псковичей за их желание видеть у себя князем Дмитрия, внука Ивана III, которое они высказали еще в 1499 г.

По примеру отца Василий III посылал в псковскую «отчину» наместников, причем стал выбирать таких, которые

заведомо не могли ужиться с псковичами (или же, вероятно научивал их подобным образом). Наиболее однозначным показался горожанам князь Иван Оболенский. Он сразу же возбудил к себе ненависть тем, что стал судить и править без городского вече, рассылая по волостям своих людей, грабивших и притеснявших местное население. Со стороны псковичей и наместника в адрес Московского царя посыпались взаимные жалобы и доносы.

В сентябре 1509 г. Василий III прибыл в Новгород с солидным отрядом детей боярских. Забеспокоившийся Псков тут же направил к нему челобитчиков с изъявлением благодарности за то, что князь жалует город и «держит его по старине», но одновременно просили управы на Оболенского. Василий вызвал к себе Оболенского и псковичей с жалобами и вскоре признал, что виноваты во всем сами псковичи.

В Псков Василий Иванович послал дьяка Т. Долматова, который на последнем вечевом собрании 13 января 1510 г. объявил горожанам волю Василия III о ликвидации в городе вече и назначением двух наместников из Москвы, а также наместников по пригородам. Вече согласилось принять все требования, зная, что в Новгороде стояли большие московские силы. Псковичи вскоре были приведены к присяге, а 24 января в город прибыл Василий III. Под предлогом жалоб со стороны псковичей он велел схватить посадников и раздать боярским детям по подворьям. Чтобы избежать в дальнейшем смуты Василий III перевел в окрестности Москвы 300

самых влиятельных семей, а принадлежавшие им земли раздал московским боярам и помещикам, поставил наместниками боярина Г.Ф. Давыдова и конюшенного А. Челяднина при дьяке Мисюре Мунехине, в виде гарнизона – 1000 московских боярских детей и 500 новгородских пищальников. Проворовавшиеся наместники вскоре были смещены и вместо них в 1511 г. были приняты князья Петр Великий и Семён Курбский.

Следующим стратегическим этапом для Василия III, было присоединение Смоленска. Этот город уже довольно длительное время находился под властью Литвы, и его присоединение не могло быть легким делом. Для того чтобы обезопасить свои южные границы Василий III направил в Крым посольство с подарками и уверения Менгли-Гирея в своих дружеских намерениях. В ответ в 1510 г. в Москву приехала царица Нур-Салтана навестить своих сыновей от первого брака. Она искренне убеждала Василия III в дружеских отношениях к нему ее мужа. Но за время ее отсутствия дела в Крыму быстро изменились. Сигизмунд, узнавший о намерениях Василия III, убедил Менгли-Гирея перейти на сторону Литвы, стал провоцировать нападение их на русские земли. В 1512 г. крымцы появились в Белевских и Одоевских областях, но русские полки, находившиеся в пограничных областях, смогли отразить их нашествие. Вместе с тем из Литвы приходили сообщения о притеснениях вдовствующей Елены Ивановны, а вскоре пришла весть о том, что Елена внезапно

скончалась в своем заточении. Это послужило поводом к началу военных действий. Конец 1512 -начало 1513 года проходила первая осада Смоленска. Сам город взять не удалось, он представлял первоклассную крепость, лишь были разорены окрестности Минска, Орши, Киева и др. городов.

С сентября 1513 г. началась вторая осада города. Внешнеполитическая обстановка была благоприятной, и Василий III подвел к Смоленску свои основные полки. Но и на этот раз, даже используя мощное орудие, взять город не удалось. Василий III вернулся ни с чем. Третий Смоленский поход начался весной 1514 г., на этот раз войско было оснащено большим количеством пушек. Осада города началась массовым пушечным обстрелом. Оно нанесло такой урон, что городское руководство решило вступить с Василием в мирные переговоры. 30 и 31 июля смоляне приводились к присяге, а 1 августа был торжественный въезд Василия III в город, бывший в течение 110 лет под властью Литвы. Наместником Смоленска был назначен боярин князь В.В. Шуйский. Чтобы развить успех Василий III послал несколько полков вглубь Литовской территории. Сигизмунд же выступил из Минска к Борису. Обе рати сошлись близ Орши. В это время между русскими воеводами начался местнический спор и битва закончилась сильным поражением. Русские лишились 30 тысяч воинов, многие воеводы попали в плен. Весть о разгроме русских всколыхнула антимосковских смолян. Смоленский владыка Варсонофий направился к Сигизмунду пере-

дать, чтобы он с войском немедленно шел на город. Но Шуйский узнал об измене и постарался опередить зреющий заговор. Владыку под стражей отправили в Дорогобуж, а знатных горожан казнили. Когда к городу подошел К. Острожский, надеясь его захватить благодаря сочувствию жителей, то он и его воины увидели висевших на смоленских стенах всех сторонников Литвы. К. Острожский стал посылать грамоты о передаче Смоленска Литве и делать приступы к городу, но все было тщетно. Вскоре прибыл московский отряд, отбросивший литовцев от города. На этом и закончилось наступательное движение Сигизмунда. Попытка же измены показала Василию III, что в Смоленске следует осуществить практику переселения городской верхушки, что незамедлительно было сделано. Военные действия, по большей части демонстрации русской силы, продержали до 1520 г., когда начался усиленный обмен посольствами. В декабре 1522 г. было подписано перемирие на 5 лет, оставляющие за Василием все приобретенные земли на законном основании.

Урегулирование дел с Литвой подталкивала обстановка на южных и юго-восточных границах Руси. В декабре 1518 г. в Казани умер хан Мухаммед-Эмин. Василий III послал в Казань служилого царевича Шиг-Алея, внука последнего хана. Но еще в 1515 г. в Крыму умер давний союзник Ивана III Менгли-Гирей. Его место занял воинственный Мухаммед-Гирей. Он желал подчинить себе Казанское и Астраханское ханства, препятствиями чему служило сильное влия-

ние в этих ханствах Москвы. Со смертью Мухаммед-Эмина антимосковские настроения в Казани стали усиливаться, вместе с тем Шиг-Алей возбудил против себя общее недовольство Казанцев, и те переславшись с Мухаммед-Гиреем Крымским решили пригласить его младшего брата Саип-Гирея.

В 1521 г. Саип-Гирей внезапно появился с Крымским войском под стенами Казани, изгнал Шиг-Алея и сам сел на его место. Уже в мае 1521 г. он грабил Унженскую область. Вслед за тем было получено известие о том, что на Русь идет из Крыма Мухаммед-Гирей с огромной силой и на соединение к нему идет Казанский хан Саип-Гирей. Мухаммед-Гирей попытался мощным и внезапным ударом потрясти державу Василия. 28 июня полчища Мухаммеда перешли Оку. Это оказалось полной неожиданностью и полки Серпухова и Каширы были разбиты. Василий III выехал из Москвы собирать войска, поручив оборону города крещенскому татарскому царевичу Петру. 29 июля 1521 г. татары стояли в нескольких верстах от Москвы.

Горожане больше всего надеялись на немецкого пушкаря Никласа, но в столице пороха было мало. Русские послали посольство с дарами, но хан потребовал, чтобы Россия снова платила татарам дань. Тогда была составлена грамота с обязательством уплаты дани, скрепили ее великокняжеской печатью и вместе с дарами вручили хану. Татары после этого отступили к Рязани, где воеводой был Хабар Сим-

ский, и потребовали от него покорности, представив грамоту с печатью великого князя. Воевода оставил у себя грамоту, а татар разогнал пушечными залпами. (Хабару Симскому позднее дали сан боярина и, что еще важнее, внесли описание столь важного для России события в разрядные и родословные книги). Это нашествие татар было самым несчастным событием в правлении Василия. Предав огню селения от Нижнего Новгорода и Воронежа до берегов Москва-реки, татары пленили несметное количество жителей. Вскоре все рынки Астрахани, Каира и др. городов Черноморского побережья были наполнены русскими пленными.

Следующей зимой Мухаммед-Гирей предпринял поход на Астрахань. Город был взят, однако в сражении с ногайцами он был убит вместе с сыном. Новым Крымским ханом стал Саип-Гирей.

Летом 1523 г. Василий III предпринял поход под Казань, на месте впадения Суры в Волгу заложил город-крепость Васильград, как плацдарм против Казанского ханства. Весной 1524 г. к Казани подошло огромное русское войско. Саип-Гирей бежал в Крым. Казанцы пытались обороняться, но силы оказались неравными, и они запросили мирные переговоры. Войска вернулись. В московских переговорах Василий пошел им на встречу, но для безопасности русских купцов перенес торг из Казани в Нижний Новгород.

Другим важными внутренними делом Василия III стало присоединение к Москве, после Пскова, княжество Рязань.

ское. Узнав про неблагонадежные замыслы князя Рязанского Ивана Ивановича, мечтавший восстановления былой независимости своего княжества, для чего наладил связи с Литвой и вынашивал планы женитьбы на дочери Крымского хана Мухаммед-Гирея, Василий III заманил его в Москву, где заключил под стражу, из которой он бежал в Литву. Рязанское же княжество было присоединено к Москве, ее наместником был оставлен Хабар Симский, храбро отбивший Мухаммед-Гирея от ее стен.

«Крымский смерч» 1521 г. ускорил ликвидацию крупнейшего удела на юге страны – Новгород-Северского княжества, в котором на положении вассала сидел Василий Иванович Шемячич. В целом стремление Василия III покончить с этим уделом соответствовало его антиудельной политике предыдущего времени, когда он присоединял к своим землям уделы после смерти их владельцев. Так, в 1513 г. после смерти князя Фёдора Борисовича Волоцкого его земли отошли к казне. Через пять лет, 1518 г. в связи со смертью их владельцев Василий III ликвидировал Калужское княжество своего брата Семёна и Стародубское княжество князя Василия Семёновича.

Новгород-северское княжество Шемячича занимало большую территорию и было вытянуто далеко на юг, вплоть до впадения Оскола в Северный Донец. Оно первым принимало на себя нападения крымских отрядов и играло важную роль в общерусской борьбе с Крымом.

Несмотря на все заслуги внука Шемяки, участвующего в войнах с Литвой и крымскими татарами, Василий твердо решил покончить с этим сильным и независимым князем, который вдобавок был замечен в подозрительных сношениях с Литвой. Серьезное недовольство Василия III вызывало то, что Шемячич ничего не сделал в 1521 г. не для борьбы с Мухаммед-Гиреем, ни для того, чтобы предупредить Москву о походе.

Для борьбы с Шемячичем Василия III готов был использовать любые средства. Он вызвал его в Москву, но тот отказался ехать без «охранной грамоты» от митрополита – гарантии его безопасности. Зная, что Василий III готов арестовать Шемячича, невзирая на митрополичью грамоту, митрополит Варлаам отказался дать ее, чтобы не быть виновником нарушения клятвы (т. к. власть церковная и светская, по существу, представляли друг друга). В начале 1522 г. на место Варлаама стал игумен Иосифо-Волоколамского монастыря, Даниил, готовый выполнять требования великого князя Московского. В 1523 г. Шемячич получил митрополичью грамоту, прибыл в Москву и был арестован. В 1529 г. он умер в заточении. Его же волость, как и прочие, была присоединена к Москве.

Кроме Литвы и татар, борьба с которыми заполнила почти все время княжения Василия Ивановича, с остальными державами отношения Московского княжества были дружественные. Со Швецией, с Ливонией, с Данией и даже индий-

ским царем Бабура были заключены мирные союзы и торговые сношения.

Ликвидация уделов способствовала укреплению политического единства государства. Большое значение также имел происходивший в первой половине XVI в. хозяйственный подъем. Осваивались новые земли, прежде всего в Замосковском крае и на севере страны. Отражением этого являлся рост монастырского землевладения и появления новых монастырей. Набирала обороты торговля, как внутренняя, так и внешняя, прежде всего с соседними странами. Пользовались известностью в то время купцы Хозниковы, Сырковы, Таракановы. В начале XVI в. Аникей Фёдорович Строганов завел в Соли Вычегодской солеваренный промысел и постоянно расширил свои владения. Осознавая значение для государства развитие промыслов и торговли, Василий III покровительствовал купечеству, выдавая торговцам и промышленным людям льготные и жалованные грамоты, старался защищать их от произвола воевод.

Еще более серьезное внимание уделялось развитию поместного землевладения (предоставляемое государством за несения военной и государственной службы; не подлежало продаже, обмену и наследованию). Если при Иване III были заложены основы поместной системы, то при Василии III создание ее было завершено. При этом использовался обычный, опробованный еще Иваном III в Новгородской земле, способ конфискации боярских вотчин, имевшее место

в Пскове, а отчасти – в Смоленской земле. В результате в руках государстве был сосредоточен значительный земельный фонд, предоставлявший возможность обеспечения земель на поместном праве всем московским служилым людям, причем поместья получали даже служилые холопы.

Политика Василия III была направлена на ограничение имущественных прав вотчинников (земельная собственность, переходящая по наследству). В 1506 г. практически прекратилась выдача светским феодалам тарханских грамот, по которым они освобождались от уплаты податей. В дальнейшем такие грамоты выдавались лишь в исключительных случаях.

Отношения Василия III к монастырскому иммунитету была более чем противоречивой. Проводя ограничения этого иммунитета, великокняжеская власть опиралась на поддержку нестяжателей, призывавших церковь к аскетизму, ухода от мирской суеты, отказаться от «стяжаний» и от владения вотчин. В 1511 г. митрополитом стал Варлаам, последователь наиболее видного идеолога нестяжателей Нила Сорского, умершего в 1508 г. Он поощрял великокняжескую политику в отношении ограничения церковного землевладения, но выступал против стремления Василий III укрепить свою власть над церковными феодалами, установить судебную зависимость монастырской братии от великокняжеского суда.

Это противоречие заставляло Василия III искать сою-

за с противниками нестяжателей, последователями игумена Иосифо-Волоколамского монастыря Иосифа Волоцкого – осифлянина, вначале являвшимися сторонниками господства церкви над светской властью, но впоследствии признавшие необходимость сильной власти теократического характера и стремившимися опираться на нее в борьбе со своими противниками – еретиками, как это было в первые годы XVI в. Поэтому в 1515 г. после смерти князя Фёдора Борисовича и ликвидации Волоцкого удела, Иосифо-Волоколамский монастырь получил грамоты на вотчины возле Твери и Ржева, по которым ему довались самые широкие податные и судебные привилегии. Такое отступление от принципов поземельной политики в отношении осифлян показывает, что великий князь Московский был способен проявить политическую гибкость ради заключения союза, необходимого ему для укрепления своей власти.

Однако твердый союз с осифлянами тоже не сложился, поскольку, выступая за усиление великокняжеской власти, те одновременно выступали в защиту братьев Василия III от великокняжеской грозы. А сам Василий III не мог забыть того, как в конце XV века бояре стояли за передачу великокняжеского Московского престола Дмитрию. Недоверие к Боярской думе и в целом удельно-княжеской знати, включая родных братьев, стало для Василия III патологическим явлением. Так в 1511 г. у великого князя испортились отношения с осифлянами после того, как митрополит Симон

заступился за великокняжеского брата калужского Семёна Ивановича, собиравшегося бежать в Литву. Заступничество митрополита спасло князю жизнь, но самому Симону пришлось оставить митрополичью кафедру, которую занял нестяжатель Варлаам. А незадолго до своей смерти в 1515 г. сам Иосиф Волоцкий улаживал конфликты между Василием III и его братом, Дмитровским князем Юрием Ивановичем. Заступничество Иосифа было успешным, и именно потому, что Василий III видел в нем своего твердого сторонника, поскольку Иосиф еще в 1507 г. передал свой монастырь под покровительство великого князя Московского.

Самым сокровенным мечтам Василия III отвечало послание к нему настоятеля игумена Иосифа Волоцкого, где прямо подчеркивалось о божественном происхождении власти князя: «Сего ради слышите, царие и князи, и разумеите, яко от бога дана бысть держава вам. Вас бо бог в себе место избра на земли и на свой престол вознес, посади, милость и живот положи у вас. Вам же подобает, приемши от вышняго повеления правленья человеческого рода, православным государем, царем и князем, не токмо о своих пещися и своего точю жития правити, но и все обладаемое от треволнения спасти и соблюдати стадо его от волков невреждимо»³⁰. Эти слова были свидетельством того, что в церковных кругах власть Московского государя приравнивали к власти Визан-

³⁰ Послания Иосифа Волоцкого. Акад. Наук СССР, Москва-Ленинград, 1959, стр. 230.

тийских императоров-басилевсов. Следовательно, и держава его воспринималась как достойная наследница и преемница Византии. Еще митрополит Зосима в 1492 г. сформулировал теорию «Москва – новый град Константина» и, используя евангельское предсказание «И будут перви последний и последни перви», вывел, что первенство в православном христианском мире после падения в 1453 г. Византии перешло к «Москве и всей Русской земле».

Псковский монах Филофей, старец Елизарова монастыря, еще дальше развил мысль митрополита Зосимы. В своем послании Василию III, написанным между 1513 и 1521 года, он заявлял: «Блюди и внемли, благочестивый царю, яко вся христианская царьства снидошася въ твое едино, яко два Рима падоша, а третей стоит, а четвертому не быти»³¹. Так под пером монаха-осифлянина была высказана теория «Москва – третий Рим». Это имперское наследие в классически завершенной форме переходило к Русскому государству, столица которого – Москва. После падения Рима в 476 г. и падения от турок второго Рима – Константинополя в 1453 г., божественная благодать ниспустилась на Московского великого князя – посредством переноса царских регалий от Византии и человеческого слияния династии русских князей с династией басилевсов, через брак с гречанкой Софьей – даруя при этом ему свыше всю полноту власти.

Идея необходимости неограниченной власти на Руси про-

³¹ Библиотека литературы Древней Руси. Том 9. Наука, СПб, 2006, стр. 304.

истекает из принципа отождествления, – совмещения двух миров – небесного и земного: как Бог на небе является Всемогущим, точно так же всю полноту власти должен иметь Его представитель на земле. Именно в этой точке мироощущения проявилось основное отличие восприятия русских от населения Западной Европы, т. е. в более выраженной форме устанавливающие представителя Бога в лице главы светской власти, и, соответственно, в более широком масштабе – структуры власти управления. Еще от своих прародителей прозванных «божественными» русские в своем восприятии – быть ближайшей ветвью к Богу – уже в миру становились церковью, с заложенной внутренней идеей собою миру нести сакральную божественную правду, а сама христианская церковь принимала вид своеобразного храма в этой мирской церкви. Оставался лишь вопрос: правду какого бога будет нести эта русская миссия – севера или юга? Если замкнутостью севера, то представитель Бога, в таком случае, сам превратится в бога, непосредственно Бог, которому нужен будет лишь для оправдания своей неограниченной власти. Если юга, то сама неограниченная власть в такой случае иллюзия – он представитель Бога, а не Бог.

Острота противоречий между осифлянами и нестяжателями несколько не мешала Василию III приближать к себе по мере надобности как тех, так и других. Его собственные политические интересы были для него несравненно важнее, чем разногласия среди церковников. Наглядно об этом

свидетельствовало приближение к себе не только Волоцкого игумена, но и его противника – Вассиана Косого (в миру князь Вассиан-Патрикеев), ставшего после смерти Нила Сорского в 1508 г. фактическим главой нестяжателей.

С разными представлениями церковного и государственного устройства лидеры движений, Иосиф и Вассиан, по-разному относились к еретикам. Если Иосиф считал необходимым расправляться с ними и привлекать для борьбы великокняжескую власть, то Вассиан, ссылаясь на прошлое христианской церкви, полагал, что их нельзя казнить, но следует ограничиваться церковной анафемой и заточением, а покаявшихся еретиков прощать.

Другим известным человеком в России первой половины XVI в. был Максим Грек, которого в миру звали Михаил Триволис. Выходец из семьи греческого чиновника, он учился во Франции и в Венеции. Во Флоренции ему давалось слушать проповеди настоятеля монастыря доминиканцев Джироламо Савонарола, в которых он выступал против тирании Медичи, обличал папство, призывал церковь к аскетизму, осуждая гуманистическую культуру (даже организовал сожжение произведений искусства). Савонаролу обвинили в ереси и в 1497 г. он был отлучен от церкви, в следующем году по приговору синьории казнен, а его труп сожжен.

Под влиянием Савонаролы Максим Грек постригся в каталитическом монастыре. Но он не мог принять идей, распространявшихся в Италии в эпоху Возрождения. Его сму-

щало, что интерес к греко-римскому язычеству, античному искусству и философии, к самому древнему образу жизни отодвигал христианство на второй план. Он вернулся в Грецию и вновь постригся в православном Ватопедском монастыре. В 1518 г. по просьбе Василия III его послали в Москву для исправления переводов церковных книг. В Москве Грек занял видное место, но в силу своего равнодушно-го характера не смог остаться в стороне от внутривосточной борьбы. Он принял сторону нестяжателей, оказал помощь Вассиану в работе над Кормчей (сборник церковных и светских правил, законов и постановлений), не поддерживал автокефальность русской церкви, настаивая на соблюдении правил Вселенских Православных Соборов.

Одним из близких людей к Максиму Греку в Москве стал Иван Никитич Берсень-Беклемишев, служивший при дворе с 1490 г. Он отличался прямоотой суждений и продвигался по службе незначительно. Берсень-Беклемишеву принадлежат такие суждения по адресу тех порядков, сложившиеся при Василии III. «Добр деи был отец Великого Князя Васильев Князь Великий Иван и до людей ласков... а нынешний Государь не по тому, людей мало жалует»³². Существует еще одно яркое сравнение Ивана III и Василия III. «Государь деи упрям и въстречи против себя не любит, кто ему въстречю

³² Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией Императорской Академии Наук. Том первый. 1294-1598. Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, СПб, 1836, стр. 142.

говорит и он на того опалается; а отец его Князь Велики против себя стречю любил и тех жаловал, которые против его говорили»³³. Следовательно, престарелый Берсень, хорошо знавший обоих государей, считал Василия III еще более самовластным правителем, чем Иван III. А вскоре Берсеню довелось на себе испытать правоту своих слов.

Бог благословляет свой народ. Несмотря на то, что после женитьбы Василия III на Соломонии Сабуровой прошло уже много лет, детей у них не было. Это не могло не настораживать Василия, т. к. именно семейная стабильность главы государства обещало дальнейшую стабильность самого этого государства. С другой стороны, за время многолетней жизни он охладел к своей жене и ему приглянулась молодая, красивая, образованная Елена Глинская. Осенью 1523 г. был созван собор, состоящий из высшего духовенства и бояр. На соборе решался вопрос семейной жизни. Василий III заявил, что жена его неплодная, потому он не знает, кто будет царствовать после него. В ответ собравшиеся посоветовали ему разойтись с женой и вступить в новый брак, а сам митрополит Даниил сказал, что берет его грех на свою душу, ради государственного интереса. Однако среди духовенства нашлось немало противников развода, наиболее активным из которых был афонский монах Максим Грек, его поддержал монах Вассиан Косой. Из бояр к ним присоединился С.Ф. Курбский. На этот раз вопрос о разводе остался для Василия

³³ Там же, стр. 143-144.

III открытым. Дальнейшая интрига закончилась уже судебным процессом 1525 г., на котором Максима и его сторонников обвинили в не православии, восхваляющими «басурманские обычаи», в еретических ошибках переводимых текстов, чародействе, что они ссылались с турецкими пашами и даже провоцировали их напасть на русские земли. По приговору дипломат И.Н. Берсень-Беклемишев был казнен на льду Москва-реки, дьяку Фёдору Жаренному урезали язык. Максим Грек и его окружение были сосланы в Иосифо-Волоколамский монастырь. Из монастыря Грек писал митрополиту Макарию: «Я проповедывал чисто православную веру и с подобающею честью был опять отпускаем во Святую Гору, и нигде не попадал в оковы и не был заключаем в темницы или морим голодом, холодом и дымом, как это случилось со мною здесь, праведными судьбами Божиими, по множеству, вероятно, грехов моих, но никак не за какую-нибудь ересь»³⁴.

Заручившись поддержкой значительной части духовенства и боярства, Василий приказал постричь Соломонию в монашки. Известия, дошедшие о пострижении Соломонии разноречивы: по некоторым из них, развод и пострижение последовало по желанию и даже по просьбе и настоянию самой великой княжны из-за болезни и бездетности, по другим – она этому противилась. Так, в книге «Записки о моско-

³⁴ Сочинения преподобнаго Максима Грека в русском переводе. Часть первая. Нравоучительныя сочинения. Тип. Свято-Троиц. Серг. Лавры, 1910, стр. 231.

витских делах» сказано: «Разсерженный бесплодием супру- ги, он в тот самый год, когда мы прибыли в Москву, то есть в 1526, заточил ее в некий монастырь в Суздальском княжестве. В монастыре несмотря на ея слезы и рыдания, Митрополит сперва обрезал ей волосы, а затем подал монашеский кукуль, но она не только не дала возложить его на себя, а схватила его, бросила на землю и растоптала ногами. Возмущенный этим недостойным поступком, Иоанн Шигоня, один из первых советников, не только выразил ей резкое порицание, но и ударил ее бичом, прибавив: "Неужели ты дерзаешь противиться воле Государя? Неужели медлишь исполнить его веления?" Тогда Соломея спросила его, по чьему распоряжению он бьет ее. Тот ответил: "по приказу Государя". После этих слов она, упав духом, громко заявляет в присутствии всех, что надевает кукуль против воли и по принуждению, и призывает Бога в мстители столь великой обиды, причиняемой ей»³⁵.

Пострижение Соломонии произошло под именем Софьи в ноябре 1525 г. в Рождественском девичьем монастыре. Первоначальное ее местом заточения стал Каргополь (Архангельская обл.) и только через пять лет ее перевели в Суздальский Покровский монастырь, где и умерла в 1542 г. Через некоторое время после пострижения Соломонии по Москве

³⁵ Баронь Сигизмундь Герберштейнь. Записки о московскихъ делахъ. Павелъ Иовий Новокумский. Книга о московскомъ посольстве. Пер. А.И. Малеина. Тип. А.С. Суворина, СПб, 1908, стр. 38.

поползли слухи, что великую княгиню постригли беременной и что в монастыре она родила сына Георгия. Следствие, проведенное по этому делу, никаких результатов не дало.

21 января 1526 г. великий князь Василий III, которому исполнилось 47 лет, женился на молодой Елена (родилась около 1508 г.), дочери Василия Глинского. Обычная в те времена церемония выбора невесты не проводилась, указывающее, что государю давно приглянулась Елена. Венчание совершал в Успенском соборе сам митрополит Даниил. Политическое значение этого брака было в том, что он символизировал единение Московской и Литовской Руси, выходцами из которой были князья Глинские. (Сами Глинские вели свой род от хана Большой Орды Ахмата). Елена была хорошо образована и знала европейские обычаи. В угоду желаниям молодой жены Василий III даже сбрил бороду, что вызвало недовольство в церковной среде. Подобно другим московским щеголям, он стал носить узкие красные сапоги, кафтаны с многочисленными нарядными пуговицами, украшать костюм драгоценностями. Придворные заметили, что Василий стал чаще говорить о пользе усвоения Русью иностранных обычаев. Молодой жене удалось уговорить великого князя освободить из заключения своего дядю, князя Глинского, Михаил Львович вновь стал приближенным человеком Василия III.

Несколько лет второй брак Василия III с Еленой был бесплодным. С женой он изъездил все известные чудесами мо-

настыри. Вместе они, не скупясь, одаривали милостыней нищих, но их мольбы были тщетны. Через 4 года после свадьбы супруги прибегли в молитвах своих к святому православному монаху Пафнутию Боровскому, посетив место его упокоения, и через некоторое время стало известно, что великая княгиня ждет ребенка, – великими слезами испрошенный у монахов в мир придет Великий Монах, дар «Небес», он займется на земле лучшим обустройством мира народа его призвавшего, нацеленного на монастырские строгие идеалы, наведением монашеской правильности, суровости ее бытия, уничтожения всякой лености, оставшихся амбиций у высших «иерархов» этого русского монастыря «Православное мироощущение», чему только больше будет способствовать, а затем и гордиться преодоления и радости приближения к «Небесам», всевозможно встречающиеся на этом пути трудности, та же леность высших «иерархов», те же амбиции, исходящие со всех сторон...

25 августа 1530 г. у Василия III и Елены родился сын, нареченный Иваном. В честь его рождения, обрадованный отец заложил в селе Коломенском под Москвой церковь Вознесения. Через год Елена родила второго сына, Юрия, еще один дар «Небес», «Великий Монах» от утробы, который, по словам Курбского, оказался «без ума и без памяти и безсловесен»³⁶, ставший, Богом представленный, внутренним двой-

³⁶ Сказания князя Курбского. Издание второе. Тип. Импер. Акад. Наук, СПб, 1842, стр. 101-103. «О чаровниках же оных так печашеся, посылающе по них та-

ником первого, внутренним отображением всего православного мироощущения.

Радость Василия III по поводу рождения наследника была так велика, что он даже снял опалу с некоторых своих приближенных. Заметно выдвинулся князь Михаил Львович Глинский. Но помня о попытке его бегства в Литву, Василий III не довольствовался взятием от него поручительной

мо и овамо, аж до Корелы, (еже есть Филя [в сносах – «еже есть Филяндия и Аждокя Ляпунии, еже той язык сидит»]: сидит на великих горах, подле Студенаго моря [в сносах – «на поле: море глацыалем; тако бо Русским языком нарицается Ледопоет (Ледовитое?) море»]), и оттуда провожаху их к нему лехтущих [«возбуждающих»] оных и презлых советников сатанинских, и за помощию их от прескверных семен, по произволению презлomu, а не по естеству от Бога вложенному, уродилися ему два сына: един таковой прелютый и кровопийца и погубитель отечества, иже не токмо в Русской земле такого чуда и дива не слыхано, но воистину нигдеже никогдаже, мною: зане и Нерона презлаго превзыде лютостию и различными и неисповедимыми сквернами; паче же, не внешний, непримирительный враг и гонитель церкви Божией бысть, но внутренний змий ядовитый, жруще и растерзающе рабов Божиих; а другой был без ума и без памяти и безсловесен, таков, аки дивы, якой родился. Ту ми зрите и прилежно созерцайте христианские родове! яже дерзают непреподобне приводити себе на помощь и к деткам своим мужей презлых чаровников и баб, смывалей и шептуней, и иными различными чары чарующих, общующе со диаволом и призывающе его на помощь, что за полезную и яковую помощь от того имеете, в предреченной неслыханной лютости рассмотрите! Мнози бо, яко слышахом многажды, за мало сие себе важать и смеющесь глаголют: "мал сей грех, и удобне покаяннем исправится". Азь же глаголю: не мал! и воистину превелик зело, понеже тем Божию заповедь великую во обетованию раззоряете: бо Господь глаголет: да не убоишися никого же, а ни послужиши, сиречь: ни у кого же помощи не имашчи разве меня, а ни на небеси горе, а ни на земле низу, а ни под беднами; и паки: аще кто отвержется мене пред человеки, отвержуся и азь его пред отцем моим небесным».

записки и ввел по отношению к нему сложную систему поручительства. Выдвинулись также князья Оболенские, один из которых, Иван Овчина Фёдорович Телепнев – Оболенский, не раз отличившийся в походах против казанцев и крымцев, после смерти Василия III стал фаворитом Елены Глинской. Сестра князя Овчины, Аграфена Челяднина, была приставлена мамкой к младенцу Ивану.

Обеспечив относительное спокойствие на западных и восточных рубежах России, Василий III уделил внимание внутренним делам. От нестяжателей, которых недавно поддерживал, он окончательно отвернулся. В результате в 1531 г. церковный суд осудил к заточению в Иосифо-Волоколамский монастырь Вассиана Косого и вторично Максима Грека. Заботясь о будущем сыне, он привел к присяге ему новгородцев, а с братом Юрием заключил в 1531 г. договор, по которому тот отказывался от притязаний на великокняжеский престол и присягал не только Василию III, но и его сыну.

Порой Бог демонстрирует духовное состояние, здоровье нации через здоровье или болезни правителя этого народа. Василий III скончался в 1533 г. от язвы, прокняжив 28 лет. Когда он ехал от Троицкого монастыря в Волоколамский, на левом бедре, у него показалась багровая болячка размером с булавочную иголку. После этого князь начал быстро изнемогать и приехал в Волок уже без сил. Врачи принялись лечить Василия, но ничего не помогло. Из болячки вытекало

гнуою «до полу тазу и по тазу»³⁷, а один раз вышел и «стержень более полутора пяди, но еще не весь стержень выде из нее»³⁸, после чего великому князю стало легче. С Волока он поехал в Иосифо-Волоколамский монастырь. Но облегчения было недолгим. В конце ноября Василий III совсем без сил приехал в подмосковное село Воробьева. Лекарь Глинского Николай, осмотрев больного, сказал, что осталось уповать только на Бога. Василий понял, что смерть близка, написал завещание, благословил своего сына Ивана на великое княжение, жене Елене наказал «под сыном своим государство дръжати до возмужения сына своего»³⁹, приобщился, соборовался маслом и постригся в монахи под именем Варлаама. В ночь с 3 на 4 декабря он умер. Митрополит тотчас привел, находившихся рядом, к присяге братьев покойного, Юрия и Андрея, служить великому князю Ивану Васильевичу.

Как замечают историки если Иван III в борьбе за власть не забывал государственные интересы, то у Василия III властолюбие всегда оставалось на первом месте. А.А. Зимин замечает: «Даже опричнина, это самое оригинальное из детищ Ивана IV, имела корни в меропрятиях Василия III. Именно в первой трети XVI в. дворовое войско (великокняжеская гвардия) начинает обособляться от общегосударственного.

³⁷ Библиотека литературы Древней Руси. Том 10. Наука, СПб, 2000, стр. 24.

³⁸ Там же, стр. 26.

³⁹ Полное Собрание Русских Летописей. Том осьмый. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. Тип. Эдуарда Праца, СПб, 1859, стр. 285.

Именно Василий III, создав Александровскую слободу, сделал ее своей излюбленной загородной резиденцией. Даже постановление на престол Симеона Бекбулатовича имеет прецедент в попытке Василия III назначить себе наследником крещеного татарского царевича Петра»⁴⁰. Взгляд личного превосходства при Василии III стал распространяться на всю структуру власти. Теперь все боярские и дворянские роды составляли своеобразную лестницу, по которой они размещались, не по личным заслугам, а по знатности своих предков. Этот порядок стал известен под наименованием «местничество», т. е. занимаемое место каждого рода в обществе, – вечная, т. е. мертвая, ступенька лестницы. Себя Василий III стал называть самодержцем, он находился во главе Боярской думы и армии. Переход его подданных на службу к другим князьям полностью ликвидируется, отныне все князья и бояре должны были давать крестоцеловальные записки, в которых поручались друг за друга своим имуществом. Роль удельных князей теперь сводится к одному, чтобы быть помощниками великого князя и исполнять его волю. Высшей судебной инстанцией является великокняжеский суд, от его имени издаются законы, касающиеся всех жителей.

Русские правители рассматривали государство как свою вотчину и как территорию, данную им от Бога, которой можно распоряжаться по собственному разумению, как Бог –

⁴⁰ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. Мысль, Москва, 1972, стр. 423.

Вселенной. В языческих же поверьях, наделяя Бога человеческими качествами, притом, распущенного типажа, бытовало представление, что Бог сотворил мир беспричинно, и Он же может этот мир по собственному желанию уничтожить, т. е. беспричинно. В этом есть суть могущества Бога. Поэтому, перенося «божественную» природу распутства на правителя, переносилось и наделяемое на Бога свойство абсолютной власти позиции хаоса. Причем это положение смешивалось с христианством, действием Спасителя. И этот конгломерат представлений о Боге как о самовласте и в тоже время спасающим оставался стойким, вплоть до современных дней. Из него же вытекало представление, что как Бог, в Своем могуществе, может и миловать, и казнить по собственному представлению, также и земной властитель. Причем для земного властителя показателем небесного могущества, супермогущества, становился фактор лишения жизни и ее дарования. Но поскольку дарование не раскрывает позицию дарования (ситуацией неизменности: нет истерического эффекта), то в действительности мощь власти проявляется, в основном, в возможности лишать жизни, и чем больше, тем, соответственно, сильнее, могущественнее и приближенней к «Небесам», освященной Богом, просвященной становился властитель. Другими словами, в языческих представлениях, русской почвы особого почитания старины, состояние управления приобретало фаллическую окраску, повышенного эгоизма. В связи с этим, уже

Василий Темный стал прибегать к редко применявшемуся до этого средства борьбы с непослушанием – массовым казням. Затем казни приобрели единичный характер, что, в общем, способствовало практике западноевропейских монархов. Однако иностранцы, приезжавшие в Россию, считали власть Василия III самодержавной и отмечали, что даже ни один из его советников не осмеливался ему противоречить. Произвол Московских государей в это время ограничивала главным образом лишь относительная слабость государственного аппарата.

Во времена Василия III происходит процесс укреплений и постройки многих городов. В Нижнем Новгороде, Туле, Коломне и Зарайске построены крепости с каменными стенами. В Москве к 1508 г. закончилось возведение новых стен Кремля. В 1508 г. были освещены две церкви: Архангельский собор и храм Рождества Иоанна Предтечи у Боровицких ворот. Также была закончена двухэтажная колокольня Иоанна Лествичника и достроен великокняжеский дворец. Вся эта архитектура возводилась по проектам итальянских зодчих, которых Василий III, как и его отец, приглашал в свою страну. Торговая часть самой Москвы была ее середина, Большой Посад у Кремля. Уже после кончины Василия Ивановича это место будет обнесено плетеными стенами, называвшимися «Кита» (плетенка), а по количеству присутствия здесь торговых лавок, «коих там до 40.000», станет прозываться москвичами «Китай-городом».

При Василии III к Московскому княжеству было присоединено много земель, Псков (1510), Рязанское и Угличское княжество (1512), Волоцк (1513), Смоленск (1514), Калуга (1518), Новгород-северское княжество (1523). Однако единого целого русские земли ещё не составляли. На это указывает различные способы налогового обложения. Например, в Новгородской земле единицей обложена была обжа, в Перми – лука, в Пскове – выть, на Севере – маленькая сошка и т. д. Кроме того, Новгородский владыка и наместник имели право самостоятельных дипломатических сношений с Ливонией и Швецией. Управлялись вновь включенные земли также отдельно, особыми дворцами во главе с дворецкими. Существовали должности новгородского дворецкого, тверского, рязанского, дмитровского и угличского. Велико-русскими земляками ведал большой дворецкий и по своим функциям не смешивался с остальными. Эта не развившаяся форма территориального управления, как пережиток прежней раздробленности русских земель, сохранялась достаточно долго и стала особенностью государственного аппарата, против чего, в сущности, и восстанет следующий правитель Иван IV, занявшийся реформаторством, на свой лад и манер утверждая в своем «примерном» монастыре примерное единообразное управление.

Существенно увеличился великокняжеский двор, при этом иерархия среди служилых обозначилась более четко. Важнейшим чином стал конюший, затем – дворецкий. Оба

вошли в Боярскую думу и заняли в ней первое место. Далее шли: окольниковичие, оружничий, ясельничий, сокольничий, ловчий, постельничий. Последний находился ниже чинов, связанных с охотой, поскольку Василий III имел к этому виду развлечений особое пристрастие.

Сильно возрастает роль казначеев и печатников. Если раньше в их ведении была лишь великокняжеская казна, то со временем они стали заниматься и общегосударственными вопросами. На должность казначея при Василии III назначались преимущественно выходцы из Византии, греки Траханчотовы и Ховрины-Головины. При них разрастается дьяческий аппарат чиновников, занимающихся управленческими вопросами. Обычно дьяками становились грамотные люди из поповского сословия или из холопов (служилых князей и бояр).

На местах крупные города управлялись наместниками, которые назначались великим князем из числа наиболее знатных и доверенных ему князей и бояр. Фактически города отдавались им в кормление, т. е. они вершили там суд, собирали всевозможные налоги, часть которых шла им в карман. Помощниками наместников были городовые приказчики, которые осуществляли административно-финансовую деятельность.

При Василии III церковь становится полностью подчиненной светской власти. Этому способствовала борьба митрополита Даниила, опирающегося на власть великого князя с

нестяжателями, но в большей степени общая действительность сложившейся ситуации, когда церковь ищет собственное благополучие, гарантированное в виде земельных наделов светской властью.

Любопытные сведения оставили о Москве побывавшие здесь в XVI-XVII вв. иностранцы. Посол императора Священной Римской империи Франческо да Колло такой увидел Москву в 1518 г.:

[Город] «имеет стены не каменные, но из дерева, столь хорошо спаянные между собою, что их поистине можно назвать укреплениями; разделен на районы со своими разгородками: так что войти из одного в другой вовсе не легко для всех; и еще того менее разрешено кому бы то ни было переходить из одного города в другой, или с одного места на другое без разрешения Князя или его служителей. Покидать страну запрещено кому бы то ни было и в особенности чужеземцам, поскольку все выходы строжайше охраняются, и нарушителей подвергают суровейшим наказаниям. Чужеземцам из любой страны свободно разрешено въезжать в страну, и того более – их не только принимают, но и осыпают милостями... Нет здесь никакого писанного закона, но Князь старательно следует собственным обычаям. Его воля, однако, единственно почитается за закон, и настолько ему все подчинены, что если он прикажет кому пойти и повеситься, бедняга не усомнится немедленно подвергнуть себя такому на-

казанию. Не видно ни у кого и такой смелости, чтобы кто-то решился сказать – это имущество мое; но говорит – по милости великого Государя приобрел я сие имущество. И, если сказать правду, все имущество, не только общественное, но и частое, каково бы оно ни было, – принадлежит сему Князю, и он сегодня дает одному и отнимает от другого завтра, и крайне часто в одно мгновение возвышает одного до самых высших степеней и положения и опускает другого до самого низа и нищенских условий. И тот, кто низложен или от коего отнято что-то, не только не жалуется или печалится, но, простершись ниц, бьет челом о землю и возносит хвалу Государю, что тот его низложил или же отнял у него то имущество, коим он владел столько времени по его милости. Дела духовные отправляются и для Князя и для народа его Епископами, Священниками и Монахами согласно порядку и обряду Греческому; высшее священство избирается Князем, рукоположение же и воздвижение в сан принимают от Патриарха Константинопольского, или же от его наместников в этой стране...

Сей князь весьма силен, даже всемогущественен благодаря деньгам, серебру и золоту, ибо постоянно накапливает и мало тратит на войны и охрану своих городов, так как получает ежегодную дань из областей... в огромных размерах, но не в золоте или серебре или деньгами, кои во многих областях неизвестны, но шкурами таких зверей, как Соболи, Куницы, Снежные барсы, Волки, Горностаи, Барсуки, Собаки, и дру-

гих животных разных видов, медом и воском; равным образом получает не только десятину злаками и плодами земли, но такую часть, сколько он хочет и сколько ему нравится, ибо не позволено противится его воле... Из меда готовится особый напиток, под названием Медовуха... Но пить его дозволяется отнюдь не всем; более того – это запрещается всем, кроме как служителям Князя, каковые по приказанию Его Светлости продают его и от сего извлекают великую прибыль. Что же касается рыб, сия страна имеет их в большом количестве и таких размеров и столь доброго качества, что я не видел и не пробовал ничего подобного ни в какой другой стране. Имеют сии страны зерна и фуража безмерно, – несмотря на то, что земля покрыта снегом почти девять месяцев в году... Платою же за доблесть воинов служит одежда, из различного качества материй шелковых и суконных, коими изобилует его Князь, получая их из разных концов страны, и смею сказать, что только в Москове видал более 200 тысяч камзолов, шитых золотом и из шелка, и камлотовых, по цене более низкой, подбитых куньим мехом или барсучком... Хочу отметить, что всякий раз, когда нас приглашали к Князю и когда приходилось идти к Его Светлости, мы видели с одной стороны улицы от нашего жилища вплоть до Кремля, местопребывание сего Князя, на расстояние с поллиги – что составляет две с половиною итальянских мили – людей, одетых в одежды, полученные из казны, числом более 40 тысяч, расположенных в знак уважения, а когда приходи-

лось возвращаться домой, в ночное время, стояли зажженные лучины вышиной около шага по обеим сторонам улицы в двух шагах друг от друга и они создавали такое освящение, как если бы было полуденное солнце...

Людей в этих областях и во всей стране вышеназванного Князя продают, как куриц и других животных, на рынке, их продают и о них заключают договоры. Отцы и матери приводят на ярмарки и рынки детей и продают их для удобства покупателей за ничтожную цену. Скажу больше, в городе Московии некоторые из наших купили нескольких молоденьких девиц от пятнадцати до восемнадцати лет, поистине прекрасных, для своего употребления и удовольствия, всего за один дукат или унгар, и так обычно их покупают за большую или мелкую цену, и дети, которые рождаются, остаются во власти купивших, которые могут их для своего удовольствия продавать и менять, хотя и не могут вывозить из страны, но могут только держать для всяческого употребления,— то что запрещается нашими законами божественными и человеческими; но сия нация и в худший порок весьма погружена»⁴¹.

Другое сообщение о Московии оставил Рафаэль Барберини, посетивший столицу в 1564 г.:

«Город этот преобширный, но застроен более чем 7/8 деревянными строениями. Имеет крепость с прочными, но неукрепленными, каменными стенами; крепость эта постро-

⁴¹ Франческо да Колло. Доношение о Московии. Пер. О. Симчич. Наследие, Москва, 1996, стр. 59.

ена некогда Италианцами. Есть также там несколько больших церквей, красивой архитектуры, и великокняжеский дворец с золотыми крышами и куполами, тоже построенный Италианцами... Кроме того находится еще там невероятное множество церквей и малых и больших, и каменных и деревянных, так-что нет улицы, где не было бы их по несколько; по-этому даже несносно, как, в Николин день, начнут день и ночь гудеть колокола, которых там безчисленное множество. Дома в этом городе, как и в прочих городах и селениях, небольшие и дурно расположены, без всякого удобства и надлежащего устройства. Во-первых, большая изба, где едят, работают, одним словом, делают все; в ней находится печь, нагревающая избу; и на этой печи, обыкновенно ложится спать все семейство; между тем не придет им в голову хотя бы провести дымовую трубу; а то дают распространяться дыму по избе, выпуская его только через двери и окна, так-что немалое наказание там оставаться!...

Москвитяне исповедуют религию греческую. Они весьма суеверны в живописи и изображении святых; поклоняются одному святому Николаю, почти не упоминая о других Божьих угодниках; и празднуют день этого святителя, больше чем всякаго другаго. Надобно знать, что они весьма склонны к пьянству, и даже до такой степени, что от этого происходит у них много соблазна, зажигательство домов и тому подобное. Обыкновенно Государь строго воспрещает им это; но чуть настал Николин день, – дается им две недели

праздника и поной свободы, и в это время им только и дела, что пить день и ночь! По домам, по улицам, везде, только и встречайте, что пьяных от водки, которой пьют много, да от пива и напитка, приготавливаемого из меда²...

Вообще чрезвычайно как ревнуют своих жен и мало дозволяют им отлучаться со двора³...

Что же касается до правосудия, то не следуют они Бальдовым или Бартолевым законам, но, как угодно государю, так и решает суд; отчего часто бывает, что один за безделицу предается на съедение медведям, и отнимается все у него имущество, тогда как другой, хотя бы и в чем большем провинился, о том даже и не говорится!..... а по-этому и страх как боится народ своего государя, и гораздо более ему повинуются, чем где-нибудь другие народы своим повелителям. И этот страх так на них действует, что большею частью не смеют они выказывать своего имущества; даже знаю я таких, у которых и довольно есть денег, а одеты всегда чрезвычайно дурно, и деньги свои, письма и другие вещи прячут в доме у кого-нибудь из своих иноземных друзей, не доверяя в том ни матери, ни брату!⁴..

Разсказывали мне еще, что будто не раз там случалось: вдруг потребует государь, у кого-нибудь из своих вассалов, известной суммы денег; а тот пусть только вздумает извиняться, что нет у него столько, или как-нибудь в этом роде, — раздраженный отказом, государь повелевает тотчас, отнять у него дом и все что там найдется..... потом уже и неслышно

ничего, что с ним последует; даже о том и говорить никто не смей. И таким образом самопроизвольно управляет он своим государством5...

Когда же кто должен другому по ясным сделкам, а заимодавец требует себе уплаты, в таком случае, тотчас предписывается должнику являться, каждое утро в назначенный час, в то судебное место, откуда получил предписание; а таких начальств там множество; и тут они освобождаются на поруки, или же сажаются в кандалы; и когда потом, чрез два часа, предстанут они, по знаку данного колоколом, выводят их на улицу, сняв с них кандалы, и сержанты не перестают колотить их палками по икрам, до-тех-пор, пока не заплатят они своих долгов; таким образом всякое утро можно их видеть сотнями пред этими домами, как мушин так и женщин. Видел я даже одного князя, который, каждое утро, приезжал верхом, являться на казнь, и зато, что однажды подкупил он сержанта, чтоб бил его потише, были потом биты оба, как он, так и тот сержант6...

[Если должник не признает за собой вины, а у заимодавца нет реальных доказательств, свидетелей или письменного] заставляют их решать этот спор междуособной схваткой (*combattere corpo a corpo*), на площади, которая для этого нарочно предназначена и избрана... Презабавно видеть, как, идучи на этот подвиг, бывают они вооружены; для этого берут они с собою столько всякого оружия, что, если бы пришлось им упасть от тяжести своего вооружения, уж никак бы

не могли подняться на ноги!7..

Народ этот, в обращении, чрезвычайно как церемонен; встретясь на улице, хотя бы шли за делом, тотчас снимают шапки, и в несколько приемов кланяются друг другу, строжайше соблюдая, чтоб отдать поклон за поклон, да и снова поклониться, делая знак головой и рукою, что это для них безделица. Здесь разумеется о равных между собою; потому-что, если кто стоит выше другаго, всячески старается не прежде того снять шапку, и прибегает тут к хитрости, смышленной даже инаго Бискайца!

Имеют еще обыкновение при встрече, если долгое время не виделись, целоваться.

Благодарят они таким образом: если один обещает что-нибудь на словах, то другой, сняв шапку, пренизко ему кланяется, опуская руку книзу; если требуется большей благодарности, в таком случае, достает он рукою даже до земли; а еще для большего подобострастия или, показывая как умеет он ценить обещанную милость, касается земли обеими руками. Если же, притом, один из них сановник и оказывает какую-нибудь милость или покровительство, или тому подобное, другому, который меньше его звания, тогда сей последний становится на колени и, обеими руками касаясь пола, бьет еще челом о зем. Таким же образом поступают, когда идут и просят какой милости, чтоб по ходатайству того была оказана; и по этому самая большая часть из них имеют мозоли на голове; у них уже так принято, что чем сильнее

бьют голову о землю, тем соблюдается более церемонии или чинности!⁸..

Сверх того, нашел я в этом крае людей чрезвычайно корыстолюбивыми и безсовестными. Корыстолюбие же их простирается до такой степени, что если не подарить им чего-нибудь, нельзя ничего от них получить, ни совершить ни какой с ними сделки. Вельможи, как и частные люди, не постыдятся нагло потребовать, чуть что увидят, перстни, или другия вещицы, даже деньги, словом все, что бы то ни было... Таким образом нет почти ни одного там из чиновников, который хоть раз на роду своем не был высечен; но они не гонятся за честью, и больше чувствуют побои, чем знают, что такое стыд. Впрочем, не смотря на такое зло, могу сказать, что по всему этому краю пребезопасно разъезжать с товарами и деньгами, и что никогда не случится, чтобы напали на кого на улице или обижали явно; хоть это происходит, как кажется, больше от боязни и страха, внушаемаго им государем⁹»⁴².

Станислав Немоевский (1606-1608):

«Все, и туземцы и пришлые, живут в величайшем рабстве (*in summa indigenae i advenae in servitute*); у великаго князя *pro ratione voluntas*; никто ни в чем ему не противоречит. На каждое его приказание у них один и тот-же ответ: "волен Бог да государь царь, великий князь всея Руси" ¹...

⁴² Сказания иностранцев о России, в XVI и XVII веках. Пер. В. Любич-Романович. Тип. штаба военно-учебных заведений, СПб, 1813, стр. 9.

Свобод никаких *nie ambiunt*, да и не знают, что это такое. Когда мы им рассказывали о наших свободах, что у нас никто не может быть схвачен, пока не будет изобличен по суду, что король не может никакого налога установить, ни начать войну с кем-либо, пока мы не дозволим, они с удивлением отвечали нам: "хорошо это так у вас; но мы покорностью нашею тем ббольшую заслугу имеем на небе", а к нему они рачительно стремиться частыми постами (половина года идет на них), поклонением образам (о которых говорят, что сам Бог, будучи на небе, на земле оставил им образа на свое место, чтобы и поклонились им) и частым крестным знаменем, с немалым истязанием из-за самообмана. Ибо никто не выйдет и не войдет в дом, не съест и не выпьет, не перекрестившись. Равным образом когда москвитянин увидит церковь, он много и много раз будет креститься. Выйдя утром из дому, многие обращаются на все стороны, много раз крестятся и мавают головами; при грубой простоте, они в этом полагают тройную надежду своего искупления.

И это не удивительно: помимо того, у них нет ни изучения, ни упражнения в законе Божиим, нет никакой проповеди, не объясняют им ни слова Божия, ни Божией воли. К тому-же никому не дозволено читать книг и иметь их в дому, кроме псалтыри и гомилий св. Иоанна Златоустаго; иначе был бы в подозрении, что желает быть мудрее самого великаго князя, а это есть *capitale*. Одинаково невольню никому разговаривать с иноземцем или спрашивать его о чем, даже просто

говорить, если только не присутствует при этом пристав от великаго князя. Если кто из чужих спросит кого-либо о причине чего-либо, он получит в ответ: "не ведаю, не понимаю; но царь, великий князь всея Руси, – дай, Господи, чтобы государь здоров был! – знает и понимает все",

У них ни в чем не имеется *luxus*, без порядочности в жизни (*bez pragmatiku*); (всяк) довольствуется тем, что в субботу сварит себе на целую неделю²...

Хрустальных сосудов для напитков не найдешь, стекло очень редко. Серебряная чарка у самых знатных, но обыкновенно употребляют деревянные, а если чарка выточена из березовой шишки (такие они называют каповыми – *karowemi*), то это уже боярская штука.

Недавно наступила перемена, что у некоторых знатнейших бояр появилось по несколько серебряных мисок. Тарелок не употребляют; из миски берут горсть, а кости бросают под стол или опять в миску...

Что касается одежды, то наибольший барин тот, кто обладает армяком из золотой парчи: такой армяк переходит через несколько поколений. Он так искусно сделан, что на каждого годится – его не переделывают, и его употребляют не иначе, как только утром *in solennitatibus*, а к обеду снимают, чтобы не забрызгать его; тоже относительно шляка из чернобурой лисицы. Обыкновенно же употребляют дрянное суконце, камлот и ситец.

Нет дорогих шуб: не срам к бараньему тулупу пришить

соболий воротник, к бумазейному или ситцевому кафтану – парчевой или бархатный. Очень многие ходят без обуви, а некоторые только в чулках.

Сафьяновые сапоги очень редко кто употребляет – какойнибудь великий господин или боярин, и то разве в какой праздник; все юхтовые, красные. Если кто носит башмаки (baszmagi), тем не менее красные юхтовые голенища на ногах, с ними он надевает башмаки...

Ни у кого какого либо собственного небольшого замка; одни деревянные дворцы, из круглаго нетесанного дерева, но в которых редкость светлая горница; обыкновенно курная изба; об обоях не спрашивай.

Никому не дозволенно строить себе избы из тесанного дерева. При великом князе Иване, один боярин, будучи послом в Польше, присмотрелся там к нашим постройкам и по возвращении приказал было ставить избу из тесанного дерева. Когда узнал об этом великий князь, он приказал народу весь этот дом резметать, предварительно вымазавши его грязью: он говорил, что ему хочется сравняться с простым человеком. В местечках и крестьянам не дозволено строить для себя горниц3...

Покроев платьев не изобретают; какое платье переняли от татар, того и держатся, разве что взяли от наших высокие воротники, которые пришивают себе к кафтанам, и столь высокие, что почти на уровне со лбом4...

На свадьбах никакого веселья, нет музыки, танцев – одно

только пьянство, хотя вливать в себя не в обычае у них: выпивши, он поставит или подает тому, что сидит подле его, однако не следует опасаться, чтобы он не наполнил. Когда имеют расходиться, тогда только хозяин, вставши, подает большую чарку, сначала за здоровье великаго князя, затем за здоровье патриарха, митрополита, хозяина, отца (bajtka), молодого, детушек, и так долго, пока не перепьются, мешая то мед, то горелку, то пиво. А кто хотел бы уклониться от этой поочередной, был бы в подозрении. При еде также мешают – то чарку горелки, то другого напитка. После каждого приема они отрыгивают и гладят себя по брюху. Женщины с молодой сидят в другой комнате, отдельно от мужчин, и едят, и так разъезжаются, не видясь с мужчинами, но усладивши себя горелкою»⁴³.

Наемник на русской службе Ж. Маржерет (1606):

«Невежество народа так велико, что не найдется трети, которая знала бы молитву Господню и Символ веры. Можно сказать, что невежество народа есть мать его благочестия. Они ненавидят науки и особенно латинский язык. Не имеют ни школ, ни университетов. Одни только священники обучают юношей чтению и письму1...

Все пути из России охраняются так строго, что без царскаго изволения невозможно из нея выехать... Русский народ – самый недоверчивый и подозрительный из всех в мире2...

⁴³ Записки Станислава Немоевскаго (1606-1608). И.А. Вахромеев, Москва, 1907, стр. 161.

Все знатные и незнатные страны, даже сами царские братья, называют себя холопами государевыми, иначе сказать, рабами царя³...

При всем том взятки не прекращаются, так как придумали новую хитрость; приходящий к судье кладет дары пред имеющимися у каждого в большом количестве иконами, которые в простом народе называются Богом, а в высшем кругу – образом⁴...

Кроме этого, и во многих других случаях русские подражают древним, например, в письмоводстве. Все ведомости, записки и просьбы свертываются свитками, не составляя книг, и не складывают бумаг по нашему обыкновению. В этом подражают древним⁵...

Многие из русских доживают до 80, 100, 120 лет, и только в старости знакомы с болезнями. За исключением царя и главнейших вельмож, никто не признает лекарств. Многие лекарства находят даже нечистыми, пилюли принимают весьма неохотно, промывательное же, мускус, выхухоль и другие подобныя средства ненавидят. Чувствуя себя больным, простолюдин обыкновенно выпивает добрую чарку водки, всыпав в нее заряд ружейного пороха или смешав с толченным чесноком, и тотчас же идет в баню, где в сильнейшем жару потеет часа два или три⁶»⁴⁴.

Самуил Маскевич, в 1609-1611 гг. участник вторжения

⁴⁴ Маржерет. Состояние Российской Державы и Великаго Княжества Московскаго в 1606 году. Пер. И.Н. Бороздина. Польза, Москва, 1913, стр. 28-29.

польских войск в Россию:

«Относительно веры Московская чернь погружена в грубое невежество. Когда Король подступил к Смоленску, окрестные жители бежали в леса с домашним скотом и образами, на коих полагали всю надежду. Но как наши, отыскивая в лесах съестные припасы, настигли там Русских и отняли у них скот, то они разгневавшись на свои образа, повесили их для позора на деревьях вверх ногами, приговаривая: "мы вам молимся, а вы от Литвы нас не оборонили". – Еще случай. У одного крестьянина вор ночью увел вола из хлева: крестьянин сорвал образ со стены и выбросил его в окно прямо в навоз, сказав: "я тебе молюся, а ты меня от воров не охраняешь". В случае же убедительной просьбы, Русские молят не ради Бога или Христа Спасителя, но ради Николы 1...

Никакой музыки на вечеринках не бывает; над танцами нашими смеются, считая неприличным плясать честному человеку [где надо понимать, человеку достоинства]. За то есть у них так называемые шуты, которые тешат их Русскими плясками, кривляясь как скоморохи на канате, и песнями, большею частию весьма безстыдными 2...

Комнаты для женщин строятся в задней части дома и хотя есть к ним вход со двора по лестнице, но ключ от онаго хозяин держит у себя, так что, в женскую половину можно пройти только чрез его комнату. Из мужчин, не пускают туда никого, не исключая и домашних. Двор же, за комнатами женскими, обгораживается таким высоким палисадником, что

разве птица перелетит через оный. В сем-то месте женщины прогуливаются. Если хозяин гостю рад, то выводит к нему жену и детей: их непременно надобно поцеловать для приветствия; иначе будет неучтиво. Все женщины благородныя белятся [они же достойное благородство, подчеркивающееся белизной кожи, которое обязано быть отличием от простолоудин, имеющих рабочий загар], и показаться в люди не набелившись, считается за смертный грех и стыд...

Москвитяне наблюдают великую трезвость, требуя оной строго от вельмож и от народа. Пьянство запрещено; корчем или кабаков нет по всей России, негде купить ни вина, ни пива, и даже дома, исключая Бояр, никто не смеет приготовить себе хмельнаго: за этим наблюдают лазутчики и старосты, коим велено осматривать дома. Иные пытались скрывать боченки с вином, искусно заделывая их в печах; но и там, к большой беде виновных, они были находимы. Пьянаго тотчас отводят в бражную тюрьму, нарочно для них устроенную, (ибо там для каждого рода преступников есть особенная темница) и только через несколько недель освобождают из оной, по чьему либо ходатайству. Замеченнаго в пьянстве вторично, снова сажают в тюрьму надолго, потом выводят на улицу и нещадно секут кнутом, наконец освобождают. За третью же вину, опять в тюрьму, потом под кнут; из под кнута в тюрьму, из тюрьмы под кнут, и таким образом парят виновнаго раз до десяти, чтобы наконец пьянство ему омерзело. Но если и сии исправление не поможет, он остается в

тюрьме, пока сгинет.

Науками в Москве вовсе не занимаются; они даже запрещены. Вышеупомянутый Боярин Головин рассказывал мне, что в правление известного тирана [Ивана IV], один из наших купцов, пользовавшихся правом приезжать в Россию с товарами, привез с собою в Москву кипу календарей; Царь, узнав о том, велел часть этих книг принести к себе. Русским они казались очень мудреными; сам Царь не понимал в них ни слова; посему опасаясь, чтобы народ не научился такой премудрости, приказал все календари забрать во дворец, купцу заплатил, сколько потребовал, а книги сжечь... Тот же Боярин мне сказывал, что у него был брат, который имел большую склонность к языкам иностранным, но не мог открыто учиться им; для сего тайно держал у себя одного из Немцев, живших в Москве; нашел также Поляка, разумевавшего язык Латинский; оба они приходили к нему скрытно в Русском платье, запирались в комнате и читали вместе книги Латинския и Немецкия, которыя он успел приобрести и уже понимал изрядно⁴...

[Среди рынка] я видел одно орудие, которое заряжается сотнею пуль и столько же дает выстрелов; оно так высоко, что мне будет по плечу; а пули его с гусяныя яйца⁵...»⁴⁵.

Адам Олеарий (30-е годы XVII в.): «Жилые строения в городе (за исключением домов бояр и некоторых богатейших

⁴⁵ Устрялов Н.Г. Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Часть V. Записки Маскевича. Импер. Рос. Акад., СПб, 1834, стр. 23.

купцов и немцев, имеющих на дворах своих каменные дворцы) построены из дерева или из скрещенных и насаженных друг на друга сосновых и еловых балок... Крыши крыты тесом, поверх которого кладут бересту, а иногда – дерн. Поэтому-то часто и происходят сильные пожары: не проходит месяца или даже недели, чтобы несколько домов, а временами, если ветер силен – целые переулки не уничтожались огнем...

Те, чьи дома погибли от пожара, легко могут обзавестись новыми домами: за Белой стеной на особом рынке стоит много домов, частью сложенных, частью разобранных. Их можно легко купить и задешево доставить на место и сложить...

Улицы широки, по осени и в дождливую погоду очень грязны и вязки. Поэтому большинство улиц застлано круглыми бревнами, поставленными рядом; по ним идут как по мосткам1...

[Русские] очень почитают длинные бороды и толстые животы, и те, у кого эти качества имеются, пользуются у них большим почетом. Его царское величество таких людей из числа купцов назначает обыкновенно для присутствия при публичных аудиенциях послов, полагая, что этим усилено будет торжественное величие [приема]. Усы у них свисают низко над ртом2...

У женщин, в особенности у девушек, башмаки с очень высокими каблуками: у иных в четверть локтя длиною; эти каблуки сзади, по всему нижнему краю, подбиты тонкими гвоз-

диками. В таких башмаках они не могут много бегать, так как передняя часть башмака с пальцами ног едва доходит до земли³...

Когда наблюдаешь русских в отношении их душевных качеств, нравов и образа жизни, то их, без сомнения, не можешь не причислить к варварам...

Большинство русских дают грубые и невежественные отзывы о высоких, им неизвестных, натуральных науках и искусствах в тех случаях, когда они встречаются иностранцев, имеющих подобныя познания. Так они, например, астрономию и астрологию считают за волшебную науку. Они полагают, что имеется что-то нечистое в знании и предсказании наперед солнечных и лунных затмений, равно как и действий светил...

Хотя они и любят и ценят врачей и их искусство, но, тем не менее, не желают допустить, чтобы применялись и обсуждались такие общеупотребительныя в Германии и других местах средства изучения врачевания, как анатомирование человеческих трупов и скелетов; ко всему этому русские относятся с величайшим отвращением⁴...

Что касается ума, русские, правда, отличаются смышленностью и хитростью, но пользуются они умом своим не для того, чтобы стремиться к добродетели и похвальной жизни, но чтобы икать выгод и пользы и угождать страстям своим. Поэтому они, как говорит датский дворянин Иаков (так именует себя в своем "Nodaeporicon Ruthenicum" посол коро-

ля Фридриха II датского), люди "хитрые, смышленные, упорные, необузданные, недружелюбные и извращенные – чтобы не сказать – безстыдные, склонные ко всякому злу, ставящие силу на место права и отрешившиеся – верьте мне – от всяких добродетелей". Ведь они сами доказали ему: они лукавы, упрямы, необузданы, недружелюбны, извращены, безстыдны, склонны ко всякому дурному, пользуются силой вместо права, распростились со всеми добродетелями и скусили голову всякому стыду.

Их смышленность и хитрость, наряду с другими поступками, особенно выделяется в куплях и продажах, так как они выдумывают всякие хитрости и лукавства, чтобы обмануть своего ближнего. А если кто их желает обмануть, то у такого человека должны быть хорошие мозги. Так как они избегают правды и любят прибегать ко лжи и к тому же крайне подозрительны, то они сами очень редко верят кому-либо; то, кто их сможет обмануть, они хвалят и считают мастером⁵...

Все они, в особенности же те, кто счастьем и богатством, должностями или почестями возвышаются над положением простонародья, очень высокомерны и горды, чего они, по отношению к чужим, не скрывают, но открыто показывают своим выражением лица, своими словами и поступками. Подобно тому, как они не придают никакого значения иностранцу сравнительно с людьми собственной страны, также точно полагают они, что ни один государь в мире не может равняться с их главою своим богатством, властью, величием,

знатностью и достоинствамиб...

Они вообще весьма бранный народ и наускаивают друг на друга с неистовыми и суровыми словами, точно псы. На улицах постоянно приходится видеть подобного рода ссоры и бабьи передраги, причем они ведутся так рьяно, что с непривычки думаешь, что они сейчас вцепятся друг другу в волосы. Однако, до побоев дело доходит весьма редко, а если уже дело зашло так далеко, то они дерутся кулачным боем, и изо всех сил бьют друг друга в бока и срамные части...

При вспышках гнева и при ругани они не пользуются слишком, к сожалению, у нас распространенными проклятиями и пожеланиями с именованим священных предметов, посылкою к чорту, руганием "негодяем" и т. п. Вместо этого у них употребительны многия постыдные, гнусныя слова и намешки, которыя я – если бы того не требовало историческое повествование – никогда не сообщил бы целомудренным ушам. У них нет ничего более обычного на языке: как "бл...нь с..ъ, с...нь с..ъ, собака, .б т... м.ть, .б..а м.ть", причем прибавляется "в могилу, in ipsius, in oculos", и еще инья тому подобныя гнусныя речи. Говорят их не только взрослые и старыя, но и малыя дети, еще не умеющия называть ни Бога, ни отца, ни мать, уже имеют на устах это: ".б. т... м.ть" и говорят это родители детям, а дети родителям7...

Искать у русских большой вежливости и добрых нравов нечего: и та и другия не очень то заметны. Они не стесняются во всеуслышание и так, чтобы было заметно всем, прояв-

лять действие пищи после еды и кверху и к низу. Так как они едят много чеснока и луку, то непривычному довольно трудно приходится в их присутствии. Они потягивались и рыгали – может быть, против воли этих добрых людей – и на предшествовавших тайных аудиенциях с нами.

Так они не сведущи в хвальных науках, не очень интересуются достопамятными событиями и историю отцов и дедов своих и вовсе не стремятся к знакомству с качествами чужих наций, то в сходбищах их ни о чем подобном и не приходится слышать. Не говорю я при этом, однако, о пиршествах у знатных бояр. Большею частью их разговоры направлены в ту сторону, куда устремляют их природа и низменный образ жизни: говорят они о разврате, о гнусных пороках, о неприличностях и безнравственных поступках, частью ими самими, частью другими совершенных. Они рассказывают разные пошлые басни, и кто при этом в состоянии отмочить самую грубую похабность и неприличности, притом с самой легкомысленной мимикой, тот считается лучшим и приятнейшим собеседником. То же направление имеют их танцы, часто сопровождаемые неприличными телодвижениями.

Они так преданы плотским удовольствиям и разврату, что некоторые оскверняются гнусным пороком, именуемый у нас содомиею, при этом употребляет не только *pueros muliebria pati assuetos* (как говорит Курций), но и мужчин, и лошадей. Это обстоятельство доставляет им потом тему для разговоров на пиршествах. Захваченные в таких преступле-

ниях не наказываются у них серьезно...

"Они сняли с себя всякий стыд и всякое стеснение", – говорит многократно уже называвшейся нами датский дворянин Иаков. Мы сами несколько раз видели в Москве, как мужчины и женщины выходили прохладиться из простых бань, и голые, как их Бог создал, подходили к нам и обращались к нашей молодежи на ломанном немецком языке с безнравственными речами. К подобной распутной наглости побуждает их сильно и праздность; ежедневно многия сотни их можно видеть стоящими праздно или гуляющими на рынке или в Кремле. Ведь и пьянству они преданы более, чем какой-либо народ в мире... Я припомню по этому поводу, что рассказывал мне великокняжеский переводчик в Великом Новгороде: "Ежегодно в Новгороде устраивается паломничество. В это время кабатчик, основываясь на полученном им за деньги разрешении митрополита, устраивает перед кабаком несколько палаток, к которым немедленно же, с самага разсвета, собираются чужие паломники и паломницы, а также и местные жители, чтобы до богослужения перехватить несколько чарок водки. Многие из них остаются и в течение всего дня и топят в вине свое паломническое благочестивое настроение. В один из подобных дней случилось, что пьяная женщина вышла из кабака, упала на улицу и заснула. Другой пьяный русский, проходя мимо и увидя женщину, которая лежала оголенная, распалился распутною страстью и прилег к ней, не глядя на то, что это было среди

бела дня и на людном месте. Он и остался лежать с нею и тут же заснул. Много молодежи собралось в кружок у этой пары животных и долгое время смеялись и забавлялись по поводу их, пока не подошел старик, накинувший на них кафтан и прикрывший этим их срам8...

Также легко встретить и пьяного попа и монаха, как и пьяного мужика. Хотя ни в одном монастыре не пьют ни вина, ни водки, ни меда, ни крепкого пива, а пьют лишь квас, т. е. слабое пиво или кофент, те не менее монахи, выходя из монастырей и находясь в гостях у добрых друзей, считают себя в праве не только не отказываться от хорошей выпивки, но даже сами требуют таковой и жадно пьют, наслаждаясь этим до того, что их только по одежде можно отличить от пьяниц-мирян...

Они также являются большими любителями табаку и некоторое время тому назад всякий носил его при себе: бедный простолюдин столь же охотно отдавал свою копейку за табак, как и за хлеб. Когда, однако, увидели, что отсюда для людей не только не получалось никакой пользы, но, напротив, проистекал вред (на употребление табаку не только у простонародья, но и у слуг и рабов уходило много времени, нужного для работы; к тому же, при невнимательном отношении к огню и искрам, многие дома сгорали, а при богослужении в церквах перед иконами, которых должно было чтить лишь ладаном и благовонными веществами, поднимался дурной запах), то, по предложению патриарха, вели-

кий князь в 1634 г., наряду с частными корчмами для продажи водки и пива, совершенно запретил и торговлю табаком и употребление его. Преступники наказывались весьма сильно, а именно – расчленением носа [вырыванием ноздрей] и кнутом. Следы подобного наказания мы видели и на мужчинах и на женщинах⁹...

Рабами и крепостными являются все они. Обычай и нрав их таков, что перед иным человеком они унижаются, просят свою рабскую душу, земно кланяются знатным людям, низко нагибая голову – вплоть до самой земли и бросаясь даже к ногам их; в обычае их также благодарить за побои и наказания. Подобно тому, как все подданные высокого и низкого звания называются и должны считаться царскими "холопами", то-есть рабами и крепостными, также точно и у вельмож и знатных людей имеются свои рабы и крепостные работники и крестьяне. Князья и вельможи обязаны проявлять свое рабство и ничтожество перед царем еще и в том, что они в письмах и челобитных должны подписываться уменьшительным именем, то-есть, например, писать "Ивашка", а не Иван, или "Петрушка, твой холоп". Когда и великий князь к кому-либо обращается, он пользуется такими уменьшительными именами. Впрочем, и за преступления вельмож назначаются столь варварские наказания, что по ним можно судить о их рабстве. Поэтому русские и говорят: "Все, что у нас есть, принадлежит Богу и великому князю"¹⁰...

Что касается рабов или слуг вельмож и иных господ, то

их безчисленное количество; у иного в имени или на дворе их имеется 50 и даже 100. Находящимся в Москве, большею частью, не кормят во дворах, но дают им на руки харчевые деньги, правда – столь незначительные, что на них трудно поддержать жизнь; поэтому-то в Москве так много воров и убийц. В наше время не проходило почти ни одной ночи, чтобы не было где-либо кражи со взломом. При этом часто хозяина загораживают какими-нибудь вещами в комнате, и ему приходится оставаться спокойным зрителем, если он не достаточно силен, чтобы справиться с ворами, не желает подвергнуть опасности жизни и видеть свой дом зажженным над собственной головою¹¹...

Не проходит ночи, чтобы на утро не находили на улицах разных лиц убитыми. Подобных убийств было много во время их великаго поста, но более всего в масляницу, в течении 8-ми дней до начала поста, так как в это время они ежедневно напиваются... Ночью горожане при подобных опасностях бывали очень немилосердны: например, слыша, как кто-либо страдает у окон их от рук разбойников и убийц, они не только не приходили на помощь, но даже не выглядывали из окон. Теперь, как я слышал, введен лучший порядок, а именно на всех перекрестках ночью стоит сильная стража из стрельцов или солдат; при этом воспрещено, чтобы кто-либо без фонаря или иного огня появлялся на улицах, будь то пеший, конный или на поводе; кроме того, тут же допрашивают его о причинах выхода на улицу¹²...

В тех случаях, когда подобных господ рабы и крепостные слуги, вследствие смерти или милосердия своих господ, получают свободу, они вскоре опять продают себя вновь. Так как у них нет больше ничего, чем бы они могли поддержать свою жизнь, они и не ценят свободы, да и не умеют ею пользоваться¹³...

Насколько русские охочи до телеснаго соития и в браке и вне его, настолько же считают они его греховным и нечистым. Они не допускают, чтобы при соитии крестик, вешаемый при крещении на шею, оставался на теле, но снимают его на это время. Кроме того соитие не должно происходить в комнатах, где находятся иконы святых; если же иконы здесь окажутся, то их тщательно закрывают.

Точно также тот, кто пользовался плотскою утехою, в течение этого дня не должен входить в церковь, разве лишь хорошенько обмывшись и переодевшись в чистое. Более совестливые в подобном случае, тем не менее, остаются перед церковью или в притворе ея и там молятся... Женщины считаются более нечистыми, чем мужчины; поэтому они во время обедни встречаются не в самой церкви, но, большей частью, впереди, у дверей ея¹⁴»⁴⁶.

Резюмируя вышеизложенные впечатления иностранцев о русском народе и в особенности «москвитях» можно обоб-

⁴⁶ Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Пер. А.М. Ловягина. А.С. Суворина, СПб, 1905, стр. 150.

щить, что выстроенная система Московии воплощала свое значение условия лучшести, в свою очередь означающее величину, в которой заложено ступенчатое устройство, с большим почитанием старины и с большим боязливым подзрением к прогрессу, с душком омерзения к нижестоящему и подобострастное подхалимство к вышестоящему, с состоянием всеобщего невежества, суеверия и скупердяйства, больше боящегося сурового наказания за беззаконие, чем пресечение беззакония по мотивам нравственных устоев. Поэтому положение дикости, дикой иерархичности, здесь оказалось прописанным аксиоматичным базисом. Поэтому здесь всех находившихся на вершине лестнице счастья волновало только состояние его личного достоинства – высший свет смотрел свысока на простолюдин, а великий князь в сравнении с собой высший свет опускал до простолюдин: смешно сказать, запрещал строить дома из тесанных бревен, боялся, что народ поймет примитивные книжки и обретет мудрость выше его. То есть для великого князя его личное достоинство было самоцелью. Но он был лишь частицей всех, для которых личное достоинство было самоцелью. Поэтому, в основном прозябая в бедности, порой еле сводя концы с концами, здесь все существовали не для поддержки друг друга (хотя и предусматривалась некоторая помощь оказавшимся в большой беде), а для получения выгоды друг от друга. Такая система изначально склонна к развалу и может устойчиво существовать только в условии всеоб-

щей боязни (истерии), т. е. тирании первого лица. Как только тирания исчезает, исчезает и система. Яркое подтверждение тому это тиранское становление Московии, пиковое воплощение которого произошло в Иване Грозном, затем, по инерции, продолжавшееся неплохое развитие до Смутного времени, а после, приходом стороны умеренных (поскольку все помнили уроки Смутного времени), все четче обозначались тенденции разложения, закончившиеся, стремившегося к какому-никакому прогрессу, отвержением Петром I боярской столицы. Ни в России, ни в Москве, больных гомосексуализмом (степенью проявления животных наклонностей, т. е. встраиваемостью в природу) было не больше, чем в Западной Европе, но средний культурный уровень общества, волнами исходивший от центра на окраины мировоззрением всеобщей справедливости, что везде воспринималось за аксиому мироздания, встречая приветливо и даже более подкрепляя московское веяние своей энергетикой, был значительно ниже, чем на Западе. Те ругательства, которые там считались непристойными, здесь были привычным оборотом речи, как и пошлые, скабрёзные шутки⁴⁷, если на Западе подвыпившие, в общем и целом, находились в состоянии адекватности, то в России пьяные валялись возле кабаков. Аналог истории становления и отвержения Москвы

⁴⁷ Например, в современной армии (советской, российской) очень популярно выражение «я тебя в...у», услышав что иностранец может принять за гомосексуальные наклонности.

произошел в XX в. – суровостью сталинизма (примерно воплотивший ленинизм-марксизм) тиранство советской системы было доведено до пиковой фазы, а затем пошло смягчение режима, и вначале, также по инерции, наблюдался период хорошего хрущевского развития, экономический подъем, но дальше политическая умеренность, даже несмотря на некоторый возврат к чистоте советской системы, стала причиной тенденции всеобщего разложения и распада СССР: истерика ушла, ушел и порядок, настоящего же разума здесь никогда не было.

ГАРМОНИЯ

Во времена, когда Русь была повержена монголами и долгое время находилась в состоянии зависимости, приостановивший торговый и культурный обмен ее с другими частями света, на Западе, происходила эпоха Возрождения, Ренессанса, возврат к античному миру, его философии и архитектуре, давшему этому новое развитие. Другим важнейшим этапом существования европейской цивилизации в X-XIII вв. стало формирование современных государств. Так, в Англии в 1215 г. была принята первая конституция – Великая хартия вольностей, а в 1265 г. – появился парламент. Во Франции при Филиппе Красивом (1285-1314 г.п.) были созданы Генеральные штаты, наделенные законосовещательными функциями, в Германии при Максимилиане I в XV в. создается Имперский сейм – Рейхстаг. Пронизанная мистикой философия, в том числе и христианская, во многом склоняется к светскому характеру, прославлению человека и его дел, от чего получила название гуманистической

(от лат. «humanus» – человеческий), – матриархальный дух «единства противоположностей» начинает прославлять человека, т. е. выделять его из всего животного мира, копируя тем Бога-Творца, у Которого человек – венец творения, но под своим прежним вектором, – человек – высокое достоинство природы, подчеркивая тем его превосходящее состояние и удерживая последователей дальше в системе гармонии, – если в Боге человек это элемент природы с повышенными возможностями, то в мистицизме – в состоянии супер. Гуманистические идеалы, смешанные с христианством, и от того в целом не в полную силу проявленные на Западе давали иллюзию милосливости, становились как бы вторым христианством, красивой выдумкой борющихся с Богом и разуберившихся в христианскую церковь (как правило, монашеского уклана) людей.

Для последователей идеи Просвещения гуманизм подразумевается положительной формой, – гуманизм вообще произвёл подмену понятий, где «человеческий» стало явлением сплошной позитивности до выражения высокой комплиментарности, а все его негативные качества были отнесены к разряду дикой природе зверей, в которую человек своим вхождением не входит, и соответственно, имением не имеет. Поэтому для людей (относящих себя к европейской светскости) гуманизм представляется идеалистической формулой – будем жить правильно, т. е. хорошо, т. е. дружно, помо-

гая друг другу для общего благополучия. Но в подавляющем факторе мира ущербного благословения система гуманизма разворачивается в полную силу, проявляет все свои свойства – быть человеческим, со всеми его качествами (это то же самое, как фактор поведения, например, собаки по-собачьи). Поэтому, когда «хорошо» ограничено, гуманизм означает несколько иное – повезло тому, кто оказался в хорошем месте, «под солнцем». Продолжая эту цепочку, вскрывается настоящая подноготная этой системы, – воспользоваться возможностями, чтобы оказаться в хорошем месте – воспользоваться приемами хитрости, ловкости, лживости, наконец, прямого силового давления на конкурентов, чтобы оказаться в хорошем месте – любыми способами и средствами захватить «тепленькое местечко», оградить себя и свое благополучие от любых посягательств, вплоть до зачистки «всё и вся», способное иметь свое отдельное мнение, уничтожения всех заподозренных в недружелюбие, не ставших благодарными рабами. Исходя из приведенной цепочки отношений система гуманизма раскрывается объектом сил обмана – пропагандируя и предполагая высокие человеческие идеалы, гуманизм, своим идеалистическим положением прекрасно сформулированное М. Горьким – «все в человеке, все для человека» помимо установки «своя рубашка ближе к телу» ставит объект самодостаточности в состояние гордости, чувства превосходства и эгоизма (что открыто приветствуется гуманистами – «и поднялся во всей гордости сво-

ей, во всей своей прелести мысли и чувства» (М. Горький, «На дне»), несет все низменные проявления человеческой природы, с внешней иллюзорностью хорошего и доброго начала является системой духовного бандитизма, которая, рано или поздно, неизменно переходит в реальное проявление. Система гуманизма может быть вполне успешна в небольшом племенном устройстве, когда все члены общества знают друг друга, видят, кто, чем живет, т. е., иначе сказать, присутствуют соседские отношения и абсолютнейший контроль всех за всеми – иначе говоря, примитивная прозрачность исходящая из самого фактора простоты условия, и, конечно, с более-менее адекватным его главой, но в масштабном обществе, где отдельный человек находится в большей закрытости, когда невозможно за всеми уследить, людьми со своими стремлениями, страстями, элементы системы нацеленной на свободу, входившая, таким образом, в фазу хаоса и скрепляющаяся своей противоположностью – централизованностью, это устройство разделяется на два лагеря – гуманизма верхов, сильных мира, и гуманизма низов, и эти два вида гуманизма, несмотря на как бы единую цель – общего благородства и благоденствия, исходя из положения вещей ограниченного благословения, точнее сказать, самоограничения от духа величины, выстраивавший природу целостности-крепости от мира предложения, рано или поздно абсолютно противонаправляются с вытекающими отсюда последствиями в виде бунтов, переворотов, революций.

Следует отметить присутствие в гуманизме фундаментального фактора «единения противоположностей», т. н. гармонии. Но в единении нет противоположностей, а в противоположностях нет единения – это противоречие, т. е. «0», поэтому, с одной стороны, такое положение существует волшебным образом только в гармонии, которой в действительности нет, а с другой, поскольку настоящей противоположности не может быть принято, – целостность не может разрываться, а нецелостность стать целостностью, – даже в природе «единения противоположностей» противоположность не отличается от другой противоположности и поэтому вся картина представляет лишь фактор множительности одной по природе состояний, существует иллюзорным образом бизеркального отражения.

В мире творческого начала дух противодействия, т. е. тормоза, что значит гармония, выдает себя за милого безобидного зайчика и даже мудрое произведение Божественного искусства, но при анализе ее качеств открывается природа темной бездны с замашками всепожирающего хищника.

Хитрец выдает «единение противоположностей» за Божественное единение всего мироздания. То есть, настоящее единение это когда нет противоположностей, а противоположностей нет тогда, когда нет целостностей, т. е. система(ы) разрывается, и, таким образом, единение есть результат единения с Богом, который одаривает. В гармонии же все наоборот, «единение противоположностей» происходит в ре-

зультате закупоривания систем, создавая ситуацию, при которой, под общим видом дружелюбности и милостивости, но временной необходимости, а потому по русской поговорке – «в добровольно-принудительном порядке», силы вытягиваются из составляющих для их же последующего объединения. Поэтому в результате единения первого случая происходит быстрое движение вперед, а в результате второго случая – как говорится – «шаг вперед и два назад». Можно привести показательный пример. Две руки человека это две разные части одного тела, т. е. все это одно тело. Но с точки зрения гармонии руки это противоположности, т. е. отгородившиеся настолько, что превратились в суперличности, поэтому каждая из них сама по себе, и поэтому в гармонии, по русской пословице, «правая рука не знает, что делает левая», и тем более не указ друг другу, и поэтому здесь требуется объединительный момент, чем и является общее тело, как третья суперличность в цепкой связи с обоими заставлявшая соблюдать вынужденные условия совместного пребывания. Или, можно привести пример иначе. Настоящее единение это автомобиль и водитель, образно говоря, с мозгами, а лживое, это автомобиль и водитель с преобладанием животных рефлексов. Целостность как бы и там и там, но в одном случае она с мозгами и потому является нецелостностью, а дисгармонией и творческим процессом, где мысль не потакает нервной замкнутой системе человека и потому ее разрывает, в результате чего движение происходит сораз-

мерно здравомыслию дающееся от Бога, а в другом, мыслительный дар не выходит за рамки обслуживания нервной системы, конструируя, таким образом, целостность системы, т. е. людей в структуре материи, без сознания (примитивного сознания), представляется процессом зацикливания, где, с одной стороны, происходит ублажение нервно-рефлексной системы движением достоинства сильного рефлекса, а с другой, любой самый сильный рефлекс неизбежно затухает, поскольку в гармонии, с одной стороны, величина силы рефлекса наталкивается на противоположную величину силы рефлекса, а с другой, поскольку вообще вся система стремится к покою и экономит свою энергию. Точкой экстремума последнего примера можно назвать единение деталей автомобиля, соответственно, революционным процессом становления упорядоченности из хаоса, что с позиции гармонии одновременно является и процессом движения, или, абсолютным экстремумом, два автомобиля, процесс единения которых должен вывести на новый уровень их способностей.

Гармония, как позиция природы величины, представляется сочетанием-согласием (сказал бы лирик или хитрец), уравновешиванием (по мнению практика-«техноря») сил и законов. Поэтому гуманизм – это давление закона. Но по своей природе закон эгоистичен – закон мертв и не имеет внутренних сдерживающих рамок, он представляет собой ограниченность и зависит от того, кто его установил, и потому природа закона преходящая, смертная, и потому за-

кон преследует цель отдаления своей кончины до бесконечности, – вследствие этого он стремится распространить свою власть до бесконечности, иначе говоря, целостность всегда голодная. Это внутренняя составляющая духа гуманизма. Поэтому чем больше личность или общественная система вовлекается в гуманистические идеалы единения, тем сильнее становится не обществом согласия, закона, где все по закону, а обществом природы закона, где эгоизм расцветает пышным цветом, а властный – доминирует над здравомыслием... P.S. – так что властитель хочет быть выше всех законов, даже собственных, как бог, к чему стремятся и все остальные... – здесь всё не в терпёж, и в то же время в бесконечном терпении.

Мир сложности это мир динамики, мир простоты менее динамичный – тормознутый, поэтому состояние благоуспешности в примитивном обществе более растянуто во времени, создавая иллюзию верности мировоззрения целостности бытия, поэтому гуманизм в примитивном обществе торжествует и всемирная человеческая история этому наглядное подтверждение, когда на раннем этапе своего существования племена были подвержены поклонению различным культам-идолам с центральной идеей благоденствия общины, достигаемое через принцип сбалансированного единения и его устойчивости в факторе труда. Именно поэтому силы мистицизма культивируют идею старины как благоденственное время состояния тормоза, сотрудниче-

ства человека и Люцифера через связку идол-гармония (единение-согласие), гармония в племенном устройстве, гармония племени с окружающим его миром и наглядным идолом, символизирующим эти отношения. Именно поэтому гуманистические системы, в затворнической ограниченности, и в неустойчивости предчувствующие свою кончину, стремятся к распространению, а достигнув огромных размеров (империй) становятся не в состоянии удержать примитивным устройством, старым мировоззрением, состоянием покоя, размеры своего государства, рушатся, – гуманизм либо настраивается на военный уклад и поглощает, либо его поглощают внешней системой гуманизма, либо превращается в гнилое покойственное общество, так называемое «единения противоположностей», «верхов» и «низов», где «верхов» хоть и меньше, но один стоит десятерых из «низов» и потому прекрасно уравнивается, и рассыпается, либо достаточно неплохо сохраняется в деревенском укладе, небольших городах с деревенским укладом (например, у Аристотеля полис в идеале должен быть не более 10 000 человек), выжидая, когда пробьет его час к распространению... P.S. Природа целостности стремится к гармонии, т. е. к бесконечности, достигнув чего обретает абсолютный покой – резвость целостности иллюзорна, ее цель – покойственный сон. Гармония это то место, где, образно говоря, птицы не поют и деревья не растут, где песня без слов, многочисленность которых упирается в тупик всеобщего монотонно-

го единообразия, где при точности выстроенного направления нет ориентиров будущего, где верность мудрого рассуждения на поверку оказывается всеобъемлющей клеветой, где ум покинул мозг, и все элементы преобразования – движения вперед, больше напоминают раков, пятившихся назад, у которых веселой радостью является грустный восторг торжествующего стона.

Исходя из составной части Вселенной – силы, гармония, соответственно, гуманизм, представляет собой фактор энергетического сбалансирования, уравнивающей проявления сил прямо или косвенно противонаправленных. Человеку, смотрящего на мир «со своей колокольни», кажется, что гармония это пик, наилучшее состояние, к которому нужно стремиться, точно так же как для насекомых вожделенна зажженная в темноте лампочка. Но, видимо, еще никто не подумал (или, не осмелился подумать), что само уравнивание это смерть движению и развитию (процессу создания и формирования нового), т. е. уравнивание – это покой, а кроме того, фактор независимости – себявозвышения – и замкнутости, и, соответственно, застой, поэтому в мире движения и развития смерть самой системы «Гармония». Уравнивание ведет к затуханию причин, вызывающих изменение, т. е. гармония это аксиома состояния покоя (буддистская нирвана), а творчество – дисгармония, т. е. когда нарушается уравнивание, появляется нечто выходящее из устоявших, привычных рамок. Общая же замкну-

тость гармонии ведет к отставанию от незамкнутых на себе систем, деградации и верной смерти (или, тем или иным реформам, выхода из собственной гармоничности, ложных или явных). Другими словами, мир – это не когда «+» равен «-», а, наоборот, когда эти величины не совпадают, вследствие чего происходит изменение мира, а поддерживающей опорой этих величин, этого негармоничного взаимодействия в состоянии стабильности выступает третья сила – заинтересованность Бога-Творца. P.S. Мир это не фантазии спящего мозга, не сон летаргический, но пробуждающая реальность.

Можно привести пример: день и ночь сменяют друг друга вовсе не потому, что они находятся в гармонии между собой – когда произойдет их уравнивание, то для стороны дня наступит вечный день, для стороны ночи – вечная ночь, все остановится (а поскольку остановка одной величины в цепной реакции влечет остановку всего существующего, то это есть выражение величины «0» – гармонии Бытия, поэтому все исчезнет, Вселенная исчезнет), – и не из-за борьбы друг с другом – вообще, они не одухотворены, не имеют ни целей, ни характерности, – а, наоборот, их смена происходит в результате движения-изменения, являвшееся следствием негармоничности. День и ночь лишь отдельные факторы, но их удачное совмещение (чередование) выявляет тонкую подгонку механизма движения под названием Бытие.

Позиция уравнивания в гармонии ведет к положению равенства всех частей бытия, а равенство частей бы-

тия ставит человека в положение равенства с природой, т. е. человек как часть природы, не лучше и не хуже любого элемента, что в природе эгоизма величественности величины приобретает позицию негатива, – человек – всего лишь один элемент в истории природы, Вселенной, всего лишь ничтожный организм, – тогда как Бог (весь смысл Библии) говорит, что человек это венец творения, – отсюда происходит вытекающее положение о необходимости быть в гармонии с миром, слияние с природой, т. е. идет незаметное перетягивание, Божий венец превратить в малозначительный элемент – человек как обычное животное, – в человеке Бог заложил потребность в творчестве, а сатана стремится затереть суетой эту творческую потребность, убить необходимостью, полет мысли зажать приземленностью, представляя необходимость эталоном существования общества (т. е. нужен как фактор решения вопроса, как винтик природы, и не более, т. е. ни как неповторимая в творчестве личность): если Бог изливает милость, то сатана вкладывает заинтересованность по необходимости, поэтому история противостояния Люцифера Богу представляет собой противостояние эгоизма справедливости (уравновешивание сил справедливости) милости.

Мир является замысловатой конструкцией приспособления одного к другому, следовательно, у сложной конструкции должен быть умелый конструктор – Бог-Творец, который замыслом производит соединение, объединение-еди-

нение всех частей Бытия. Однако в позиции мистицизма процесс единения-конструирования, если так можно сказать, принимает степень, «опережающее» Бога, бесконечной сложности, суперсложности, где приспособление является не приспособлением, или, иначе говоря, единение в гармонии это приспособление не приспособляемого, здесь единение, поистине, является изящным произведением искусства волшебной палочки.

С позиции быть дитём Бога все люди являются братьями и потому они равны во всех правах, с позиции же гармонии, наоборот, все элементы вначале равны между собой, а, соответственно, значит они братья. Поэтому, как в зеркальном отражении мира Бога-Творца, в гармонии всегда «телега находится впереди лошади», что прекрасно отображено пословицей русской атмосферы: в гармонии эпоха наступает раньше причины наступления новой эпохи.

Положение равенства перед Богом не означает равенство между собой, которое состоянием неравенства наделяется свойственными для каждого элемента отдельными талантами. Однако это положение существует и в гармонии, когда все её элементы равны перед лицом гармонии, и в то же время различны по степени своей величинности, наделяя момент различности таким же фактором талантности. Поэтому гармония копирует произведение Бога-Творца со всей своей возможности бесконечной маскировки, а вылезавшие несоответствия старается не замечать позицией безразличности.

Гармония является эталоном равенства во всех отношениях, в том числе и нравственно-духовных. Поэтому главный девиз гармонии – толерантность, вследствие чего здесь допустимо всё, и потому эта система представляет собой хаос состояния «0», что, в свою очередь, является противоположностью, присутствующей в «единстве противоположностей», цементирующего единоличия.

Состояние целостности является формой сложноустроенности примитивизма, когда величина состоит из величиной бесконечности, с одной стороны, с другой, тем являясь копирующим свойством Бога в Его сложноустроенности, поэтому если Бог – Истина, то величина заявляет о собственной истинности, но в действительности несет природу тени, антиистинности, и поэтому последователи гармонии пропитаны бандитскими наклонностями – там все (копирующее Бога) говорят о правде, и все склонны к неправде. Поэтому, по русской поговорке, «здесь говорят одно, подразумевают другое, а делают третье». У русских на этот счет сложилась ещё и другая своеобразная похвально-понимающая поговорка – «быть у колодца и не напиться».

Целостность – это явление идеализма абсолютного уравнивания плюса с минусом, т. е. такого состояния, которого в природе не существует, поэтому здесь царствует состояние супер, которое, в свою очередь, «единством противоположностей» открывается образом полнейшего идиотизма.

Гармония культивирует личностное начало, причем если гармония это состояние супер, то личностное начало тоже в степени супер, т. е. безумства, поэтому в гармонии царит культ личности, по своему копируя тем творческое начало дисгармонии, но в отличие от дисгармонии личностное начало гармонии базируется главным образом на достоинстве-силе или покровительстве более сильной структуры гармонии, следствием чего является устойчивость системы, в отличие от творческой природы, где само творчество является показателем устойчивости. Поэтому гармония это в первую очередь сила, силовое решение проблемы, что является бандитствующей наклонностью, откровенным бандитизмом со структурой управления с главарем-паханом на ее вершине.

Все что не делается в гармонии, все является следствием одной цели – сохранение устойчивости, т. е. энергии, что, в свою очередь, лучше всего осуществляется в ее увеличении. Знакомство же с сильным (заискивание, угодничество) является хорошим способом такого сохранения или приумножения своих сил, поэтому гармония стремится к связям т. с. по благу, отражая тем картину стремления человека (общества) обойти правила, установленные Богом, – однако состояние блага может быть только у немногих, поэтому все остальные, ругая бластных, завидуют им.

В структуре гармонии любой вид управления несет оттенок лживости, приобретает вид существования по благу,

или откровенно бандитствующего характера. В централизации это связка своих людей, т. е. пахана и его особо близких дружков (а те по нисходящей своих, а если и не своих, то в прямой зависимости, чтоб не отличались от своих), весь остальной люд представляется благодатной средой для благоприятного пребывания бандитствующей группировки (и семейников «пахана», которые, в свою очередь, постепенно размывают этот т. е. светлый облик «авторитета», выделенный «Небесами»). В масштабе больших образований паханом становится сам ставший, таким образом, стольный город. Армия чиновничества, феодалов, предпринимателей выгодных сфер и отраслей – «братками», которые во главе с «паханом» пребывают в благодатной, т. е. легкой и дешевой среде своего существования, как правило, находившейся в природных ресурсах, дешевом труде (дармовом в виде рабства, крепостничества, колоний), в повышенных налогах (которые фактически мало отличаются от дани) с подвластной территории, коррупционно-кормленческой форме устройства общественно-властных отношений. Несмотря на кажущиеся плюсы взаимной выгоды принципа достоинства, гарантирующие хорошую устойчивость подобных систем, исторический срок их ограничен зыбкостью стабильности от недовольства основной массы элементов, что рано или поздно приводит к смутам, переворотам, бунтам, революциям, или захватами иноплеменниками по причине слабости от общей недоразвитости: система «ты мне, я тебе»

находиться в замкнутом состоянии и потому является ограниченной, вследствие чего она всегда страдает упадком сил, энтропией, – парадокс гармонии в том, что в системе своих никто не говорит правду (лишь только малую), и приходит время, когда у главного «авторитета» теряется ориентир.

С другой стороны, если некая система находится в разорванном состоянии и происходит увеличение её возможностей (устойчивость, мощь, творчество) вследствие выхода её устройства за рамки примитивности образа взаимовыручки, гармония тут как тут, и со своей позиции она трактует это изменение волшебной формулировкой, что развитие есть условие совмещения «единства противоположностей» (сбалансированности сторон интересов). Когда же данное положение она начинает воплощать в действительность, в погоне за обретением мощи её соседями, то всё происходит до наоборот, система впадает в состояние абсолютного тормоза или её бешеной асимметрии – хаоса, из которого, если полностью не разваливается, она проваливается в очередные периоды смен покоя и хаоса, в переходных промежутках, перенимая технический опыт передовых систем, достигая следующей ступени технической мощи, в свою очередь, преподнося эту догонялочку принципом развития, параллельно совмещая всё это с ажиотажным характером (эгоизма гармонии) постановки вопроса ребром о достижении скорости развития обеспечивающей обгон неидеальных догоняемых

при посредстве абсолютной идеальности способа совмещения «единства противоположностей», что в целом для гармонии является эталоном существования её феномена всеобщего саморазвития.

Равенство в гармонии является фактором идеализма существования всеобщей благоуспешности. Поэтому гармония радуется за демократический принцип. В гармоничной демократии структура бандитизма приобретает форму масштабности, т. е. когда все общество надеется уйти от фактора Божественного благословения, т. е. выйти из состояния не благословения. Подобная форма живет в иллюзиях спасения через многомыслие, а в усложняющейся системе через всеобщую коррупционность к отдельному представителю, выдвигает надежды обмануть на их взгляд немногочисленных особо коррупционных хитрецов своего общества для всеобщего процветания, соответственно – обмануть самих себя. В последнем случае исключительная близость растягивается на всех и потому становится явлением всеобщей заинтересованности, т. е. всеобщей коррупционности по отношению к Богу, в следовании не в уповании на Него, а на себя, когда народ поддерживает некую личность (парламент, правительство) выбором, чтобы затем она по близкому знакомству или за страх не быть переизбранным оказывала поддержку своим избирателям. Здесь одна заинтересованность друг в друге – все винтики системы (фактически мало отличающейся от централизованности), здесь все стремятся перехитрить са-

мых хитрых – общество хитрецов, ленивых и гордых, здесь работа ума затормаживается, входит в состояние рефлекса, у которого нет милости. И даже в идеале этот тип управления лишь растягивает нужду на все общество, даже в благоприятных природных условиях от заклинивания мозга, но не выходит из нее, поскольку благоденствие начинается там, где дается сверх необходимости, т. е. в даре, в милости (процируемое в реальности действием мозгового прорыва).

Демократия, как состояние народного воззрения в чистом виде, т. е. концентрированной (заикленной) на себе системой «единения противоположностей», представляет собой сумму ограниченного сознания, что в конечном результате является все той же ограниченностью лишь с более раздвинутыми рамками ограничения, где сознание старается понять окружающий мир и в своей масштабности обманчиво принимает утверждение, что все не могут ошибаться, считая за истину (полагаясь на общее мнение) представление о целостном устройстве Бытия. Поэтому народное правление, демократия – это вообще сброд бредовых идей, которые, их общей бандитствующей основой, поскольку необходима сила, наводившая элементарный порядок во всеобщем хаосе бреда, мастерски воплощает либо перевес грубой силы одной из сторон, либо более цивилизованное продолжение этой силы в виде равноудалённой для всех сторон интересов централизации. Поэтому в гармонии демократия, в усложняющемся мире, тяготеет к централизации, которая способ-

на либо создать сильный кулак, но, состоянием бреда, за счет огромной цены народа, либо рассыпаться, не оправдав надежды, приводя в хаос все общество, отражением хаоса его сознания, – централизация является способом ухода от дикостей (тормознутости) демократии, но найдившись в этой же природе величественной ограниченности со временем сама превращается в образ ещё более дикой формы пребывания.

Бог создал человека с потребностями больше необходимости, т. е. дисгармоничным, и, изначально проявив милость, поместил его не в жесткие рамки гармонии, а в богатую среду, т. е. дисгармоничной к человеку в позиции «+». В богатой среде, когда нет нужды в борьбе за выживание, гармония наиболее ярко отражает характер своей системы – превращается в покойственное состояние, тупеет. В момент каких-либо изменений, когда среда теряет привлекательность, гармония ищет инструмент спасения, причем самый дешевый – волшебную палочку, – развивает систему рабства, подсаживается на обмен-распродажу природных ресурсов, через не хочу занимается примитивным производством, видит спасение в спекулятивном капитализме, покидает насиженное место, в надежде подыскать более лучшее, нанимает войско для собственной охраны, или сама вооружается и проявляет агрессию, становится грабительским войском, занимается грабежом или воровством, наконец, для своей устойчивости она идет на централизованность

или процент централизованности, – тупой может управлять тупыми, но самоуправление тупых выявляет ее слабое место – идеалистическая демократия, состоянием безмозглого твердолобого равенства, в спорах неповоротлива и беззащитна для угроз (особенно внешних; показательный пример тому период княжеской междоусобицы в русской истории, которую можно назвать княжеской демократией, и к чему она привела в столкновении с монголо-татарами).

Гармония оценивает своё состояние высшей степенью гениальности, но гениальность в «единстве противоположностей» равно тупизне, поэтому в системе гармонии тупость и гениальность не отличается друг от друга, и потому в гармонии тупой может управлять тупыми, что, в свою очередь, преподноситься гениальным управлением всеобщей средой лишь незначительно отсталой гениальности. В действительности система гармонии в творительной среде (в человеке, в человеческом обществе) не распадается лишь потому, что даже в уходе от Бога человек, даром Творца, не теряет мыслительно-творительных способностей, но лишь начинают превалировать личностно-эгоистические свойства. Управление в системе гармонии действует по принципу «повивальной бабки»: если не знаешь, что делать и как делать, то надо просто быть жестче, а там, глядишь, используя элементарные навыки по приспособлению, что-нибудь и как-нибудь сладиться. То есть, принцип один – по сильнее напугать, растолкать элементы, чтобы их движение ускорилось,

и это ускорение дало бы толчок всеобщему ускорению системы. Сама гармония это обстоятельство рассматривает как копию Божественного принципа уничтожения греха, т. е. то, что не получилось. Но в отличие от Бога, Который уничтожает то, что не получилось, в гармонии состояние получилось и не получилось совпадает, и потому она слепа и не знает что нужно выкорчёвывать, и потому, тем более в стремлении обогнать Бога, она выкорчёвывает всех кто так или иначе попался под руку. P.S. Бог делает «руками», гармония – «задницей».

Положение равенства в гармонии – это аксиома. Но любое сообщество представляет собой сложное образование, требует знания и навыки до самых элементарных. Поэтому даже равенство сталкивается с потребностью наставления и направления следования. Но поскольку в гармонии все равны по способностям, то, как и в животном мире, функцию направляющего, особенного, берет на себя лучше ориентированный в мире, более помнивший, т. е. старшинство. Поэтому гармония культивирует старшинство и старчество, – старшинство в истории человечества до последнего времени, президентской формы, было архиактуально, – и отвергает всем нутром, состоянием стабильности своего равенства, выделяющуюся способностями творческую дисгармоничность – живость ума. То есть гармония – это традиция стабильности позиции страха лишь бы не было хуже, отвергающая любое преобразование. Другими словами, гармония

представляет собой мир застарелости, она реформируется только под нажимом силы, как отражение самой себя же, поскольку гармония есть фактор уравнивания сил, т. е. она идет не на творческое преобразование, а на силовое копирование более сильных и устойчивых форм. P.S. Но как можно скопировать творчество? – поэтому в результате получается лишь грубая с наименьшими затратами подделка... – либо под нажимом внешней силы, либо представ перед фактом окончательной потери достоинства, а соответственно, и устойчивости, либо, возможно, всё это суммируя, перспективу приобрести вид цивилизованности, в определенный период идти на быстрое и достаточно умелое копирование и даже примера прогрессивного творческого потенциала для всего мира антитворчества.

Здесь, в гармонии, запрещается думать – на это расходуется энергия, влекущее слабость, впадение в дисгармонию и в целом не устойчивое состояние. Все нейроны успокаиваются, и система входит в стадию медитации – летания в облаках, где существует только один принцип – волшебство. Природа «становления» увеличивается, весь мир становится пустяковым предметом, сложность – это не к ней. Любая сложность упрощается до максимальности, особенно умственная и, особенно, властная, – централизация – ее конек по эгоизму и простоте и быстрой формой приспособления в мире изменяющихся условий, поэтому в целях самосохранения гармония тяготеет к военизировано-феодално-

му виду устройству. Сложность в гармонии иллюзорная, отражающее иллюзию положение равенства противоположностей, а поскольку равенство противоположностей иллюзорно, иллюзорно и равенство всех частей гармонии, – и патриархальная централизация и демократия (все внутренне матриархального уклона) здесь страстно афишируются, и выставляются (порой контрабандно) целью (вечного) развития общества; в состоянии стабильности гармония входит в «полет» медитации, ее физиология упрощается до максимальной, и в таком виде способна саккумулироваться только в примитивном обществе. Любая индивидуальность, тем более творческой наклонности, выкорчевывается (не замечается, отторгается примитивизмом системы, незаинтересованностью), криминальной, не угрожающей системе – наказывается не сильно, – у них одна основа – природа-«Мать», т. е. «социально близкие» друг другу, с разницей лишь скрытого или явного криминального начала, творчество и вообще любое напряжение ума ей угрожает больше, чем криминалитет, поэтому любые проблемы предпочтительно решаются способом – «само собою рассосется», – здесь все едино, личностей, кроме самой гармонии, нет, здесь самая несговорчивая между собой демократия – борьба противоположностей – вечно развивающаяся, здесь самый либеральный либерализм, фундаментальный, который есть всеобщее единение – помутнение мозгов, и вся эта платформа всеобщей шизофрении и разброда мнений удерживается единственной лич-

ностью, которая есть супер – гармонией, – контроль и пресечение перехода значительно уменьшенных границ здесь превыше всего, как единственный способ выживания, – поэтому, если в творческой системе разрешено все, что не запрещено, то супер состояние гармонии своей подозрительностью склоняется к запрещению всего, что не разрешено. Но повальное запрещение не гарантирует исполнение элементов стремящихся обрести личность, и потому гармонии для самого проникновенного контроля за всем нужен помощник, которому она, под зорким присмотром, позволяет приобрести некоторые свойства личности, и поэтому криминалитет, в усложненной системе и при определенных условиях частично, или целенаправленно приобретающий легальную форму, где дозволительное снисхождение, с некоторым выделением в старшинство, где феодало-монополиста, где образом чиновничества с мертвящим холодком к порученному делу, где фигурой правоохранительной системы, все вместе защищавшие достоинство центра гармонии от её менее достойных элементов окраин – составная физиологическая часть этой системы, – поэтому гармония перво-наперво пестрит угодничеством, а кроме этого, или всеобщим опущением нравов, или суровостью строгого закона, феодализмом, который переходит в монополизм (кланово-кумовской монополизм), и криминалитетом, криминальным феодало-монополизмом, которую прикрывают среды бездушного коррупционного чиновничества и правоохранительной систе-

мой – и, как проявитель в действительность эгоизма независимости, гнездовье феодализма, криминалитета, чиновничества и правоохранителей помогают содержать величины в безличностном состоянии, поддерживая тем атмосферу общего единения, которое все более и более «крепчает»... – чему способствует общая система справедливо-достоинства, где достоинство есть сама гармония, а всё остальное – «ничто», включая феодализм и криминалитет, которых гармония держит также за безличность, т. е. «временно исполняющих», поскольку не терпит ни малейшей конкуренции, поэтому в стремлении к идеалу гармония рано или поздно обращается к методу зачистки всего (а если это невозможно по каким-либо причинам предпринимает все усилия, чтобы элемент покинул систему), кто, так или иначе, имеет влияние на общую атмосферу, переводя всё состояние «крепости» в ценнейшее для нее положение «0» – это и есть конечная точка постановки балансирующей справедливости. Поэтому гармония, это единство не объединяющегося, другими словами – ломка через колено, но которое гармония позиционирует за идеальное устройство, которым все элементы обязаны быть довольны и счастливы одной лишь мыслью о лучезарности и сверхсмекалистости направляющего пути скорейшего останова для сохранения потенциала движения.

Система криминалитета существует в мире свободы, т. е. из тюрьмы криминал выходит на свободу, на волю, и в дей-

ствительности это жаргонные понятия, ярко демонстрирующие насколько природа бандитизма прописалась в мире людей всеобщим употреблением этого выражения в положительном аспекте. Честный же человек пребывает в состоянии повседневного житья, которое вовсе не свобода (в Евангелие это притча о блудном сыне). Поэтому, свобода и житьё (и вообще жизнь) являются антагонистами друг друга. Свобода есть условие, т. е. правило существования, которое, исходя из этого, является позицией законничества, в котором, соответственно, существует только принцип выживания. Со своей стороны, житьё не есть свобода, поскольку обременено зависимостью, лишь относительно меньшего размера, чем прежде, крайне несвободное. Поэтому житьё лишь относительно свободно, и своим фактором уже входит в процесс творчества, хотя бы даже по обстоятельству необходимости приспособления.

Свобода есть выражение крайней, пиковой, высокой необходимости, и поэтому она с омерзением смотрит на умеренную необходимость житья, отторгает ее, как низшую, но не абсолютно чуждую по природе. Поэтому житьё находится в положении между абсолютной свободой и абсолютным творчеством, склоняясь либо туда, либо сюда, а свобода, поскольку в «единстве противоположностей» она несвобода, стремится обрести устойчивость в несвободе, используя умеренную свободу в своих интересах, что, в свою очередь, является стимулом для появления новых форм, «творчества»,

процесса рождения-отпочкования, в природе склоняющейся к абсолютной свободе умеренной свободы.

Поразительно, как запутанно, словно в цепи испорченной телефонной линии, в мире людей выражается природа Бога и человека одним словом «свобода». Состояние равнозначности условия «свободы Бога» и «свободы человека» переводит человека в бога, а бога в человека, становившись, таким образом, эффектом «золотой серединой» – сущностью героизма, героем труда и побед, следовательно, тяжелого пути преодоления-аскетизма, следовательно, постановкой отброшенности, которое, в свою очередь, феноменом общей притяженностью распространяется повсюду, становиться всем. И никакого другого понятия, по крайней мере, в русском языке, не существует, что прямо указывает на изначально присутствующий здесь, да и во всем мире, давление культа героизированной свободы, проникновением во всё принципа лучшести (в состоянии страха приобрести неблагоприятие, упадок в низость, стремлением к объединяющему все элементы природы образу чистоты) доминанта мировоззрения целостности мира. (Поэтому выражение максимальная, абсолютная, свобода это пояснение того, что человек изначально неправильно выражает, поскольку свобода она уже есть свобода, а в форме абсолюта в действительности означает максимальный максимум. Поэтому, по сути дела, понятие свобода должна иметь множественность оттенков, которых нет, и поэтому в мире запутанной недосказанности («язык

мой – враг мой») один свободу героизирует, а другой прокликает).

Гармония – система «единения противоположностей», поэтому здесь одно является всем, а все – одним, – это по своему сложная конструкция, копирующая сложность бытия Бога-Творца. Поэтому представление об отдельной демократии природы гармонии является игрой фантазии нездорового рассудка, где сложность пребывает в фазе наипростейшей простоты (в действительности наяву раскрывающее наипростейшую сложность мира природы гармонии, ее сумасшествие, что, в то же время, в «единстве противоположностей» представлявшееся пиком научности).

Демократия в системе гармонии – это разброд мнений личностей, не слышащих друг друга, охраняющие каждый свое весомое мнение, достоинство, пограничным ограждением от всевозможного проникновения из вне. Поэтому соединение в одно целое элементов гармонии невозможно в принципе из-за самого факта существования железобетонного забора между ними, и поэтому для их соединения, нивелирования, приведения противоречия в действие, требуется «волшебная палочка».

В гармонии, кроме равенства демократии, существует принцип старшинства, являющийся ценнейшим фактором мудрости. Таким образом, и старшинство и демократия – неотъемлемые части друг друга, демократия опирается на старшинство, а старшинство на демократию. Демократия

выдвигает старшинство, чтобы затем старшинство продвигала (как можно быстрее и в максимальном виде) идеи демократии. Она существует в гармонии ее природой неотделимости равенства и неравенства, и потому являются выражением качества справедливости по отношению друг к другу. Поэтому старшинство в гармонии несет функцию представителя демократии, «первого среди равных» (или, по русской поговорке касающейся, как правило, властно-блатных групп населения времени равенства материалистического социализма – «самые равные среди равных»), и эта ситуация внешне копирует Божественное положение братского равенства, только в гармонии равенство является пропастью обожествления выделенности, а в открытой системе наоборот, пропасть выделенности приближается к равенству, непреодолимая бездна есть мостик братства и сострадания.

Демократия вообще является невыгодным условием не только в деле управления системой, но и повышено затратной формой с точки зрения элементарной экономики, – т. е. богатые не потому, что беспечно демократичны, но бездумье демократии, потому что в хороших условиях существования, т. е. богатые. (Прекрасным примером тому служит современная Швейцария, несмотря на свою сверхдемократичность не показывающая опережающего роста влияния ни в политике, ни в экономике мира). Поэтому демократия, рано или поздно, в мире динамики сама превращается в централизацию с простых экономических позиций природы «еди-

нения противоположностей», принимает форму ускорения процессов движения, тяготеющих к покою, ускорителя экономики природы тормоза, причем, чем больше система пребывает в состоянии тормоза, тем, внутренним её чаянием к выживанию в мире активных изменений, более подвижный деспотичностью вид принимает ускоритель, – необходимость в целенаправленной подвижности системы экономики проецируется в состояние слабодумующей централизации, которая, остротой впадения в мертвечину стремиться к обратному, и потому примером своей живучести переходит в состояние подвижной свободы, т. е. анархии – деспотизм, расталкивая тем все элементы системы, тяготеющих к застою.

Для более эффективного управления системой, демократия, посредству элементарной заинтересованности выхода из тупика самоорганизации, идет на частичную централизацию, которая, в свою очередь, в системе гармонии быстро осознает своё положение лучшести, т. е., языком «противоположностей», более высшей ступенью, но поскольку в гармонии высшее отрицает низшее, централизация отрицает хаосную самоорганизацию, как прошедшую низшую ступень развития.

Причем, оформившаяся централизация в природе гармонии фактически не подвержена изменению изнутри плавным, реформаторским движением, поскольку все её органы управления пронизаны фактором коррупционности, ле-

ни, безрукости, надменности, и чтобы сохранялась устойчивая каждая ступени управления, в представленной, по их мнению, суперпрогрессивной картине устройства бытия, всем им требуется надежный защитник, в роли которого и выступает вышестоящая ступень, которая, в свою очередь, элементарно понимая, что от смены мест слагаемых сумма не меняется, на смену чем-то провинившимся не придут более гениальные, расторопные, честные, и вообще побаивающаяся в принципе менять привычную обстановку на лиц новой неопределенности, не заинтересована ни в какой перемене, всей мощностью аппарата выступает в роли не для организации дела, но для охраны всех от организации дела, в первую очередь касающееся вопроса устройства дела институтов контроля властного шаша.

Говоря совершенно откровенно – любая система управления всем своим содержанием, прямо или косвенно, тяготеет к централизации, поскольку именно она и только она является условием длительной стабильности – у провинившегося всегда есть шанс упасть к ногам своего начальника, и тот простит и защитит. В демократии не к кому падать в ноги. С виду она кажется мягкой толерантностью, но в действительности там действует строгая система присматривания друг за другом, поэтому и законы и порядок в ней работают почти без исключений и любимчиков.

Если любая система управления тяготеет к централизации, то многократно в большей степени это происходит в

системе гармонии. Там для далеко негениальных, в усредненной картины общей массы, ее составных элементов, но очень способных к подстраиванию под окружающую среду, принцип централизации выступает буквально условием «малины». И даже, казалось бы, яростно насаждавшееся сверху всеобщее условие принципиальности жесточайшего контроля всех за всеми, второстепенным эффектом во имя общего блага полного искоренения исключений и любимчиков, постановкой противоположности ведет к обратному эффекту, исключений и любимчиков в централизованной системе гораздо больше, чем в толерантной демократии. Поэтому, в централизации аномальную особенность принципиальной вездесущности демократии все элементы системы управления рассматривают обстоятельством поганого воровства, намеревающегося нагло вломиться в обжитое гнездо и экспроприировать все нажитые превеликим трудом ценнейшие предметы народного искусства, а то и вовсе покушением на жизнь.

Справедливость, как таковая, вообще, является фактором дуализма, поэтому справедливость выступает основой и условием вовсе не Бога, а гармонии. Даже, казалось бы, суд, принимавший (как он считает) справедливое решение, неизменно упирается в тупик неразрешимых противоречий. К примеру, если следовать древнему положению кровь за кровь, о какой справедливости, что значит симметричности, может идти речь, – какая равнозначность, когда все лю-

ди разные, по возрасту, по каким-либо данным-талантам, по занятию в обществе положения. Всё разное. Однако в стремлении за идеалом справедливости, абсолютная различность мира «кривизной глазомера» человечества выдается им за равнозначность. Поэтому, нормальный суд во время рассмотрения спорного вопроса может принимать во внимание идею справедливости, но окончательное решение должно быть верным, а не справедливым. Верное решение, значит содержать все параметры неравнозначной необходимости сторон для пользы общего дела, под чем подразумевается творческий процесс человеческой жизни.

Справедливость и милость это два несовместимых фактора. В мире Бога-Творца справедливости не существует, он содержится благословением Бога, – несправедливость является выражением движения Бытия, само движение есть несправедливость, – справедливость, если так можно сказать, в смысле правильного решения вопроса, здесь является следствием фактора положительной, преобразовательной несправедливости. Принципом копирования Бога подобное положение наблюдается также и в «единстве противоположностей», где справедливость равна несправедливости, поэтому гармония заявляет, что она, как Бог, в несправедливости справедлива, и содержит свой мир через справедливую несправедливость. Отличием от Бога-Творца является только особенность гармонии, ее природа ограниченного целостного состояния. Поэтому в несправедливой структуре Бога

всего много, очень много и очень-очень много, а в справедливой позиции гармонии – мало, очень мало, очень-очень мало (и вообще ничто). Поэтому в положительной системе Бога проявляется милость, где нехорошее спасается-переделывается – у Бога сил и фантазий много, – милость является неотделимой частью творчества, и потому есть творчество, – а в отрицательной, ограниченной, требующей сбалансирования справедливости гармонии, хорошее «вознаграждается» нехорошим, а нехорошее – хорошим, – так, что в русском мире гармонии даже сложилась пословица – «не делай добра, не получишь и зла».

В постановке справедливости гармонии очертывающим фактором достоинства изолирующей крепости зрение и мыслительная способность элементов системы сужается, а распорядитель крепости (монастыря-тюрьмы) старательно помогает, чтобы недоразвитые слепцы случайно не увидели чего-нибудь лишнего и не продвинулись более положенного в своем разумении: возможность разглядеть иное, новое, есть дар повышенной способности, выходящей за рамки привычного, т. е. крепости, поэтому справедливость боится нового, поскольку она сама по себе есть привычка, т. е. старина.

Законы физики безжалостны, но это безжалостное состояние сил законов является конструкцией мира творческой фантазии удивительной стройности природы красоты, и весь живой мир, как часть Бытия, как замысел Бога-Творца в ло-

гическом продолжении сложной конструкции, несет в себе отражение это состояния природы совмещения свирепости и милости. Проявление тех или иных качеств в живом мире происходит по закономерности, чем больше вид нуждается, применяет творческие навыки, роет норы, вьёт гнёзда, строит избы, добывает пропитание, тем больше у него проявляется милости, и наоборот.

Бог сотворил огромный мир физических явлений и, отображением Своего творчества-жертвенности, искусно украсил нищенской природы законы Вселенной обстоятельством повышенного дара, представленное средой живого мира, и особенно человеком. В человеческой природе больше, чем в остальном животном мире заложен принцип олицетворения победы ни законов физики, где тело с большей энергией расправляется с телом меньшей энергией, т. е. силы агрессивного (бандитствующего) характера, а их поражение, воплощающееся в факторе милости, что является социальной, назовем, положительного образа. То есть, милость отрицает физику, она другой природы, неподвластно физике, где все предсказуемо логично, потому является фактором фантазии, которое облекается в действие творчества силой движения, и тем не дающее успокоение, направленное к «0», силе процессов физики. Поэтому милость является творчеством и направленно против агрессии, агрессивных законов физики мира справедливости. Поэтому, чем больше милости, тем больше творчества, тем более сильна система,

тем более счастлива и интересна искусством движения история ее элементов. Поэтому, когда торжествует справедливость, то в действительности, внутренним смыслом, праздничает глупость, радуется победа безрукой озлобленности, поскольку справедливость, в чистом виде, есть идеальный способ уничтожения, перевод всего в состояние «0». Поэтому принципиальная и точная в исполнении справедливость в действительности асоциальна, а глупая жертвенной щедростью милосивость является фундаментальным условием социальности. Поэтому, соответственно, и коммунистический типаж устройства асоциален (сюда относится и модное сегодня выражение социальная справедливость, относящееся к социальности отрицательного образа), а точнее сказать, поскольку живой элемент не в состоянии быть вообще один, социален на минимальном уровне. Это социальность суровых будней тяжелого существования скорее напоминающий процесс выживания со страхом – лишь бы не стало хуже.

Коммуна-справедливость выступает антагонистом развития социальности: коммуна отторгает разносторонность – это вообще отдельный мир со своим уставом исключительности равноправия, – она создает иллюзию идеальности, что особенно сильно распространённо в примитивном обществе, и уже этим фактором предстает тормозом установления более сложных конструкций социальных взаимоотношений.

В коммуне скупость равенства является миром богатства всеобщей успешности и потому направленно против мира

богатства милости неравенства: свобода отрицает социальность, а социальность – свободу, поскольку сама по себе социальность является фактором зависимости. Но в «единстве противоположностей» присутствует состояние аскетической жертвенности, и на этом основании, передергивая позицию умеренной зависимости нормальной социальности, делая подмену понятиям, гармония приписывает себе образ социальности, а условием, что аскетическая жертвенность стоит дороже умеренной зависимости ставит свою социальность выше творческой, в состоянии супер. Кроме того, даже жертвенность в гармонии по своему внутреннему качеству отлична от состояния зависимости творческой системы, несет двойственное значение в факторе «+» и «-». С одной стороны – «мы за ценой не постоим», с другой – на аскетов смотрят как на дурачков, «не от мира сего». Поэтому в гармонии жертвенность является продолжением фактора общей скудости – жертвуют все («всем миром, всем народом, всей землей»), чтобы дело сдвинулось, малыми крохами всех, с мертвой точки, достигая результативности последующим общим обессиливанием, и жертвуют единицы, от которых толку, в масштабе всей системы, никакого нет. Поэтому в гармонии фактор жертвенности служит для того, чтобы создать иллюзию нормальной системы, в которой состояние избыточной милостивости является обычным условием повседневности, а наметившие путь построения социализма в русле коммунизма (социализма при спра-

ведливости), ожидая, что всё это положительного свойства, «хорошее, доброе, вечное», будут довольствоваться вначале вспышками их столкновений, а затем вечными полумерами, и в общем превалирующем мировоззрении коммуны-гармонии, в конечном итоге, в тревожном для гармонии обстоятельстве мира постоянного развития-помощи (утопающему в природе затягивающей сбалансированности), всё снизойдет к состоянию отражающего, зеркального, т. е. в гармонии бизеркального развития, суперразвития – деградационному положению обстоятельства нулевой милосердности – «затягиванием гаек» для окончательного «срыва резьбы». (Интересно, город всегда более продуктивен, чем село, и один из важных тому факторов это обстоятельство более сильного разрушения в городе коммуны, чем в сельской местности (конечно, если своим увеличивающимся неравенством система не входит в хаос, другую противоположность гармонии). Другими словами, построение коммуны (равенства) это построение сельского типажа устройства (где наилучшим образом воплощены принципы гармонии связью с природой, бдением друг за другом и т. п.), и марксизм, таким образом, сводится к условию разрушения городской среды для воплощения села городского масштаба, с убеждением, что такое суперсело так рванет непревзойденной силой цивилизованности, что своей продуктивностью обгонит все города цивилизованного мира. Только у Маркса вместо города страна и вообще весь мир. P.S. Город, превращенный в се-

ло, обгоняет город – это фантастическая глупость шизофренической склонности, имеющее основание в мистическом факторе повернутости мозгов в сторону всеобщей справедливости и равенства. Клиника...)

В гармонии фактор социальности является обстоятельством преизбыточности, выходящего за рамки равноправия, вследствие чего социальность, будучи чуждым явлением, здесь отторгается всеобщим принципом паритетности. Сказать иначе, в гармонии социальность оказывается псевдосоциальностью, поскольку здесь помощь оказывается только тогда, когда по-настоящему возопиют, т. е. боясь потерять устойчивость, и только для того, чтобы наглядно продемонстрировать свою «не сгибаемую» природу справедливости, которая искусством иллюзии принципа восхождения преподносится вопиющим подарком доброй милосердности.

В творческой системе неравенство обретает свойство равенства, в родильной – равенство стремится и обретает неравенство. Сказать иначе, у Бога хаос сдерживается целенаправленной задумкой, а в гармонии всеобщее сдерживание входит в хаос условием всеобщего ускорения процесса ошибочных действий.

Раз движение есть несправедливость, а реальность это мир движения, то реальность это явление всеобщей несправедливости, вследствие чего заниматься построением мира справедливости (даже если отвлеченно представить, что справедливость является эталоном счастья) в глобальном

мире несправедливости это то же самое, как в текучей природе воды пытаться извлечь, трудом прессования, отдельную форму булыжника, – вообще стремящийся к справедливости, т. е. к состоянию суперуравновешивания, всегда получает искомую справедливость, но в позиции несправедливости, причем, что искал, искал супер, несправедливость в степени супер.

Справедливость, иллюзией завлечения, вообще не отрицает милостивость как таковую, но поскольку мир справедливости это природа соединения «+» с «-», т. е. образ самодостаточности, что значит, в действительном мире нужды позиционировать свою независимость, крутость, то мир справедливости является миром т. с. грубого приспособления. Поэтому условие справедливости в большей степени несет в себе природу агрессии, высокомерия и злопамятности: с одной стороны – «хождение по головам», с другой – «отольются кошке мышкены слезы».

К иллюзии завлечения относится и красивая с виду формула делания добра друг другу для общего процветания, поскольку справедливость в основе своей несет условие аскетизма, – здесь всегда найдутся умные – здесь существует мир умных, которые особо хитрые, высокого мнения о себе, в покойственности резвые пролезть, с желанием полегче и повыше занять место на бесконечной лестнице пути восхождения всеобъемлющего процесса занижения. Поэтому мир справедливости в позиционировании кругового шествия по-

беждающего добра в действительности является миражом для дурачков, которые своей наивностью и создают эту игру воображения, что в реальности означает мир повальной несправедливости.

Доброе расположение вообще не является следствием аксиомы настроения гармонии – добро за добро. В ориентации «добро за добро» внутренним фундаментом корениться условие эгоизма, которое в скудости мира справедливости, в конечном итоге, вынуждено начинает превалировать. Поэтому красивая сказка воплощается прозаичной действительностью, где не добро контролирует зло, а злоба ставит под свой контроль добро, по-бандитски опуская его отсчитыванием за малое рвение в восхвалении крепости зла под названием «Добро». Поэтому в гармонии добро и зло имеют одну окраску, здесь добро есть зло, а зло – добро.

Справедливость вообще является фактором закона, поэтому стремящийся к справедливости стремиться к закону, а закон сам по себе мертв, он силен лишь своей иллюзией. Поэтому ставивший цель – справедливость, ставит цель собственного омертвения, превращения себя в иллюзию.

Живой мир пронизан нуждой – необходимо дышать, есть, спать и т. д. Осуществление нужды в мире Бога-Творца происходит по принципу раздачи даром – малая нужда вознаграждается большой смекалостью для удовлетворения своих потребностей. Не так обстоит дело в гармонии, где главенствует принцип экономного сбалансирования, поэто-

му здесь всё наоборот – смекалистый в глазах стремящейся к покою системы выглядит никчёмной белой вороной, рудиментальным признаком оставшихся колебаний бывших или настоящих вынужденных возмущений. Поэтому в гармонии смекалистость достигает цели только при очень крайней (как правило, военной или голодной) необходимости, в соответствии чего, здесь большая нужда вознаграждается малой смекалистостью.

Природа гармонии – бесконечность, бескрайность, поэтому ее идеальный мир – супер, – если демократия – хаос, если старшинство-централизация – сверхцентрализация. Когда старшинство выходит из демократии, оно, в стремлении к суперживучести-суперустойчивости, но с наименьшими усилиями, т. е. в грабительско-распределяемой природе, преследует цель овладеть демократией, или, наоборот, для своей живучести демократия изначально, повышенным контролем, принципом сменяемости, ставит в сверхнеустойчивое состояние старшинство, вооружением элементов дает понять старшинству о неминуемых больших проблемах, если оно преднамерится выйти за пределы очертанной границы. Иначе в творческой системе, здесь живучесть выявляется не делёжкой средств существования, чем служит непосредственно в гармонии фактор контроля, создавая тем ситуацию, с одной стороны, железную, с другой, шаткую стабильность, неподвижное параличеобразное единение, а стремлением к общему созиданию-движению, где еди-

нение-организация проистекает из самого процесса творческого движения, желания, образно говоря, помощи Богу-Отцу прибратся по хозяйству, что-либо усовершенствовать, и последствием этого братской помощи тому, кто не имеет к этому возможность. Поэтому присутствие в не творческой системе (или малого творчества, поскольку человек создан Богом творить) сверхцентрализации свидетельствует о сильном влиянии в этом обществе фактора демократии, скрытно проявлявшееся духом товарищества, психпатриотизма-нацизма, идеями спасения абсолютным хаосом – безвластного равноправия, принимающее здесь всё за позицию самоорганизации.

В положении оторванности от Бога-Творца включаются принципы эволюционизма, т. е. самоорганизации, самоуправления системы – т. н. вечевой уклад существования общества (по новгородской Руси), который в позиции старшинства эволюционирует до понятия самодержавия. То есть, самодержавие есть самоуправление. Самодержавие является богом на земле, поскольку в доктрине ограничения действия Бога-Творца небом оно становится полностью независимым, свободным. Поэтому как бы не назывался общественный строй, какой бы он вид не имел, т. н. монархический или демократический, если в нем нет действия Бога-Творца, он находится в позиции самоорганизации, и наоборот, если под Богом – в позиции внешней высшей организованности, управления. Другими словами, и демокра-

тия, и централизация в творческой системе нацелены на творчество, и та же демократия и централизация в системе свободы устремлены на остановку творческого процесса, на распад, но который положением «единства противоположностей» блокируется иллюзией конструирования, перенимания передового опыта для сохранения собственной устойчивости.

Отгороженностью от Бога-Творца гармония представляет собой систему свободы, сосредоточенной на наименьшее усилие, заманчивую систему наименьших усилий – волшебства, т. е. самоорганизации-эволюции. Когда же общественная система погружается в это состояние, что фактически произошло еще от начала веков со всеми линиями-родами человечества, сам принцип самоорганизации разделился на две вышеупомянутой части – вес голоса большинства низов, управление посредством опоры на множественность, либо просто более физически сильной стороны (начального племенного типажа), и вес голоса более дерзкого, высоты достоинства, меньшинства верхов, управление однозначности и ее приближенных (как правило, при выстраивании крупных образований, напоминающих государственность), более подвижного в целях подавления веса голоса большинства низов, что в последствие приняло самообличающую форму названия – самодержавия. Таким образом, самодержавие и демократия это суть одно и то же, только при более подвижной структуре самодержавии, для подчеркивания ее высоты до-

стоинства (а чем больше достоинства, тем больше крепость и устойчивость), развивается государственность, но способом подавления большинства ее элементов, что, в свою очередь, трактуется представителями голоса большинства низов, как система деспотичности централизованности, ущемляющая интересы подавляющей массы системы.

Столкнувшись с подобным эффектом, наяву проявляется прямота извилин мозгов элементов конструкции гармонии. С одной стороны, они утверждают, что наилучшее существование находится в самоорганизации, которое при всем старании пока никак не удается достигнуть. Поскольку в действительности нет никакой самоорганизации (но существует явление сплоченности на основе идеи). То есть, они яростно утверждают, что система не работает, и также яростно продолжают призывать идти дальше в неработоспособную систему самоорганизации-самоуправления, точно так же как и в случае либерализма, столкнувшись с его хаосом, уверяют, что это всего лишь временные трудности, и дальше продолжают настаивать на т. н. либеральных ценностях, наяву воплощая русскую поговорку – «всё временное постоянное». А с другой стороны, они пылко призывают следовать туда, где общество находится уже от начала веков, и никогда не выходило с момента отступления от Бога (т. е. лозунги 1917 г. «Долой самодержавие» и «Вся власть Советам» напоминает карикатурный сюжет, по которому пьяный мужик на карачках ползет вокруг деревянной бочки в надежде найти за-

ветный лаз в длинной стене забора). P.S. Нормальный человек характерен здоровой логикой вещей и запоминания опыта, и никогда не наступают на грабли, как минимум второй раз. Дураку одного раза опыта мало, для него процесс постижения житейской науки растягивается на степень его умалешенности и в целом на состояние неадекватности его органов чувств. Поэтому предлагать третий раз следовать по пути, который был уже пройден в 1917 и 1991 гг. (хотя, сюда также можно добавить Ивана IV, Екатерину II и Александра I, воплощавшие мир справедливости, заботы о человеке) может только представитель общества с застаревшим болезненным расстройством рассудка, вдобавок который еще и слеп и глух, т. е. во всех отношениях ограниченной природы гармонии (где, конечно, находятся примерные выразители, своего рода флагманы мира умалешенности, которые с твердой уверенностью делают сверхлегкомысленные заявления о том, что они знают, что Бога нет, – посчитали на ромашке).

Если в творческой системе развитие является процессом творческого конструирования, то в гармонии развитием выступает обстоятельство появления готовой формы из ничего посредством рождения, т. е. рождение есть фактор изменения, что по-современному называется эволюционизмом. Но для гармонии даже процесс рождения слишком затруднителен в своем мировосприятии, как своим действием процесса рождения, так и наводивший на сложные вопросы. Поэтому эволюция в гармонии, из примитивной постановки рожде-

ния, еще больше упрощается, переходит в степень твердого железобетонного утверждения – стало. Поэтому недосказанность, перепрыгивание с одного на другое, пропуская громадные процессы, являются факторами эволюции природы гармонии.

Явление самоорганизации в гармонии существует образом ее стремления к устойчивости через природу рождения-самопоявления. Но в «единстве противоположностей» самоорганизация равна деградации. Поэтому любой векторный процесс самоорганизации, быстрое действие «скачка», неизменно упирается в атмосферу общей аморфности, которая поглощает все ее бойкие операции. Поэтому самоорганизация есть итог приложенной силы, либо извне, либо изнутри, а деградация – затухание энергии направленного импульса. Поэтому в самоорганизации не только присутствует деградация, но именно последнее, общим стремлением к хаосу и покою, является определяющим фактором конечного результата всей платформы. Поэтому в мире самоорганизации в действительности конкурирует деградационный образ всех совокупных систем – чем более дикий (с выпадами дикости в мире прогресса цивилизованности), тем в глазах самоорганизации более достойный, просветленный. Непосредственно цивилизованность в системе самоорганизации служит вынужденным условием существования в конструкторском бюро мира Бога-Творца.

В мире гармонии самоорганизацией, т. е. соединяющим

моментом, служит фактор личностного интереса существования, т. е. заинтересованность в простом способе выживания, которое увеличивается при достижении высот достоинства, где по «единству противоположностей» – как можно меньшее (простое) отражает как можно большее (иллюзорно сложное). Поэтому основой самоорганизации в гармонии выступает положение коррупции, которая, таким образом, питается как можно более дешевой средой существования, достигая тем волшебную природу наиболее легчайшего устройства, которое одновременно является и наивысочайшим достоинством, – вообще, поговорка «быть полезным обществу» имеет двойственное значение. Например, в гармонии она прямо выступает против Божественного начала, а значит и творчества, и служит ей цементирующим фактором своей устойчивости, и более того, она направлена на разрушительное воздействие общества: она для дурачков, поскольку умные, которые хитрые в угоду своего величия, используют любую наивность сугубо в своих интересах, – общественно полезный труд в гармонии является антиобщественным интересом личностного эгоизма. Труд только тот полезен для всего общества, который несет творческое начало, собою отображает творческое начало Бога-Творца.

В системе абсолютного сбережения вообще идея творчества несет характер нонсенса, но если оно необходимо для существования, то оно происходит через волшебный фактор минимальных усилий, как то, захват, в наилучшем случае

через копирование, и конечно при посредстве ценнейшего фактора волшебства – пинков и угроз, направленных на ленивых, берегающих свою энергию собственных элементов.

Живость творчества для мертвящей гармонии является фактором ударного подвижничества, поэтому, поскольку по необходимости существует обстоятельство хотя бы минимального творчества, подстраиванием под окружающую среду движения, то определение «ударное подвижничество» фактически становится сущностью гармонии, скрытой формулой именной разновидности, которую, со своей стороны, она фамильным отпечатком стремится реализовать, как родитель в ребенке, в своих последователях, ко всему, что к ней относится. Поэтому гармония, в стремлении заявить о себе, быть живее всех живых, наставляет свои элементы, явлением перепрограммирования на идеальный образ, находится в сверх, суперживом состоянии ударного подвижничества – будьте как я, будьте мною, и те, ориентируясь на принцип справедливости – умереть в трудностях пути, чтобы затем воскреснуть в блеске, прямой религиозно-культурной доктриной аскетизма берут на себя её фамильную черту, к примеру, выраженное в праславянском народе самоназванием «ар» – «арии», означающее трудящиеся, где надо понимать, с огоньком... – что в целом означает люди Силы, т. е. силовой элемент, неверующий-отрицающий благодать Божию.

С позиции Бога-Творца бестолковый, тем более повышен-

ный труд, образно говоря, превращает человека в обезьяну, является образом инволюционности, разрушающим замысловатый механизм деградационным обстоятельством. С позиции гармонии ударное подвижничество предстаёт условием эволюционного процесса, впадение в образ полной силы цветущего омоложения.

Эталонным стремлением в гармонии представляется т. н. путь освобождения – свобода. Но в гармонии понятие свобода синоним понятию личности, которые присутствует в гармонии как позволительное исключение, да и то до определенной степени, – природа гармонии представляется в магической формуле – «всё» есть «ничто», с внутренней составляющей стремлением вырваться из «ничто», стать значимым, но оставаясь в природе «ничто», а поскольку «ничто» бесконечно, стать значимым в бесконечности, богом, соответственно, со свойством бога – волшебство, которое фокусируется в способности изменения силами оставшейся «ничто», или, в большей степени вероятности, поскольку всё вырывается из «ничто» – затыканием, способом уничтожения, фигурально выражаясь, поеданием, затыканием как злостных бунтарей всех вылезающих в личности обратно в «ничто», – «здесь каждому разрешено стать первым или вторым»... Поэтому, с одной стороны, гармония это система геноцида против собственных элементов, – гармония показно сильно печется о существовании одного элемента, и уничтожает миллионами всех, кто так или иначе сомневается в ее

истинности или вообще способен на это. А с другой стороны, поскольку каждый элемент в гармонии это отдельная, пусть маленькая, но гармония, то данным типажом отношения вообще пронизано мировоззрение всей системы. Поэтому гармония – это система бандитствующего настроения всех.

Целостная структура гармонии выявляет её величинное устройство, а это, в свою очередь, лестничное («лествичное») её состояние, т. е. кто ближе к центру, тот выше и ценнее. Следовательно, в гармонии сословность является качеством фундаментальности.

Гармония – природа хитрости, поэтому для противодействия, как бунтарского духа, так и творческой необходимости, заложенное в каждом ее элементе, для экономии собственной энергии у нее припасен тонкий инструмент, с помощью которого элементы добровольно будут сами находиться в состоянии животного на привязи, т. с. пасти себя. Процесс затыкания всех, кто хочет чего-либо добиться начинается уже на самом тончайшем уровне, фундаментального сознания, что хорошо и что плохо, с виду невинной духовно-нравственной подменной понятий щедрой милости на положение необходимости скупого смирения. Другими словами, в гармонии все должны носить смирительную рубашку, поскольку гармония вообще стремиться к идеалу нулевого движения. Поэтому любые трудности в структуре целостности преодолеваются, попутным творческим процессом, только тогда, когда на то будет дано высокое позво-

ление, или общим состоянием снисхождения безразличностью.

Здесь каждая величина стремится возвыситься, стать личностью, и это возвышение для нее дает ослабевание других, поэтому гармония придерживается «золотого» правила – падающего толкни, или, иначе говоря, «человек человеку волк».

В гармонии, с одной стороны, по «прекрасной» русской поговорке, «на обиженных воду возят», а с другой, поскольку здесь весь мир обиженных, они становятся символом народной правды, обиженных любят до беспредела.

В гармонии оценочный фактор друг друга играет роль повседневности, следствием чего здесь всегда присутствует желание опустить, и по возможности посильнее, меньшего по достоинству в лестнице восхождения как можно ниже, – поскольку гармония – природа числительности, то, по благу сама у себя, она считает себя первенствующей по отношению к Богу-Творцу.

Предпосылкой для счастья в гармонии является наглость, т. е. здесь, как точно подмечено в русской поговорке – «наглость – второе счастье». Наглость здесь является (часто блефовым) выражением силы, а сила служит демонстрацией лучшести, перед которой преклоняется худшая часть «лестничной» системы.

В системе «единения противоположностей» все друзья-товарищи одновременно являются злейшими врагами.

Поэтому в целостной структуре никто не может ни на кого положиться, и поэтому здесь все надеются только на себя, что красноречиво отображено в русской пословице – «спасение утопающего дело рук самого утопающего», что, другими словами, можно выразить – «добьёмся мы освобождения своею собственной рукой» ...

В творческой системе непосредственно сам непрекращающийся творческий процесс является спасителем для элементов, склонных к распаду. В структуре же целостности вообще спасение есть распад. Поэтому, если Бог спасает сцепленность элементов красоты произведения мира, то гармония, в первую очередь, заботится о спасении состояния свободы, причем, это «спасение» преподносится в двойственном варианте, т. е. на что элемент быстрее клонет, или как личностное достижение долгого пути восхождения, или просто посредству веры, копируя спасение Бога-Творца.

Позицией противостояния творчеству в гармонии особенно ценится знание. Но знание в гармонии направленно на высокую индивидуальность и потому оно совмещенно со своей противоположностью – незнанием. Поэтому знание гармонии, в неадекватных сферах развивающейся бесконечности, выступает против знания творческой системы, реальных постановок конструирования формы Бытия.

Как в гармонии, так и в творческой системе присутствует фактор чистоты, простой и понятный для любого типажа человеческого сознания термин. Но в мистицизме чистота

находится в состоянии простой прямолинейности и тривиально обозначает состояние идеальности, верх «лествичной» системы. В творческом движении чистота имеет сложное выражение соединения, конструирование механизма при помощи тонкой подгонки, где непосредственно сама подгонка является допускаемой до определенного предела нечистотой. Поэтому, в творчестве чистота, с одной стороны, является принципом идеальности, а с другой, неидеальности. Эту особенность сложного соединения, со своей стороны, копирует мистицизм, перенося структуру идеальности в свою противоположность, неидеальность. Но в отличие от творчества в мистицизме идеальность и неидеальность находятся в состоянии бесконечности, поэтому они абсолютно уравниваются, выявляя творческий запал гармонии позицией иллюзии «0».

Гармония это единение, а раз единение значит, по мнению гармонии, товарищество. Но товарищество в зеркальном отображении «единства противоположностей» является антагонизмом и соперничеством. Поэтому в гармонии дружеские объятия настолько сильны, что все антагонисты превращаются в товарищей, причем чрезвычайно гордившись таким состоянием, и в то же время все товарищи такого суперсплоченного состояния только и мечтают вырваться из крепких рук дружеского объятия, – гармония это единение, а, соответственно, единство, здесь все как один и один как все, и в то же время, в «единстве противоположностей»,

здесь все кроме одного, и один кроме всех.

В мире гармонии свой не ближе чужого, а чужой не дальше своего. Поэтому, искать правду здесь означает пробивать железобетонный круг своих, которые в действительности чужие – здесь вся опора только на своих, но свои оказываются случайно проходящими посторонними.

Свобода в гармонии является показателем исключения, но вместе с тем, с другой стороны, поскольку в гармонии все едино, то личностные свойства гармонии присутствуют в каждом ее элементе, и потому каждый из них и свободен, и высокомерен, и амбициозен, и потому, рано или поздно, наступает момент, когда личностями становятся все, – демократия в гармонии воплощает идею свободы всех и тем опасна, – хаос в гармонии есть выражение высшей свободы... – который затем низводится на нет личностным стремлением гармонии, магическими приемами превращая личностное начало в серую массу «ничто». Серая масса – самое устойчивое состояние целостности и освобождения, серая масса, переходящее в оборотенизм, – поскольку «+» и «-» в гармонии составляют единство, то это одна связка – одно, поэтому переход из одного в другое закономерен, которое в действительности есть «ничто» – личное животное благо. Существование здесь на уровне рефлексов, они основа и ориентир мира счастья природы «Гармония», – животный инстинкт примитивизма, животный принцип существования. P.S. «Лень родилась впереди него» – сложившаяся

русская пословица в русской атмосфере гармонии, которая способна подвигнуться только после того, как «петух клюнет...», а подвигнувшись наделает таких делов, точно по русской пословице – «заставь дурака богу молиться...», – это русская история пребывания в гармонии – животной лени, непонимания и долготерпения, проявлявшееся в отдельных личностях довольно ярко, своего рода, как ограненные кристаллы среди неограниченных – эталоны системы гармонии, системы – «заторможенность-покой», отраженной в красноречивой русской пословице – «дурак на дураке сидит и дураками погоняет», – эта русская история от хаоса княжеской междоусобицы, сквозь царизм, коммунизм, вплоть до наших дней, это подноготное состояние русской системы – «тяп-ляп», или – «все временное – постоянное»...

Принцип гармонии – равенство, что означает сливание с окружающей средой, растворение в ней. Когда же среда меняется, то меняется и гармония, подстраиваясь под новую действительность. Поэтому система целостности пронизана сущностью хамелеонства-оборотничества, и поэтому здесь нет никакой устойчивости. Устойчивость здесь шатко, а шаткость – устойчиво. Поэтому в гармонии лжец сам начинает верить своему вранью, несмотря на то что он прекрасно знает о вранье, старается забыть и перекроить свою историю достоинства.

Состояние подстраивания под окружающую среду для гармонии является условием выживания, т. е. жизнью. По-

этому она позиционирует приспособленчество великим достижением, сравнимое с великим достижением Бытия в позиции Божественного творческого процесса. Только в отличие от Божественного творческого процесса гармония, в стремлении к экономии, настолько мало затрачивает своих сил, даже для приспособленчества, что это сводится фактически к «0», которое, однако, она выдает за творческое приспособление Бога-Творца, и даже гениальней Его, поскольку не затрачивает лишних сил, а значит умнее и, соответственно, имеет более лучшую характеристику приспособления. Поэтому для гармонии приспособленчество, причем желательно нулевого действия, является гениальностью процесса замысловатого преобразования, т. е. абсолютное бессилие приобретает статус силы конструирования. Поэтому в гармонии бессилие «серой массы» является силой направленного разума, а творческая сила превращается в бессилие. P.S. Вообще выражение «встраиваться в природу» имеет синонимичный фразеологизм «плыть по течению», или, демонстрация свое нестигаемое достоинство, обозначающее себя как «лучше всех»... или, русский прицельный вариант – оскотиниться... – Бог дал человеку мир в дар, чтобы он владел всей природой, но мистика призывает к обратному – стать частью природы, чтобы природа владычествовала над человеком.

Бог, конструируя Бытие, приспособливает что-либо к чему-либо, поэтому непосредственно и творчество оказывает-

ся фактором приспособления. Поэтому вообще, приспособление при задействии умственных способностей является творчеством, а творчество – приспособлением, только приспособление в мире гармонии происходит через экономию сил, где человек, к примеру, будет довольствоваться пещерой, с дальнейшим вытекающим положением – пусть другие на меня, и тем более на мое величие, поработают, а приспособление в системе будораживающего творчества осуществляется, как с большей изобретательностью, так и с повышенной затратой собственных сил, когда, к примеру, строиться дом и впоследствии наполняется удобствами. Поэтому приспособление в системе творчества лишь относительно является приспособлением, но в большей степени использованием в своих интересах окружающую среду, но, в то же время, разумно-творчески не нанося ей значительный ущерб. Вследствие этого, сбережение энергии является остановкой и неминуемой ее растратой, словно остановившегося путника в пустыне, которого бурей заносит песком, т. е. сбережение есть растрата-разложение, а творческое не сбережение наоборот ведет к ее увеличению, к культурному (не криминального вида) обогащению, через общее благословение системы Творцом. Другими словами, в гармонии происходит стремление к увеличению энергии, как можно более простым способом – либо повальной экономией, либо, копируя не экономию Бога-Творца – хаосом, в обоих случаях прекрасно воплощая русскую поговорку – «место красит чело-

века», что буквально означает марксистское материалистическое «бытие определяет сознание»⁴⁸, когда в творческой системе – наоборот. (К. Маркс придавал своей фразе «бытие определяет сознание» только материалистическую точку зрения, равно как и понятию «диалектика», когда в действительности и то и другое нужно рассматривать, учитывая религиозную составляющую).

Агрессия, страх и нужда в гармонии являются двигателями процесса движения к состоянию покоя, покойственная лень – эталоном счастья, нирваной-мокшей, разврат – животное состояние удовлетворения. Рефлексивная природа элементов выявляет математическую закономерность, математическая закономерность открывает роботизированность. Поэтому мир гармонии, это мир холодных бесчувственных роботов-вампиров, ищущих только энергетическую подпитку.

Природа гармонии – целостность. Но целостность является рамкой ограничения. Поэтому гармония, по свойству своей особенности фактора замкнутости, несет пример слепоты, глухоты и бесчувственности, она слушает, но никого не слышит, смотрит, но ничего не видит, и существует своим миром необъяснимой, для здравого рассудка, загадочности, странного пути ее логики вещей, феномена разорванности причины и следствия.

⁴⁸ Здесь и далее по тексту эта фраза в кавычках означает марксистское материалистическое понимание.

Ценнейшее качество в мире людей – профессионализм. Но профессионализм является всего лишь отличным рефлексом и его разновидностью в виде складского помещения накопления базы данных, что в целом содержит мозги т. с. в отключенном состоянии. Поэтому гармония – профессионал профессионалов, где умственные системы-способности погружены в сон, все роботизировано до состояния фактического уравнивания штатной единицы с инвентарным номером.

Гармония есть личность, соответственно у нее высокое достоинство, которое есть «всё». Высокое достоинство в гармонии является противоположностью низкого падения – «ничто». Однако в «единстве противоположностей» высота равна низости, низость – высоте. Поэтому альфа-самцовство гармонии неотделимо от ее мазохистских проявлений, и поэтому религиозное мировоззрение и власть здесь самые истинно-просветленные, правильное мироустройство, которое прилагает все усилия посильнее «нагнуть» все элементы этого устройства, включая и саму власть, и религию, и поэтому состояние вечного бреда здесь представляется бесконечно тяжело достигаемой бесконечно искомой истинной.

Гармонию не интересует мнение ее элементов, они «ничто», но интересует только то, чтобы все до единого элемента возводили ее мнение в состояние аксиомы, – гармония не терпит никакой конкуренции, и только в исключительных обстоятельствах прислушивается к мнению «ничто», и даже

к оппозиции, допуская ее некоторое проявление под своим зорким присмотром, только в случае личного неустойчивого состояния в надежде найти совет мудрости по обеспечению себе большей устойчивости.

Гармония это величина, а величина это сила-независимость-достоинство, соответственно, гармония подчинена интересам природы высокого достоинства собственной силы, поэтому слабый-недостойный здесь воспринимается за никто и ничто, где слабый в человеческом мире это лицо, имеющее какую либо зависимость (финансовое, пленное), которая политическим условием затем превращается в путь постоянного опускания, и, непосредственно, слабый пол – женщина, которая здесь существует состоянием вражеского пленника. Другими словами, чем больше в обществе вообще проявлены рабские условия и чем больше женщины ущемлены в житейских правах, тем больше это общество подвержено матриархальному влиянию – культ женского начала, по современному модно представляющееся любовью, очагом, семьей, доброй помощницей, сильнее низводит любого слабого и непосредственно саму женщину дальше в ничто.

Наличие гармонии уже свидетельствует о наличие противоположностей, наличие противоположностей свидетельствует об их взаимодействии, гипотетически, как дружественное – т. н. «единение противоположностей», что в большей степени культивируется мистицизмом на протяжении тысячелетий, исходя из положения гармонии равенства всех

частей и поскольку все вышли из одного, все являются одним, преподнесенное в иносказательной форме, понятное человеку, в качестве братства элементов природы, причем подчеркивая братство в мире людей мистицизм не афиширует положение братства всех частей природы – это супербратство, – камуфлируя всё под определение единения – гармония вообще стремиться к усредненности, человека она опускает до состояния обычного животного (в человеческом мире превращает в серую массу), мельчайшие организмы приравнивает к животному классу, – так и противонаправленное в интересах – т. н. «борьба противоположностей», исходящее из самого понятия противоположность, поскольку гармония есть целостность и ее интерес сосредоточен внутри системы, нацелен на охранении целостности и отдаление смерти, поэтому дружелюбие здесь является либо вынужденным фактором выживания, либо животным инстинктом половых симпатии, либо следствием т. н. патриотических настроений, и в таком случае, гармония, это вечная боевая стратегия всех против всех, объединенные в группировки схожими отличительными чертами и целями. Поэтому в гармонии «слово-закон» является обратным отображением абсолютной беспринципности, что в природе волшебного единства, сливаясь, образует усредненное состояние, а поскольку личный интерес всегда доминирует над остальными, то поэтому гармония напоминает ужа на сковородке, для своей устойчивости постоянно изворачивающейся в ис-

кании лучшего положения во всеобщем мире дисгармонии. (Поэтому, если экономика периода капитализма действует по принципу выравнивания дебета с кредитом, то это общество представляет собой сборище хамелеонов).

Состоянием величины гармония представляется логикой явления, но в «единстве противоположностей» сама логика противоположна себе, поэтому гармония кипит логическими противоположностями. С одной стороны, она говорит о развитии, с другой, с силой всемирной гравитации всех и всё выравнивает, заявляя о единстве, братстве, с третьей, отбрасывает нижестоящую ступень и вообще всё, что так или иначе не совпадает с её целями, с четвертой, иллюзорное пребывание в усредненном состоянии мира выдает за реалистичность, т. е. в гармонии иллюзия это реальность, и в то же время, поскольку реальность имеет усредненное состояние, то значит, этого мира не существует, поскольку усредненность это «0», т. е. реальность есть иллюзия (поэтому в «0» в первую очередь переходят все неудобные для гармонии факторы)...

Составной частью Божественной реальности иллюзия, в состоянии высокого достоинства, заявляет о своей суперреалистичной истинности, выставляя Божественный мир за результат взаимодействий внутренних своих образов, и в то же время, состоянием нет копирует невидимый образ Бога-Творца.

Внутреннее усредненное состояние для гармонии самое

устойчивое, поэтому она приписывает себе сложившуюся поговорку «золотой середины». Но, если так можно сказать, «золотая середина» выявляется не от увеличения собственной значимости, т. е. эгоизма и борьбы противоборствующих сил, а наоборот, уходом от эгоизма, напряжения импульса, в разумном понимании соблюдения интересов сторон. Поэтому, мистическая усредненность вовсе не Божественная, мистическая, – это нож за спиной – ущербная усредненность, ищущая подпитки и потому в природе «–» – в действительности «0» не существует, т. е. его нет – он «ничто», и потому сама усредненность это иллюзия, Божественная, – открытая приветливость, встречающая гостя, дающая ему все необходимое – имеющая, т. е. она в значении «+».

Поэтому тот, кто ищет золотую усредненность (сбалансированность), тот вступает не на природу золота, а на противоположность этому, выбирает путь постоянного «–».

В гармонии почитают старшинство и преклоняются перед силой, поскольку эти два фактора являются мозгом системы, поэтому здесь все ориентируются на самого преклонного, но в большей степени сильного (или, нахального), в таком ракурсе самого умного, мудрого и, соответственно, старшего для всех остальных.

Ситуация «единения противоположностей» приводит к единству, единство – к затворничеству, затворничество – к аскетизму и раздробленности, аскетизм раздробленности – к единению через аскетизм и единству... – это колесо сансары,

у которого выхода нет (но которое в индуизме трактуется состоянием выхода из колеса сансары, точно так же как, к примеру, у Гегеля, спасение от закона в законе). Или, можно сказать иначе, ситуация «единения противоположностей» представляется целостностью, целостность двулика, поскольку в себе несет величину-свободу и ограниченность-тюрьму. Поэтому в целостности величина равна ограниченности, свобода – тюрьме: величина сама для себя является тюрьмой, поскольку ее свободное состояние заключено в себя – в этом и есть абсолютная свобода, быть независимым ни от кого, и в то же время погруженным в себя и зависеть от себя. Поэтому гармоничное целостное состояние, состояние свободы, это абсолютное одиночество или искусственное соединение абсолютных одиночеств, вроде того, как раздробленность по тюремным камерам, когда никому ни до чего нет дела, либо дружный хор сидельцев по камерам, для удовлетворения чувства единения надсмотрщика за камерами, который гордится своей тюрьмой и примерным поведением в ней находившимся, в том числе и себя.

Тюремный мир сидельцев (уголовников) – это тоже мир социальности, но отрицательного свойства, поэтому в состоянии супер, где товарищи по достоинству (лениво копируя общий творческий процесс Бога-Творца) разделяют общую камеру принудительного труда. Это социальность вынужденного, тюремно-монастырско-коммунного условия, где голодной смертью умереть не дадут (если конечно не

противоречишь общим тюремным правилам), но рассчитывать на большее не приходится. Поэтому насчет социальной гармонии утверждает однозначно, что социализм может быть и необходим исключительно картиной тюремного условия – социализм канона «хера», естественно, прикрывающийся картиной, сказать, преизбыточной жизни сельской коммуны. Иначе говоря, гармония утверждает, что социализм бывает только левый, другой тип социализма – это нонсенс (в само деле, ведь по гармонии кроме нее никого и ничего нет).

Единство в Боге – это единство в процессе движения, соответственно, творчества. Единство в гармонии это единство в процессе обездвижения, застоя, стагнации, дремоты, депрессии, паралича. Для гармонии вообще бездействие лучше действия, лучшее действие.

Покойственность гармонии является тюрьмой для резвости дисгармонии. Следовательно, в мире дисгармонии гармония лучше всего воплощается в тюремном заключении, которое, таким образом, и есть абсолютное счастье гармонии – нирвана. Абсолютная же покойственность заключена в абсолютном ничто – атмосферной пыли, – это абсолютная нирвана. Поэтому абсолютно освобожден от всего, абсолютно свободен тот, кого не существует, – свобода есть выражение суицидальности.

Порядок в гармонии является средством успокоения системы, когда каждый знает свое место и не высовывается за

дозволенные рамки, делает то, что ему велено, по распространённой русской пословице, т. н. русской мудрости – «каждый сверчок знай свой шесток». Порядок в Боге – инструмент для творческого созидания, где каждый совмещает свои наделенные Богом таланты (разности) с общим творческим движением общества, и на этот счет русская мудрость своей богатой фантазией за всю историю смогла оформить лишь внушительный пробел.

Прекрасный способ устойчивости это моральное уважение. Поэтому гармония в первую очередь гордится своим возрастным старчеством, древними корнями. Ее мало заботит состояние ее внутренних величин, лишь бы они не вызвали беспокойство, Пребывая в старческом, полуживом-полумертвом, абсолютного спокойствия, замороженном, состоянии гармония стремится пережить всех своих более живых, более глупых, с ее точки зрения, затрачиваемых энергию соседей. Поэтому самая ходовая поговорка гармонии – «что бы ни делать, лишь бы ничего не делать».

Вышеприведенную «золотую» поговорку, желая, не желая того, копируют все элементы гармонии, которые одновременно и боятся, поскольку «любая инициатива здесь наказуема», и сами не хотят выходить за очерченные рамки их дозволенности, – гармония это закон, а закон это запрет, поэтому запрет в гармонии это аксиома её существования, и любое разрешение здесь несет чрезмерную форму страха «как бы чего не вышло».

Природой бесконечности гармония является болезненным фактором впадения в крайность – если покой, то абсолютный – мертвящий, если дисгармония, то вплоть до самоуничтожения, но уничтожения не центральной гармонии, а ее периферийных областей, соблюдая тем интерес к выживанию гармонии и ее положения «единения противоположностей», – самое священное в гармонии это ее сердцевина – «0».

В гармонии патриотизм находится в сковывающем положении ситуации справедливости. Здесь, правилом мира величины, патриотизм вовлекается в тюремное состояние достоинства абсолютного совершенства и чистоты образа «Я», когда отдельное в меру непоседливое «я» элементов кристаллической решетки системы замораживается до такой степени, что «я» становится неподвижным колом, при котором происходит волшебное превращение «я» в «не я», где «я» изменяется в состояние высоты «Я», становясь суперэлементом системы, где «мои мысли» облекаются в форму «не мои мысли», а «не мои мысли» предстают эффектом «моих мыслей». Это как будто бы вожеленное взросление, когда появляются крылья для полета, состояние наркотической эйфории эффекта появляющейся силы, но в действительности является незаметной подменой вещи действия хитрости повышенного безумства, когда одаренные несущие вдаль крылья обозначают лишь условие изначальной задолженности, состоянием непрерываемой заданности действий опре-

деляется принцип беспомощности мира насекомых. Другими словами, патриотизм в гармонии – это принцип эволюционизма, когда намечаешь одно, а получается другое (на что мистика говорит, это искусство волшебства, поскольку получилось лучше, просто фантастика). Поэтому в состоянии юродства суперпатриотизма «ты» оказываешься «не ты», поскольку в состоянии «Я» теряется «Я», но «ты» становишься изначально заданным и никогда неизменяемым вектором нулевого действия, когда «Я», будучи высокого мнения о себе оказывается подстилкой позиции общей непререкаемости состояния безручья фактора пещерного мировоззрения мира высокого достоинства.

Гармония вообще очень печется о сохранении энергии и потому о том, чтобы ее элементы были как можно менее подвижны (или направлены в строго определенную сторону), т. е. о состоянии их тюремного заключения (или полутюремного, военизированного). Это гарантия стабильности гармонии. Поэтому тюрьма начинается возводиться уже в сознании системы, камуфлируя это под любовь к своей когда-то выбранной предками стези – отеческим гробам, т. е. под определение патриотизма, не затемняющей святой любви к отечеству. Нюанс же патриотизма в том, что история практически любого общества была концентрированием природы целостности. Поэтому гармония очень патриотична, что в действительности является для нее фактором ориентации внутрь системы, т. е. удержание элементов в состоянии бли-

зорукости, невежественности, и особенно в не стабильном положении, маскируя тем свое слабеющее состояние, т. е. ее интересует устойчивая целостность, выраженное в подчиненности величине, и любой инициатор, не вписывающийся в жесткие рамки т. н. подчинённой любви, тот объявляется врагом отечества, за чем скрывается банальная боязнь величины потерять лицо, а затем и устойчивость положения: к патриотизму, который не прославляет саму гармонию, гармония проявляет безразличность, со временем все сильнее превращающееся в подозрительность о существовании прямого конкурента. Поэтому гармония культивирует патриотизм, возводя это в болезненную параноидальческую фазу истинности состояния, мистического патриотизма свойства всё охватывающей гравитации – гордости тюремного состояния аскетизма, объявляя врагами всех т. н. умеренных патриотов-инициаторов, называя их поддонками и предателями, и использует его, с одной стороны, в своей целях еще большей спасательной закупорки, а с другой, объединительного порыва, направленного либо на трудовые рекорды, либо на действия военного характера по отношению к внешнему миру. Поэтому состояние мира гармонии – не правота, а нанесение превентивного упреждающего удара по всему, что не вписывается в рамки любви к ее состоянию свободы, равенства, справедливости и достоинства, – в гармонии вообще презумпцию абсолютной правоты имеет только правоохранительно-карательная система, она находится в состоя-

нии воли, делегируя этот образ своим элементам, которые ограниченным сознанием воспринимают все «за чистую монету», т. е. что их воля бесконечна, в действительности гармонии, терпящей бедствие от приспособления к вечно изменяющемуся окружающему миру, всё пребывающее лишь «до поры до времени».

Состояние Божественного патриотизма, когда Творец, производивший постановку изменения, Собою наполняет и объединяет течение разносторонностей, даёт им вечную жизнь радостного существования, по-своему старается скопировать гармония используя для этого эффект опережения, и потому её патриотизм находится в состоянии супер, условием скачкообразного феномена является обстоятельством убегающего отражения, постановкой ненормальности оказывается в прямолинейности изломленной природой Божественного благословения.

Объективность условия патриотизма гармонии включает в себя весь мир противоположностей её элементов, в том числе, как живых, так и не живых. Поэтому объединяющим порывом гармонии является ситуация доведения структуры её личностных частей до общего значения равенства, когда живое пропитывается неживым, а неживое – живым. Поэтому всё снивелировано к «золотой середине», где смерть предстаёт постановкой не исчезновения, но впадение в состояние галлюциногенных переживаний, а жизнь не оказывается жизнью в полном значении этого слова, творческим

движением, но выражением безрукой, зомбировано бестолковой беспомощности, мало отличающейся от образа идиотизма.

Гармония – цементирующий мир первенства своих, чужие, которые не первые, здесь отторгаются нивелированием в «ничто». Однако в «единстве противоположностей» «ничто» является всем, и потому это отдельный мир своего первенства, в свою очередь, способное рассматривать «мир первенства своих» как почву своего существования – в гармонии плюс и минус находятся в неустойчивом положении и поэтому время от времени меняются местами.

Природа целостности несёт в себе фактор ограниченности, вследствие чего в целостности ограничена сама стабильность, – стабильность здесь постоянно нарушается из-за самой ситуации взаимодействия, вынужденного явления в мире общего взаимодействия, вытекающего из общей дисгармонии. Поэтому гармония вынуждена лавировать в мире неустойчивости, искать большую выгоду, отбрасывая выгоду меньшего порядка, т. е. существовать по принципу – кто кого больше перехитрит, или откровенно обманет.

В мире дисгармонии, которое есть причина взаимодействия, гармония представляется природой аскетизма. Но аскетизм является дисгармонией. Поэтому гармония в себе несет одновременно дисгармонию, и в этом факторе она копирует движительное произведение дисгармонии Бога-Творца, но в отличие от Бога степенью аскетизма, позици-

ей «—». Поэтому, чем больше гармонии, тем больше аскетической дисгармонии (хотя, положение больше-меньше в гармонии имеет фактор относительности), и наоборот. Поэтому гармония культивирует аскетизм, аскетизм — гармонию.

Весь мир дисгармоничен, неустойчив, и для своей устойчивости в мире неустойчивости гармония подстраивается под неустойчивое состояние, идет на сбой-скачок, внутреннюю дисгармонию, аскетизм, который принимает форму вынужденного движения элементов, т. е. необходимый труд, создающий благоприятные условия для устойчивости. Поэтому гармонии необходима дисгармония, которая служит залогом гарантии состояния ее целостности, и поэтому в гармонии дисгармония-труд обожествляется, понятия труд-доблесть-бог становятся синонимами, воплощая природу «единения противоположностей», и в то же время являются «противоположностями», где доблести мерзостен труд, а труд никогда не достигает высот доблести. Поэтому в гармонии труд является ценнейшим фактором, который до бесконечности обесценивается, воплощая тем природу аскетизма и того и другого. (Поэтому в этой суперсистеме с работы возвращаются уставшими, зарабатывая тем хронические заболевания, и прекращают трудиться только будучи в одряхлевшем состоянии, отдавая себя на волю более молодых и таких же бедных элементов).

В системе равенства «единства противоположностей» открывается симметричный ему фактор неравенства, всегда

отрицательного вектора. Поэтому коммунистический типаж равенства воплощается в суровой аскетической среде, что в более менее цивилизованной системе лучше всего проявляется в монастырском и военизированном укладе, где одно сплошное равенство (которое, к слову говоря, показательным примером своего идеального равенства в самой низшей, солдатской среде не терпит ни лучшести, ни худшести) сталкивается с внутренним противоречием своего неравенства и общим выражением заторможенности умственного движения к покою. Поэтому можно вывести простую формулу равенства – коммунизм тяготеет к военизированнойности, и даже при всей своей миролюбивости ведёт политику разжигания военных действий, и чем больше, тем лучше.

Идеал целостности состоит в покое, что представляется фактором обездвижения, которое, в свою очередь, для мира движения является аскетизмом. Поэтому сам по себе покой есть аскетизм, и он служит положительным фактором, и даже необходим, поскольку иллюзия гармонии существует, но строго в умеренных, образно говоря, иллюзорных дозах, поскольку гармония всего лишь иллюзия. Поэтому в системе гармонии процветание вообще является способом выживания, и не более того.

Гармония есть природа неправильности, невозможности существования в идеалистическом представлении целостности. Поэтому, чтобы неправильность обрела правильную форму устойчивости она сама идет на неправильность, вклю-

чает в себе функции, отрицающие ее саму, под зорким при-
смотром и небольшим исключением.

Гармония – природа волшебства, которая воспринимает преобразовательную дисгармонию за эталон волшебства. Поэтому гармония вынуждено стремится к миру дисгармонии, чтобы приобрести волшебное состояние как можно больше. Поэтому повышенная дисгармония положением аскетизма трудового состояния является прогрессивной святостью мира гармонии.

В состоянии дисгармонии гармонии всегда не хватает бесконечности, поскольку одна величина есть бесконечность, поэтому аппетит гармонии бесконечен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.